

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Реброва Наталия Евгеньевна

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СТАТУС ЭВФЕМИЗМОВ
КАК ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Владимир Николаевич Бабаян

Ярославль 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Основные аспекты исследования эвфемизмов в современной лингвистике.....	15
1.1. Эвфемизм как лингвистический, коммуникативный и социокультурный феномен.....	15
1.1.1. Исследование эвфемизмов с лингвокультурологических позиций.....	17
1.1.2. Субституционный подход к исследованию эвфемизмов и его социально-исторические предпосылки.....	24
1.1.3. Номинативные области эвфемизации в современных языках.....	32
1.1.4. Функционально-коммуникативный анализ эвфемизмов в рамках теории речевых актов.....	38
1.2. Эвфемизмы и смежные языковые явления.....	44
1.3. Основные подходы к описанию языковых средств реализации эвфемизмов.....	54
1.3.1. Формально-семантический подход к описанию способов образования эвфемизмов.....	54
1.3.2. Структуралистский подход к описанию способов образования эвфемистического эффекта.....	60
Выводы по Главе 1.....	71
Глава 2. Структурно-семантические и лингвокультурные особенности эвфемизмов в аспекте лексикографического описания.....	75
2.1. Виды эвфемистических наименований с точки зрения их лексикографической фиксации.....	75
2.1.1. Способы лексикографической фиксации реальных эвфемизмов....	77

2.1.2. Способы лексикографической фиксации потенциальных эвфемизмов.....	83
2.2. Лексикографическая фиксация эвфемизмов как способ репрезентации морально-этических ценностей в англо- и немецкоязычной лингвокультурах.....	88
2.2.1. Номинативные области общекультурных эвфемизмов.....	89
2.2.2. Номинативные области культурно-специфических эвфемизмов.....	107
2.3. Механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения в аспекте лексикографической фиксации.....	122
2.4. Характеристика эвфемизмов с точки зрения сопутствующих лексикографических помет.....	143
Выводы по Главе 2.....	158
Заключение	161
Список сокращений и условных обозначений.....	166
Список литературы.....	167
Список источников исследования.....	193
Приложение А.....	194
Приложение Б.....	196
Приложение В.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено систематизации основных семантических, структурных и лингвокультурных аспектов эвфемистических единиц и традиции их лексикографического описания. Особое внимание уделяется корреляции статуса эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации с особенностями их лексикографической фиксации.

Одной из основных тенденций развития и функционирования современных языков является использование в них эвфемистических наименований. Широкое распространение этого явления отмечают отечественные (А. М. Кацев, М. Л. Ковшова, Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина, Е. И. Шейгал и др.) и зарубежные лингвисты (С. Видлак, Р. Глэзер, Э. Лейнфельнер, З. Лухтенберг, Р. Рада и др.).

Особый интерес представляет лексикографическая фиксация эвфемистических наименований в академических толковых словарях. Прежде всего, показателен отбор языковых единиц, сопровождаемых соответствующими лексикографическими пометами и комментариями. Закрепленность определенных эвфемизмов в лексической системе языка, о чем свидетельствует их словарная фиксация, позволяет рассматривать их как носителей определенной лингвокультурной информации. Эвфемизмы аккумулируют архетипические представления нации, воплощают в себе морально-этические и нравственные установки социума, а также проявления национального характера. С другой стороны, широкие контекстуальные возможности использования языковых единиц в эвфемистической функции затрудняют лексикографическую фиксацию подобных наименований и приводят к появлению неоднородной системы способов экспликации эвфемизмов в словарях.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем фактом, что эвфемизация пронизывает все социальные варианты языка, ей подвержены как бытовое общение, так и книжные формы речевой коммуникации.

Эвфемизмы широко представлены в дипломатической и политической сферах, в художественной литературе и публицистике, где они реализуют разнообразные функции, начиная от предотвращения коммуникативного дискомфорта и заканчивая всевозможными языковыми манипуляциями с целью сокрытия истины, а также для достижения сатирического эффекта.

Степень изученности научной проблемы. На сегодняшний день эвфемизация как системное языковое и социокультурное явление, которое трансформируется в условиях меняющейся социокультурной ситуации, исследовано недостаточно основательно. Несмотря на высокую частотность использования эвфемистических единиц, типологические аспекты данного лингвистического явления остаются недостаточно разработанными и вызывают полемику.

В частности, спорным представляется традиционное рассмотрение эвфемизма как объекта риторики и стилистики, осуществляемое в аспекте системоцентризма и ограничивающееся пониманием эвфемистических единиц как «разрешенных» слов, употребляемых вместо «запрещенных» (термин А. А. Реформатского).

Кроме того, современными учеными подчеркивается необходимость изучения языка в тесной взаимосвязи с изучением человека и его культуры, что значительно расширяет области исследования культурно обусловленных лингвистических явлений, к которым относятся эвфемистические наименования. Тем не менее, способность эвфемизмов быть носителями лингвокультурной информации остается малоизученной.

Наконец, стоит отметить отсутствие специальных научных работ, посвященных системному исследованию процесса лексикографирования эвфемизмов в толковых словарях, а также описанию лексикографического потенциала эвфемистических наименований. Это проявляется в недостаточной разработанности как системы экспликации эвфемизмов в лексикографических источниках, так и принципов выделения корпуса слов, которые должны сопровождаться соответствующими пометами.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые выявляются, систематизируются и описываются принципы лексикографического описания эвфемизмов, реализующих свои функции в английской и немецкой лингвокультурах. При этом детерминируются такие аспекты рассматриваемого явления, как:

- анализ структуры словарной статьи с точки зрения наличия в ней информации об эвфемистическом потенциале той или иной единицы языка;
- классификация зафиксированных в словарях эвфемизмов с точки зрения аккумуляции в них социальной, культурно-специфической информации;
- выявление обусловленных культурной и социальной вариативностью языка механизмов реализации эвфемистического эффекта в корпусе зафиксированных в словарях единиц;
- определение стилистического статуса эвфемистических наименований в рамках лексикографических концепций исследуемых словарей.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что анализ лексикографической фиксации англо- и немецкоязычных эвфемизмов позволяет выявить ряд присущих им универсальных и национально-специфических семантических характеристик, структурных и стилистических особенностей, а также сделать вывод об эвфемистических единицах как языковых средствах репрезентации лингвокультурной информации.

Объектом исследования являются эвфемизмы английского и немецкого языков.

Предметом исследования выступают семантические, структурные и лингвокультурные характеристики эвфемистических единиц английской и немецкой лингвокультур, определяющие принципы лексикографической фиксации эвфемизмов в толковых словарях.

Цель диссертационной работы заключается в систематизации семантических, структурных и лингвокультурных характеристик эвфемистических единиц в аспекте их лексикографического маркирования в современных толковых словарях английского и немецкого языков.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся **следующие конкретные задачи:**

– исследовать содержание понятия «эвфемизм» с точки зрения его семантических, лингвокультурных, коммуникативных и структурных особенностей и дать рабочее определение эвфемизма;

– проанализировать способы маркировки эвфемизмов в исследуемых лексикографических источниках и выделить на этой основе различные виды эвфемистических наименований;

– выявить номинативные области эвфемистических наименований, зафиксированных в толковых словарях английского и немецкого языков, определить корреляцию их состава с историческим и социокультурным развитием общества;

– провести анализ способов образования маркированных в словаре эвфемизмов;

– выявить основные виды помет, которые сопровождают зафиксированные в словарях эвфемизмы, и на основании этого сделать вывод о дополнительных характеристиках, присущих эвфемистическим единицам английского и немецкого языков.

В соответствии с поставленными задачами в работе применены следующие **методы и приемы исследования:** метод лингвистического описания, методы лексикографического и сопоставительного анализа, лингвокультурологические методы (дефиниционный анализ и метод семантической интерпретации), приемы классификации и систематизации, метод сплошной выборки языкового материала, статистическая обработка материала и формализованные приемы представления результатов (таблицы).

Эмпирическим материалом исследования является корпус эвфемизмов, имеющих соответствующую лексикографическую маркировку, сформированный методом сплошной выборки (авторская картотека включает **более 900** языковых единиц, из которых 559 единиц эвфемизмов английского языка и 424 единицы эвфемизмов немецкого языка) из больших академических словарей –

Оксфордского словаря английского языка (Oxford Dictionary of English, далее OED; 2010 г.), Словаря английского языка издательства Коллинз (Collins English Dictionary, далее CED; 2016 г.), Универсального словаря немецкого языка издательства Дуден (Deutsches Universalwörterbuch, далее DU; 2011 г.) и Словаря современного немецкого языка под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, далее WdG; 2009 г.).

Достоверность и надежность данных, полученных в ходе исследования, обеспечивается методологической обоснованностью, адекватностью методов исследования объекту, предмету, целям и задачам работы, комплексным характером исследования, репрезентативностью и достаточной выборкой эмпирического языкового материала.

Теоретической основой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках приведенных научных дисциплин и направлений:

– *теория эвфемии* (Н. М. Бердова, А. М. Кацев, Л. П. Крысин, М. Л. Ковшова, Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина, К. Allan, R. W. Holder, L. Luchtenberg, R. Rada и др.);

– *лингвокультурология* (Н. Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. И. Жельвис, Е. И. Зиновьева, В. В. Красных, С. А. Кошарная, В. А. Маслова, А. Т. Хроленко и др.);

– *семантика* (Ш. Балли, Э. Бенвенист, А. В. Бондарко, А. А. Григорян, Г. В. Колшанский, Т. П. Ломтев, Т. Г. Попова, Л. В. Щерба, D. Crystal, W. Schmidt и др.);

– *лексикология и стилистика* (И. В. Арнольд, В. Н. Бабаян, М. П. Брандес, И. Р. Гальперин, М. Д. Городникова, Л. В. Зиндер, А. М. Искоз, К. А. Левковская, В. Т. Малыгин, М. И. Моисеев, И. Г. Ольшанский, Т. Г. Попова, Э. Г. Ризель, М. Д. Степанова, А. В. Суперанская, Л. В. Шевелева, D. Faulseit, Th. Schirpan, H. Seidler и др.);

– *лексикография* (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, В. П. Берков, М. А. Бобунова, В. Д. Девкин, К. М. Денисов, В. В. Дубичинский, О. Н. Емельянова, Э. М. Медникова, В. В. Морковкин, С. И. Ожегов,

Г. Н. Склярская, Л. И. Скворцов, Т. Г. Винокур, G. A. Klepanski, K. D. Ludwig и др.).

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в том, что основные положения и результаты исследования способствуют решению вопросов, связанных с социокультурной проблемой эвфемизации социальных (внеязыковых) реалий, систематизацией типологических семантических, структурных и лингвокультурных характеристик эвфемистических единиц, выявлением основных номинативных областей эвфемизации в современных лингвокультурах, а также способов образования эвфемистических единиц. Материалы и выводы исследования вносят определенный вклад в исследование теории языка, а также в разработку принципов лексикографического описания эвфемизмов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии и стилистике английского и немецкого языков, при проведении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам современной лексикографии и лингвокультурологии. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, а также в научно-исследовательской работе аспирантов. Основные положения и выводы проведенного исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении словарей эвфемизмов.

Личное участие соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации. Автор самостоятельно сформулировал предмет, объект, цель и задачи исследования, проанализировал русскоязычную и иностранную литературу по исследуемой проблематике. В работе выявлены основные номинативные области эвфемизации в современных языках; исследованы эвфемистические наименования как объект лингвокультурологического анализа; выявлена лингвокультурная информация, средствами репрезентации которой являются эвфемизмы; проанализированы способы маркировки эвфемизмов в

исследуемых лексикографических источниках и выделены на этой основе различные виды эвфемистических наименований; выделены номинативные области эвфемизации общекультурных и культурно-специфических эвфемизмов; проведен анализ способов образования промаркированных в словарях эвфемизмов; выявлены основные виды помет зафиксированных в словарях эвфемизмов.

Наиболее существенные научные результаты, полученные лично соискателем, заключаются в том, что применен комплексный лингвистический анализ лексикографического статуса эвфемизмов на материале входных единиц толковых словарей, который выявил определенную специфику их функционирования в англо- и немецкоязычной лингвокультурах. На основании комплексного анализа сделан вывод о способности эвфемизмов быть средствами репрезентации лингвокультурной информации, выявлены обусловленные культурой механизмы реализации эвфемистического эффекта в корпусе зафиксированных в словарях единиц и определен стилистический статус эвфемистических наименований в рамках лексикографических концепций исследуемых словарей.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в докладах на следующих научных конференциях: международная конференция «Чтения Ушинского. Язык и общество: диалог культур и традиций» (Ярославль, 2006, 2007 гг.); научная конференция «Наука в Рыбинске: история и современность» (Рыбинск, 2009 г.); II международная научно-практическая конференция «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом» (Пермь, 2013 г.); IV Международная научно-практическая конференция «Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры» (Краснодар, 2013 г.); XI международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Россия в период трансформации: общие ценности в России и Европе» (Ярославль, 2017 г.). Основное содержание диссертационного исследования отражено в 16 научных работах (6,4 п.л.), из них 6 статей в журналах, входящих в

перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ, в том числе 1 статья, входящая в базы данных Scopus и Web of Science, статьи и материалы докладов международных, всероссийских и региональных конференций.

Основные выводы диссертации нашли отражение в руководстве научно-исследовательскими работами студентов, выполненных на кафедре иностранных языков РГАТУ им. П. А. Соловьева по актуальным проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, в частности, следующим областям исследования:

п. 1. Теоретическая лингвистика. Язык и коммуникация. Отражение коммуникативных целей в структуре языка. Язык и общество, язык и культура;

п. 6. Семантика. Семантика, как лингвистическая единица. Принципы и методы описания лексического значения. Компонентный анализ лексических значений и путь его развития от набора дифференциальных семантических признаков к толкованиям – экспликациям. Языковая и речевая многозначность. Диффузность значения и возникающие в связи с этим проблемы его словарной презентации. Метафора, метонимия, синекдоха как основные типы семантических корреляций между значениями многозначного слова и попытки их когнитивного моделирования. Эксплицитная и имплицитная информация в высказывании. Прагматический компонент, его иллокутивный и дейктический аспекты. Иллокутивная функция высказывания и способы ее репрезентации;

п. 12. Социолингвистика. Социолингвистический подход к предмету лингвистики. Вариативность языка и ее связь с социальной вариативностью.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С лингвистической точки зрения эвфемизмы представляют собой средства различных уровней языковой системы, использование которых позволяет редуцировать стигматичные семы конвенциональных наименований, предотвращая тем самым возможный коммуникативный дискомфорт. На основе

анализа стигматичных сем выявлены номинативные области эвфемизации, состав которых определяется спецификой конкретной лингвокультуры.

2. Характеризуясь схожими для всех языков принципами лингвистической реализации и функциональными особенностями, эвфемизмы аккумулируют морально-этические нормы и идеалы социума, а также черты национального менталитета и этапы культурно-исторического развития нации. Это дает основания для выделения **общекультурных** и **культурно-специфических** эвфемизмов. Количественный и качественный анализ зафиксированных в исследуемых источниках единиц демонстрирует, что в немецком и английском языках основными общекультурными номинативными областями эвфемизации являются «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь», «Физиология человека» и пр., в то время как к культурно-специфическим относятся «Бытовые проблемы», «Политические проблемы и военные действия», «Преступления и их последствия», «Социально-экономические проблемы» и пр.

3. Лексикографическая концепция исследуемых словарей демонстрирует использование дифференцированного подхода при экспликации наличия эвфемистической функции у леммы. Соответствующие пометы в различных зонах словарной статьи, комментарии в зоне толкования вокабулы служат маркерами лексикографической фиксации различных видов эвфемизмов – *реальных*, имеющих константное эвфемистическое значение, и *потенциальных*, эвфемистическая функция которых обнаруживается в конкретном языковом окружении.

4. Лексикографический потенциал эвфемистических единиц предопределяется механизмом лингвистической реализации эвфемистического значения, что подтверждает количество зафиксированных в исследуемых источниках соответствующих единиц. Большая часть эвфемизмов образована посредством метафорического и метонимического переносов. Напротив, эвфемизмы, реализация которых осуществляется посредством морфологических и синтаксических операций над замещаемым словом, составляют значительно меньшее количество, что обусловлено их тесной корреляцией с контекстом.

5. Анализ зафиксированных в словарях эвфемистических единиц свидетельствует о широком диапазоне присущих им дополнительных стилистических характеристик и эмоционально-экспрессивной окраске, что опровергает традиционное представление об эвфемизмах как эмоционально нейтральных словах и выражениях.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав и заключения. К работе прилагаются список литературы (209 наименований, в том числе 36 на иностранном языке), список источников исследования, список сокращений и условных обозначений, а также приложения А, Б, В.

Во **введении** обосновывается выбор темы, объекта и предмета исследования, определяется его актуальность и научная новизна, формулируются цель, задачи и научная гипотеза исследования, дана общая характеристика материалов и источников исследования, указаны методы и приемы анализа, аргументируется теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, излагается структура диссертации.

Первая глава – «Основные аспекты исследования эвфемизмов в современной лингвистике» – включает в себя три раздела, в которых рассматриваются различные подходы к исследованию эвфемизмов, делается вывод о потенциале эвфемистических наименований в лингвокультурологических исследованиях, выделяются основные номинативные области эвфемизации, проводится анализ исследуемого явления с точки зрения теории речевых актов (п. 1.1.); предпринимается попытка дифференциации эвфемизмов и смежных языковых явлений (п. 1.2.); описываются средства лингвистической реализации эвфемизмов (п. 1.3.).

Вторая глава – «Структурно-семантические и лингвокультурные особенности эвфемизмов в аспекте лексикографического описания» – состоит из четырех разделов и посвящена исследованию способов лексикографической фиксации эвфемизмов и выделению видов эвфемистических наименований на основе этих способов (п. 2.1.), классификации зафиксированных эвфемизмов с

точки зрения содержания в них лингвокультурной информации (п. 2.2.), определению способов образования эвфемистического эффекта в аспекте лексикографической фиксации (п. 2.3.), а также анализу эвфемизмов с точки зрения сопутствующих лексикографических помет (п. 2.4.).

В результате делается вывод о лексикографической концепции исследуемых словарей относительно статуса эвфемизмов, которая проявляется в принципах их отбора, фиксации, а также постановки сопутствующих помет.

В заключении обобщаются результаты и подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы исследования видятся в анализе эвфемизмов с точки зрения диахронической лексикографии, а также в разработке принципов составления одно- и двуязычных словарей эвфемизмов.

Приложение содержит примеры эвфемизмов, отобранных методом сплошной выборки из словарей DU, WdG, CED и OED.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Эвфемизм как социокультурный, лингвистический и коммуникативный феномен

Появление и функционирование эвфемизмов в языке – сложный многоаспектный процесс.

Во-первых, возникновение эвфемизмов обусловлено не столько лингвистическими, сколько экстралингвистическими факторами, к которым, прежде всего, стоит отнести особенности культурного и исторического развития общества. На эту специфичную черту эвфемизмов указывают многие ученые. Так, Н. М. Бердова отмечает, что эвфемизмы находятся в центре пересечения экстралингвистических и лингвистических стимулов и речь в этом случае идет о «взаимообусловленности социально-психологических и денотативно-сигнификативных факторов» [Бердова 1981, с. 26]. А. М. Кацев определяет эвфемиию как «сложное многогранное языковое явление, имеющее три аспекта: социальный, психический и собственно лингвистический» [Кацев 1988, с. 4]. Социальный аспект подразумевает «лежащие в основе эвфемии социальные мотивы» [Там же, с. 4–5]. Психический аспект эвфемии коррелирует с достигаемым в результате эвфемистической замены «эффектом смягчения высказывания» [Там же, с. 5]. Лингвистический аспект предполагает определение признаков и условий использования эвфемизмов.

Во-вторых, помимо выполнения непосредственно эвфемистической функции, данные слова и выражения, являясь одним из источников синонимии, приводят к лексико-семантическим изменениям в языке и могут служить одним из стилистических средств наряду с метафорой, метонимией и сравнением. Эвфемизмы функционируют в бытовом и деловом общении, в речи политиков и дипломатов, а также в произведениях художественной литературы и публицистике с целью создания сатирического эффекта или как средство

языковой манипуляции и политической корректности (см. работы Г. Х. Ахматовой, В. Н. Бабаяна, А. А. Григоряна, С. А. Киселевой, Е. М. Малыгиной, О. Д. Пастуховой, Е. К. Темирбаевой, В. И. Шувалова, Е. В. Шляхтиной и др.).

Данные характеристики эвфемизмов обуславливают тот факт, что они являются объектом изучения не только филологических наук (общего языкознания, лексикологии, стилистики), но и некоторых других гуманитарных дисциплин (психологии, социологии, политологии).

Различные подходы к определению понятия «эвфемизм» (см. работы Л. А. Барковой, Л. В. Вавиловой, М. И. Зверевой, О. А. Михайловой, Н. М. Потаповой) демонстрируют весь диапазон аспектов, которые входят в это понятие. Р. Рада анализирует развитие взглядов на данное явление и выделяет следующие подходы к исследованию эвфемизмов:

- 1) традиционное рассмотрение эвфемизма как одной из разновидностей перифразы, присущее еще классической риторике;
- 2) семасиологический подход, согласно которому эвфемизм служит одной из причин изменения значения слова;
- 3) понимание под эвфемизмом социально-психологической категории, объясняющей причины переименования того или иного понятия в рамках исторической ономастиологии;
- 4) анализ эвфемизмов с точки зрения исследования политической речи, согласно которому эвфемизмы – индивидуальные окказиональные выражения, используемые общественными деятелями с целью приуменьшения негативного значения определенных событий [Rada 2001, S. 7–9].

Для достижения цели настоящей работы – систематизации семантических, структурных и лингвокультурных характеристик эвфемистических единиц в аспекте их лексикографического маркирования – представляется важным рассмотреть основные подходы к детерминации статуса эвфемизмов в рамках лингвокультурологического, субституционного и функционально-коммуникативного подходов. Считаем при этом целесообразным

проанализировать такие аспекты данного языкового феномена, как лингвокультурологический потенциал эвфемистических наименований, выделение основных номинативных областей эвфемизации, дифференциация эвфемизмов и смежных языковых явлений (вульгаризмов, жаргонизмов, «престижных» наименований и пр.), а также основные подходы к описанию средств лингвистической реализации эвфемизмов.

1.1.1. Исследование эвфемизмов с лингвокультурологических позиций

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике все большее внимание уделяется вопросам взаимопроникновения языка и культуры, проблемам кодирования и передачи культурно-семантической информации посредством языковых единиц. В связи с этим происходит «глубинное, имплицитное взаимодействие лингвистики, психологии и культурологии на уровне общей методологии и частных методик» [Алефиренко 2010, с. 6].

Данное направление обусловлено сменой лингвистических научных парадигм – системно-структурная парадигма, внимание которой было ориентировано на слово, на «исследование языка в самом себе и для себя» [Соссюр 1999, с. 233], постепенно сменяется антропоцентрической парадигмой, что приводит к переключению интересов исследователей с объекта познания на его субъект, т.е. на человека [Маслова 2001, с. 5].

Традиционный субституционный подход (см. 1.1.2.) к исследованию эвфемизма опирается именно на системно-структурную парадигму, поскольку в его рамках эвфемистическая единица рассматривается исключительно как эквивалент или синоним замещаемого слова, что возможно лишь в отдельных сферах эвфемистической номинации (бранная лексика, наименования сверхъестественных сил и пр.). При этом за рамками исследования остаются те сферы эвфемизации, которые появились вследствие социальных изменений и не

всегда являются обязательными для использования в них эвфемизмов (политические проблемы, экономика, социальные отношения и пр.).

Перемещение центра исследования с непосредственно языковых единиц на человека использующего их, значительно расширило области изучения лингвистических явлений, в том числе и процесса эвфемизации. Сегодня неоспоримым является тот факт, что эвфемизмы должны рассматриваться не только как средства номинации, но и как особые средства выражения, содержащие культурный компонент значения. Исследование эвфемизмов в рамках антропоцентрической парадигмы с точки зрения лингвокультурологических позиций достаточно широко представлено в современной лингвистике.

В частности, ряд работ посвящен анализу культурологических предпосылок эвфемизации (см. работы Ю. С. Ботороевой, О. С. Глиос, Н. В. Тишиной), описанию отдельных концептосфер, подвергающихся эвфемизации в различных лингвокультурах (см. работы Н. В. Терещенко, В. Ю. Харитоновой, О. С. Цыдендамбаевой), проводится сопоставительный анализ номинативных областей и концептуальных основ эвфемии в различных лингвокультурах (см. работы О. С. Денисовой, Л. В. Порохницкой, В. Al-Azzam, J. I. Hei-long), рассматриваются проблемы перевода эвфемистических единиц с учетом лингвокультурных особенностей (см. работы M. Weizaeaa).

Рассмотрим, насколько целесообразным и релевантным является анализ эвфемистических единиц с позиций лингвокультурологических исследований.

В. А. Маслова полагает, что объектами лингвокультурологических исследований могут выступать такие языковые средства, «которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания» [Маслова 2001, с. 36]. По ее мнению, к лингвокультурологическим единицам относятся: «1) безэквивалентная лексика и лакуны, 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) фразеологический

фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение; 9) область речевого этикета» [Там же, с. 37]. При этом В. А. Маслова отмечает, что только уникальные языковые единицы могут выступать в качестве предмета исследования лингвокультурологии. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерным является причисление эвфемизмов к лингвокультурологическим единицам. Будучи языковой универсалией, они охватывают схожие номинативные области в современных лингвокультурах и имеют общие механизмы лингвистической реализации.

Полагаем, что эвфемизмы могут рассматриваться как единицы лингвокультурологии в силу той специфической лингвокультурной информации, которую они аккумулируют. В настоящей работе под **лингвокультурной информацией** вслед за В. А. Масловой [Маслова 2002, с. 32] понимаются **«сведения, данные, отражающие национально-специфические стороны жизни определенного языкового коллектива, народа»**, иными словами, это информация о материальной и духовной культуре народа, воплощенная в живом национальном языке и проявляющаяся в языковых процессах и средствах. Под **языковыми средствами репрезентации лингвокультурной информации**, по мнению В. Н. Телия, понимаются слова и выражения, «в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной), и языковые единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте» [Телия 1996, с. 214].

Таким образом, языковыми средствами репрезентации лингвокультурной информации могут выступать языковые обозначения, аккумулирующие дополнительную информацию о реалиях общества (культуры, страны) и среды существования народа-носителя того или иного языка, его нравов, обычаев, культурно-исторических традиций, мировосприятия и др.

Эвфемистические единицы, представляющие собой слова и словосочетания, транслирующие культурно значимую информацию, относятся к подобным

языковым средствам. При этом важная лингвокультурная информация может быть представлена в эвфемистических наименованиях как эксплицитно, так и имплицитно. Рассмотрим каждый из этих случаев.

Эвфемизмы являются языковыми единицами, содержащими информацию о национально-культурной специфике общения, аккумулирующими специфические представления нации о морально-этических ценностях, запретах, социальных проблемах и пр. Количественная и качественная характеристика эвфемистических парадигм в отдельно взятых лингвокультурах различна, что, по справедливому мнению Л. В. Порохницкой, обусловлено «культурными традициями и этическими прескрипциями социума» [Порохницкая 2014, с. 6].

Данный тезис подтверждается рядом исследований. Так, Л. В. Порохницкая, сопоставляя концептуальные основания эвфемии в английском, немецком, французском, итальянском и испанском языках, приходит к выводу, что «на продуктивность номинативных сфер эвфемизации существенным образом влияет экстралингвистическая ситуация: отношение к табулируемому понятию и степень распространения эвфемизируемого явления в той или иной лингвокультуре» [Там же, с. 6]. Например, рассматриваемый ею концепт «пьянство» практически не имеет эвфемистических наименований в итальянском языке, что связано с традиционно высоким уровнем культуры потребления алкоголя в этой стране и, как следствие, «низкой степенью табуированности этой сферы человеческой деятельности в данном социуме» [Там же, с. 18]. Напротив, появление в конкретном обществе социальных проблем или осуждаемых социумом явлений дает основания для появления новых областей эвфемизации. Например, негативное отношение общества к наркомании вызвало приток соответствующих эвфемистических наименований в современных лингвокультурах [Там же, с. 7].

Чжан Чань, рассматривая лингвокультурологические аспекты эвфемизации в русском и китайском языках, приходит к заключению, что различия в количественном соотношении и тематической наполняемости эвфемизмов в этих языках связаны с «лингвокультурными и этнолингвистическими параметрами языкового сознания» [Чжан 2013, с. 13]. В то время как некоторые темы и

объекты эвфемизации схожи (смерть, сексуальные отношения, физические дефекты), другие являются уникальными, присущими отдельным лингвокультурам. Так, в русском языке отсутствуют эвфемизмы тематической сферы «Свадьба», широко представленные, в свою очередь, в китайском языке. Как отмечает исследователь, данное обстоятельство обусловлено «особенностями ментальности и психологии китайского народа: скромностью, скрытностью, интровертностью» [Там же, с. 13].

Более того, в одной и той же лингвокультуре на разных этапах культурно-исторического развития общества эвфемизации подвергаются противоположные по значению единицы. Так, в период советской власти «слово *деньги* для русской ментальности являлось достаточно запретным» [Сеничкина 2006, с. 80], что было обусловлено идеологией правящей партии и моральными установками общества. В результате, слова «*состояние* или *достаток* использовались вместо *богатство*, *человек со средствами* вместо *капиталист*» [Ларин 1961, с. 113]. В современной русской лингвокультуре, напротив, стигматичными и нуждающимися в эвфемизации являются обозначения, связанные с бедностью. Так, «вместо выражения *не хватает денег, спор из-за денег* употребляется эвфемистическое сочетание *финансовые/материальные проблемы (вопросы)*» [Сеничкина 2006, с. 81].

Таким образом, несмотря на то, что эвфемизмы являются языковыми универсалиями (они представлены практически во всех языках, имеют общие предпосылки появления и схожие механизмы лингвистической реализации), в лингвокультурном аспекте они не могут считаться универсалиями, поскольку состав номинативных областей эвфемизации не является однородным для различных лингвокультур, в некоторых из них имеются уникальные темы и объекты эвфемизации (например, тема свадьбы в китайской лингвокультуре; наименования, относящиеся к периоду нацистской власти в немецкой лингвокультуре и пр.). Следовательно, анализ эвфемистических парадигм, зафиксированных в лексикографических источниках различных языков, позволит сделать вывод о репрезентации морально-этических ценностей этноса через

представленные в языке номинативные области эвфемизации, а также выявить **общекультурные** и **культурно-специфические** области эвфемизации и констатировать лакунарный характер последних. Данный вид лингвокультурной информации носит **эксплицитно** выраженный характер.

Важная лингвокультурная информация содержится в так называемых древних эвфемизмах. Будучи обусловленными религиозными мотивами и древними суевериями, эвфемизмы неизбежно становятся носителями культурной информации, сведений о традициях, верованиях, мифах, обычаях.

Например, у древних германцев запад (*der Westen*) как одна из сторон света обозначал страну тьмы, место обитания дьявола; первобытные народы боялись захода солнца, ассоциировавшегося с темнотой, упадком, смертью. Многие религиозные обычаи и ритуалы связаны с западом. Например, в христианском храме именно на западной стене изображались сцены Страшного Суда, а при таинстве крещения необходимо было смотреть на запад, что означало отречение от дьявола. Результатом данных верований и суеверий явилось табу на произношение слова *der Westen*, что доказывают следующие языковые факты: есть древние географические названия, содержащие в себе упоминания востока (*Austria*), но отсутствуют соответствующие наименования с упоминанием запада; для обозначения восточных готов использовалось слово *Ostrogoth* (*готы восходящего солнца, восточные готы*), в то время как для наименования западных готов использовался эвфемизм *Visigothi* или *Wisigothi*, где *Visi* обозначало *мудрый, добропорядочный, знатный* [Rada 2001, S. 36].

Таким образом, подобные древние табуированные наименования и эвфемизмы, замещающие их, могут рассматриваться как факты культуры, единицы, воплощающие в себе культурные архетипы, т.е. «устойчивые образы, повсеместно возникающие в индивидуальных сознаниях и имеющие распространение в культуре» [Маслова 2001, с. 39].

Особый интерес при исследовании эвфемизмов с лингвокультурологических позиций представляют единицы, образованные путем метафорического и метонимического переноса. Как отмечает большинство

исследователей, наиболее яркими языковыми особенностями, в которых отражается культура, обладают фразеологические единицы, метафоры, символы и паремии. Посредством содержащихся в них культурных коннотаций они аккумулируют национально-культурное своеобразие народа и особенности этнической ментальности.

Л. В. Порохницкая, исследуя концептуальные основания эвфемизации в различных языках, отмечает, что, несмотря на заключенную в эвфемизмах информацию культурологического характера, в большинстве случаев целесообразно говорить о наличии «общих концептуальных структур в концептосферах культур рассматриваемых языков, обуславливающих порождение аналогичных сочетаний по единой концептуальной модели» [Порохницкая 2014, с. 15]. В качестве примера приводится метафорический концепт «путешествие», который лежит в основе нескольких номинативных областей эвфемизации в различных языках, например, «уход от реальности» в значении «алкогольное опьянение» и «удаление» в значении «смерть» в английском, немецком и французском языках [Там же, с. 5].

Тем не менее, полагаем, что в основе отдельных эвфемизмов могут лежать и национально-специфические метафорические и метонимические модели. Например, английский фразеологизм *How's your father?* (*Как поживает ваш отец?*), использующийся в качестве эвфемизма для обозначения любовных и интимных отношений, хранит в себе информацию о викторианской эпохе, когда, согласно преданиям, отцы, беспокоясь о чести своих незамужних дочерей и, в то же время, не желая препятствовать их выходу в свет, иногда тайно сопровождали их, укрываясь под их юбками. В этом случае заданный поклонником вопрос *How's your father*, выражающий традиционную английскую вежливость, и ответ на него служили своеобразным кодом для сообщения информации о том, сопровождает ли девушку отец. В основе данного эвфемизма лежит метонимический перенос, выражающий причинно-следственную связь между этим вопросом и возможными интимными отношениями в случае соответствующего ответа. Сохранившись в языке, данный эвфемизм сообщает

информацию о моральных ценностях той эпохи, а также подчеркивает актуальность концепта «вежливость» для английской лингвокультуры.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что в ряде случаев извлечение лингвокультурной информации «требует тщательного этимологического анализа, вследствие чего полагаем, что лингвокультурологические сведения такого типа выражены **имплицитно**» [Реброва 2019, с. 174].

Таким образом, приведенный выше материал дает основание сделать вывод о том, что анализ эвфемистических парадигм в различных лингвокультурах должен проводиться на двух уровнях – эксплицитном и имплицитном. В первом случае речь идет об исследовании семантики номинативных областей эвфемизации, которые отображают систему морально-этических ценностей общества. Во втором случае речь идет об анализе внутренней формы и этимологии древних эвфемизмов, аккумулирующих религиозные верования и суеверия, а также об анализе метафорических и метонимических механизмов, лежащих в основе образования эвфемизмов, которые могут носить как универсальный, общекультурный, так и национально-специфический характер и содержать в себе ключевые культурные концепты.

1.1.2. Субституционный подход к исследованию эвфемизмов и его социально-исторические предпосылки

Традиционно социокультурной и лингвистической подоплекой появления эвфемистических наименований считается языковое табу. Под языковым табу понимается «запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами» [Варбот 1997, с. 552–553].

Первые упоминания об эвфемизме как об объекте исследования лингвистики появились в научной литературе в конце XIX в. благодаря активным исследованиям этнографами жизни первобытных сообществ и, в частности, явления табу (см. работы Д. К. Зеленина, Д. Фрезера, Н. Schröder).

Э. Бенвенист, анализируя материал из поэм Гомера, а также многочисленные примеры из авестийского и берберского языков, приходит к выводу, что некоторые явления, порицаемые у древних народов моральными и социальными нормами (*убийство, казнь*) лишались роковой силы «путем замены его каким-нибудь далеким или смягченным эквивалентом», в то время как способы обозначения, связанные с религиозными запретами «закljučаются в том, чтобы роковому понятию дать счастливое имя» [Бенвенист 2002, с. 374].

В. Хаверс [Havers 1946, S. 36–37] в своем исследовании, посвященном древним языковым табу, предлагает следующую классификацию данного феномена, имеющего место в первобытном обществе:

1. Наименования религиозной сферы, наименования сверхъестественных сил. Табу на произношение имен Бога и дьявола было обусловлено суеверным страхом нарушить святость и чистоту Бога или вызвать нечистую силу. Среди эвфемизмов, замещающих данные номинации, использовались следующие: англ. *dickens, deuce* вм. *devil* (*дьявол*), нем. *der Herr, der Mächtige, der Ewige* вм. *der Gott* (*Бог*).

2. Наименования заболеваний и смерти. Предпосылкой к появлению данного табу послужил страх, что произнеся прямое наименование болезни, человек мог заболеть ею и умереть. Чтобы этого избежать использовались эвфемистические наименования, в качестве которых в немецком языке выступали имена святых, призванных «смягчить» болезнь: нем. *der Sankt-Ruprecht-Tag* вм. *der Rotlauf* (*день святого Рупрехта* вм. *краснуха*), *die Sankt-Valentinus-Klage* вм. *die Epilepsie* (*плач святого Валентина* вм. *эпилепсия*).

3. Наименования животных. Данное табу появилось среди охотников, которые верили, что животные понимают человеческий язык и, услышав свое имя, убегут или причинят охотнику вред. В качестве эвфемизмов использовались метонимические переименования, в основе которых лежала окраска животного или место его обитания, например: *die Graue* вм. *die Hase* (*серый* вм. *заяц*), *der Hölzing* вм. *der Wolf* (*живущий в деревьях* вм. *волк*).

4. Наименования частей тела. Древние люди полагали, что некоторые части человеческого тела являются независимым, самостоятельным существом и обладают опасной силой, в связи с чем, во избежание несчастья, нуждаются в переименованиях, например: *der Greifer* вм. *der Hand* (*хват* вм. *рука*).

5. Наименования небесных светил и огня. Такие слова, как *die Sonne* (*солнце*), *der Mond* (*луна*), *das Feuer* (*огонь*) происходили от имен древних богов, уважительное отношение к которым привело к появлению таких эвфемизмов, как *Herr Mond* (*господин месяц*), *der heilige Tag* (*святой день*).

6. Наименования западной стороны света. Первобытные народы боялись захода солнца, ассоциировавшегося с темнотой, упадком, смертью, в связи с чем не использовали в своей речи слово *der Westen* (*запад*).

В дальнейшем эвфемистическая природа подобных наименований отошла на второй план; сегодня номинации такого рода воспринимаются как пережитки древней веры в магическую силу. В современной лингвистике используются разные термины для обозначения современных и древних эвфемизмов, что подчеркивает своеобразие последних и необходимость четкой дифференциации этих явлений. Если для обозначения современных наименований служит термин «эвфемизм», то для номинации древних обозначений в научной литературе используются такие терминологические словосочетания, как «переименования по запрету» [Ларин 1961, с. 119], «эвфемистические окаменелости» [Кацев 1988, с. 25] и пр.

Таким образом, появление эвфемизмов как лингвистического и социокультурного явления было обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как религиозные верования, суеверия и предубеждения древних народов, а также их образ жизни.

Несмотря на то, что со временем религиозные мотивы эвфемистических номинаций исчезли, понимание эвфемизма как разрешенной единицы вместо запрещенной долгое время оставалось центральным в лингвистике. На протяжении всей истории научного изучения эвфемизмов религиозные мотивы выделяются учеными как движущие силы появления данного языкового явления в

целом. Некоторые лингвисты (А. М. Кацев, А. А. Реформатский, Б. А. Ларин, Е. П. Сеничкина и др.) считают, что религиозные мотивы имеют первостепенное значение для образования эвфемизмов. Е. Н. Торопцева отмечает, что «отсюда берет свое начало субституционный подход, то есть эвфемизм рассматривается как разрешенное слово вместо запретного, табуированного» [Торопцева 2003, с. 8]. Рассмотрим ряд дефиниций термина эвфемизм с точки зрения этого подхода.

Н. С. Арапова понимает под эвфемизмом «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося неприличным, грубым или нетактичным» [Арапова 1990, с. 590]. По мнению А. А. Реформатского, эвфемизмы – это «заменные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [Реформатский 2004, с. 105]. А. М. Кацев рассматривает эвфемизмы как «способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [Кацев 1988, с. 5].

Субституционный подход обусловил узкое понимание эвфемизмов, при котором они выступают как «заменители обсценной, прежде всего, матерной лексики» [Сеничкина 2006, с. 41].

Сегодня понятие табу по-прежнему релевантно при исследовании эвфемизмов, что приводит к выделению в современной лингвистике лексико-семантических полей (см. работы А. Н. Прудывус, Е. Е. Тюриной, Е. А. Уваровой, М. Р. Цараевой и др.), к которым относятся подвергающиеся эвфемизации табуированные единицы.

А. М. Кацев [Кацев 1988, с. 31–34] выделяет следующие нуждающиеся в эвфемизации табуированные сферы и использующиеся в них эвфемизмы:

1) сфера интимной жизни человека и его физиологических особенностей – описание половых отношений, физиологических выделений, некоторых частей тела, например:

in nature's garb (досл. в одеянии природы) вместо *naked* (англ. голый);

in the straw (досл. в соломе) вместо *pregnant* (англ. беременная);

tart (досл. *сладкий пирожок*) вместо *prostitute* (англ. *проститутка*);

ein käufliches Mädchen (досл. *продажная девушка*) вместо *eine Prostituierte*
(нем. *проститутка*);

ein stilles Örtchen (досл. *тихое местечко*) вместо *die Toilette* (нем. *туалет*);

die Scham (досл. *стыд*) вместо *Geschlechtsteile* (нем. *половые органы*);

2) темы, касающиеся жизни и смерти человека, обозначения смертельных заболеваний, например:

to join the majority (досл. *присоединиться к большинству*) вместо *to die*
(англ. *умереть*);

to hop off the twig (досл. *спрыгнуть с ветки*) вместо *to die* (англ. *умереть*);

to take the ferry (досл. *сесть на паром*) вместо *to die* (англ. *умереть*);

die Augen schließen (досл. *закрыть глаза*) вместо *sterben* (нем. *умереть*);

heimgehen (досл. *отправиться домой*) вместо *sterben* (нем. *умереть*);

der heilige Ort (досл. *святое место*) вместо *der Friedhof* (нем. *кладбище*);

3) сфера социальных отношений – преступления и их последствия, вредные привычки, бедность, например:

three sheets in the wind (досл. *три шкота на ветру*) вместо *drunk*
(англ. *пьяный*);

to send to glory (досл. *отправить к славе*) вместо *to kill* (англ. *убить*);

eine lebhafte Phantasie haben (досл. *иметь богатое воображение*) вместо
lügen (нем. *врать*);

abholen (досл. *забрать*) вместо *verhaften* (нем. *арестовать*).

Кроме того, А. М. Кацев полагает, что современное табу распространяется на наименования некоторых «непрестижных» профессий и на наименования некоторых предметов одежды:

glass maintenance engineer (досл. *инженер по поддержанию стекол в порядке*) вместо *window cleaner* (англ. *мойщик окон*);

die Hausgehilfin (досл. *помощница по дому*) вместо *die Putzfrau*
(нем. *уборщица*);

indescribles (досл. *невыразимые*) место *trousers* (англ. *брюки*);

die Beinkleider (досл. *ножная одежда*) вместо *die Hose* (нем. *брюки*)

Р. Рада отмечает ряд так называемых «политико-идеологических» табу, свойственных языку в определенные исторические моменты и связанных с политической ситуацией в стране; в качестве примера при этом приводятся слова и выражения, используемые в фашистской Германии, бывшей ГДР и не встречающиеся в языке сегодня [Rada 2001, S. 57–59]. Например, такие глаголы, как *liquidieren*, *betreuen*, *evakuieren*, (досл. *ликвидировать*, *заботиться*, *эвакуировать*), являются табуированными в современном немецком языке, поскольку ассоциируются с периодом нацизма, когда они использовались в значении *töten* (нем. *убивать*).

Таким образом, согласно субституционному подходу, под эвфемизмом необходимо понимать знак, основной функцией которого является замещение других знаков, невозможность использования которых обусловлена существующими в обществе табу.

Однако полагаем, по ряду причин субституционный подход к определению эвфемизма и его функций не является универсальным.

Обязательная корреляция замещаемого знака с бытующими в обществе табу делает неотъемлемым наличие у эвфемизма отрицательного (негативного, стигматичного) денотата.

Понятие «стигматичный денотат» использует в своем исследовании Н. М. Бердова. Термин «стигма» в данном случае определяется как «отрицательное качество или свойство «предмета», нашедшее свое обозначенное отражение в существующем собственном наименовании предмета, его antecedente» [Бердова 1981, с. 27]. А. М. Кацев понимает под «негативным денотатом» предмет или явление, которое по тем или иным причинам «табуируется в определенный языковой период» [Кацев 1988, с. 5]. Аналогичный критерий представлен и в работе Е. П. Сеничкиной «Эвфемизмы русского языка» [Сеничкина 2006, с. 17–18]. Три из четырех основных критериев, сформулированных ею, связаны с характером денотата: обозначение негативного

денотата, обязательное улучшение денотата по сравнению со словом/выражением, которое подвергается замене и формальное улучшение денотата.

Однако ограничение эвфемизма кругом денотатов с «негативным» значением представляется не вполне корректным. М. Л. Ковшова отмечает, что «термин «негативный денотат» искажает суть явления эвфемизации» [Ковшова 2007, с. 20]. В. П. Москвин называет подразделение денотатов на «положительные» и «отрицательные» «слишком категоричным» [Москвин 2007, с. 23]. Ниже перечислены факторы, обуславливающие дискуссионность данного наименования.

Во-первых, встает вопрос, по каким критериям можно дифференцировать «отрицательный» и «положительный» денотаты. Согласно М. В. Никитину, значение слова состоит из двух аспектов – когнитивного и прагматического. Информация, заключенная в когнитивном аспекте, и есть референционное или денотативное значение слова, она существует вне субъективной оценки индивида и, таким образом, не может быть положительной или отрицательной [Никитин 2009, с. 20].

Также не вполне корректным представляется утверждение о том, что денотат обязательно должен характеризоваться отрицательной оценочностью/коннотацией (напр., см. работы А. М. Кацева и Н. В. Тишиной). М. Л. Ковшова отмечает, что у таких слов как «*труссы, прокладки, кишечник, яичники*» отсутствует отрицательная, согласно Н. В. Тишиной, коннотация, или, в терминологии Е. П. Сеничкиной, негативный денотат» [Ковшова 2007, с. 21].

Во-вторых, объектом эвфемизации являются не только единицы языка, но и соотносящиеся с ними понятийные сферы, в результате чего «эвфемизмы делают возможной и ситуативно приемлемой вербализацию любых тем, любых смыслов и любых понятий» [Москвин 2007, с. 23]. К. Дембска, цитируя З. Лещинского, отмечает, что языковое табу (и, следовательно, эвфемизмы, возникшие в результате этих табу) может относиться в равной мере и к плану содержания (т.е. к определенным темам), и к плану выражения (т.е. непосредственно к самим словам) [Дембска 1994, с. 236]. Например, эвфемизм *die Säuberung*,

зафиксированный в WdG и имеющий значение *ликвидация определенных этнических групп* (досл. *чистка*), относится не к какому-то определенному действию, а к целому комплексу действий, предпринимаемых нацистской властью (выселение, аресты, пытки, убийства). Таким образом, подход, при котором исследуются лишь конкретные замещаемые знаки, представляется несколько ограниченным.

В-третьих, субституционный подход ограничивает способы образования эвфемистических наименований исключительно лексическими средствами. Так, О. С. Сахно делает вывод, что «системоцентризм в интерпретации эвфемизмов проявляется в своей лексико-центрической ипостаси, т.е. в придании эвфемизмам статуса единиц «лексико-фразеологического сообщества» [Сахно 2004, с. 136].

Наконец, субституционный подход не является универсальным, поскольку «не всегда возможно определить, какое именно слово было замещено эвфемизмом» [Торопцева 2003, с. 10]. Так, Е. Н. Торопцева приводит в качестве примера английский эвфемизм *ladies'* (*женский туалет*), который может замещать несколько знаков – *ladies' convenience*, *ladies' room*, *ladies' toilet*. Иногда эвфемизм не имеет точного эквивалента и может быть объяснен описательно. Например, эвфемизм *das Stundehotel* (*дом свиданий*) семантизируется в универсальном словаре немецкого языка издательства Дуден как *Hotel, in dem Paare stundenweise ein Zimmer mieten, um geschlechtlich zu verkehren* (*гостиница с почасовой платой за номер*).

Наконец, неприемлемость использования конвенциональных наименований денотата может быть связана не только с общественными табу, но и с индивидуальными особенностями коммуникантов, что позволяет значительно расширить круг сфер, подвергающихся эвфемизации. Стоит, однако, отметить, что для настоящего исследования интерес представляют эвфемизмы, закрепившиеся в лексической системе языка и не являющиеся индивидуальными окказиональными образованиями.

Таким образом, считаем целесообразным уточнить принципы выделения единиц, подвергающихся эвфемизации, и выявить их семантические особенности.

1.1.3. Номинативные области эвфемизации в современных языках

Дефиниции термина «эвфемизм», предложенные в рамках субституционного подхода представляются некорректными в силу не вполне определенных критериев, предъявляемых к природе замещаемого знака. Полагаем, в данном случае уместнее говорить не об «отрицательном» или «положительном» характере денотата или сопутствующих наименованию коннотациях, а о семах, входящих в структуру значения эвфемизируемого знака и определяющих появление негативных коннотаций и, как следствие, коммуникативного дискомфорта, проявляющегося в таких отрицательных эмоциях как страх, стыд, отвращение, смущение и пр.

Сема (или группа сем), мотивирующая в исходном наименовании отрицательную оценку, обозначена в настоящем исследовании как *стигматичная*. Термин *стигма* неоднократно использовался исследователями эвфемистических наименований, в частности, Н. М. Бердова, оперирует понятием *стигматичный денотат*.

Следовательно, основная, собственно лингвистическая функция эвфемизма связана не с заменой «нежелательной» единицы, а с «редукцией (изъятием) этих сем или изменением их статуса» [Шейгал 2000, с. 162]. Результатом этой редукции, по мнению Е. И. Шейгал является «снятие негативной коннотации (переключение оценочного знака) или снижение интенсивности отрицательной оценки» [Там же, с. 162], что, в свою очередь, приводит к смягчению или маскировке исходного смысла высказывания.

Таким образом, в настоящем исследовании под **эвфемизмами** понимаются **языковые средства, направленные на редукцию определенных стигматичных сем antecedентных наименований во избежание коммуникативного дискомфорта.**

Например, английское словосочетание *an old person* характеризуется набором таких стигматичных сем, как «старость», «немоощь», «близость смерти»,

что делает его нежелательным для использования. В результате эвфемистической замены *an old person* → *golden ager* от antecedентного словосочетания сохраняется лишь сема «возраст», в то же время в структуре значения появляются положительные семы «золотой», «лучший», указывающие на причинно-следственную связь обсуждаемого возраста с данными характеристиками и переводящие фокус с негативных качеств на позитивные.

Немецкий эвфемизм *die ethnische Säuberung* (досл. *этническая чистка*), использующийся для обозначения преступных действий нацистского правительства по уничтожению отдельных этнических меньшинств, имеет в своей структуре положительные семы «уборка, очищение, сделать чище/ лучше», являющиеся своеобразным оправданием стигматичных сем «убийство, переселение, уничтожение», присутствующих в исходных наименованиях.

Конвенциональные табуированные понятия характеризуются разнообразными стигматичными семами, например, «смерть», «преступление», «насилие», «вред для здоровья», «интимный» и пр. Полагаем, однако, что данное семантическое разнообразие сводится к **трем основным группам стигматичных сем**, обуславливающим при использовании antecedентных наименований возникновение таких эмоций, как стыд, страх, отвращение и мотивирующих использование эвфемизмов. Это следующие группы:

- 1) «страшный, неизбежный, опасный для жизни»;
- 2) «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз»;
- 3) «неблагополучный».

Превалирование в конвенциональных наименованиях той или иной семы (или их комбинации) лежит в основе выделения групп эвфемистических единиц, обозначающих различные явления обиходно-бытовой и социально-политической сфер человеческой жизни.

В настоящем исследовании данные группы эвфемистических наименований обозначены термином **номинативные области эвфемизации**. Под номинативной областью понимается совокупность ситуаций, объектов, понятий окружающей действительности, нуждающихся в эвфемизации, вследствие наличия в структуре

значения их конвенционального наименования стигматичных сем. Рассмотрим номинативные области эвфемизации в современных языках в зависимости от того, какие из вышеуказанных сем в них представлены.

1. Номинативные области с семами «страшный, неизбежный, опасный для жизни»

Основной номинативной областью эвфемизации, элементы которой содержат в своей структуре данные семы, является номинативная область «Смерть. Смертельные заболевания». К данной области относятся наименования процесса смерти, покойника, похорон, а также те обстоятельства, которые могут быть опасны для жизни (прежде всего, тяжелые заболевания):

ruhig einschlafen (досл. *мирно заснуть*) вместо *sterben* (нем. *умирать*);

der letzte Weg (досл. *последний путь*) вместо *die Beerdigung* (нем. *похороны*);

der Tumor (досл. *новообразование*) вместо *der Krebs* (нем. *рак*);

to go to one's reward (досл. *идти за своей наградой*) вместо *to die*

(англ. *умирать*);

to breathe one's last (досл. *сделать последний вздох*) вместо *to die* (англ.

умирать);

passing (досл. *прохождение*) вместо *death* (англ. *смерть*).

Следующая номинативная область, в основе элементов которой лежат семы «страшный, неизбежный, опасный для жизни», относится к сфере общественно-политических отношений и обозначена в настоящем исследовании как «**Политические проблемы и военные действия**». Несмотря на то, что сфера использования и функциональная направленность наименований данной сферы отличаются от предыдущей, стигматичные семы конвенциональных наименований обеих сфер схожи – очевидно, что такие единицы, как *военные действия*, *репрессии*, имеют в своей структуре семы «страшный, опасный для жизни» и, следовательно, нуждаются в эвфемизации:

limited action (досл. *ограниченные действия*) вместо *war* (англ. *война*);

normalization (досл. *нормализация*) вместо *the suppression of rebellion*

(подавление восстания);

die Befreiung (досл. *освобождение*) вместо *der Raumgewinn* (нем. *захват территории*);

evakuieren (досл. *эвакуировать*) вместо *umsiedeln* (нем. *вытеснять, переселять*).

2. Номинативные области с семы «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз»

Стигматичные семы «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз» присутствуют в наименованиях понятий, относящихся к номинативной области «Личная жизнь». Прежде всего, это наименования, обозначающие интимные отношения, участников интимных отношений, последствия этих отношений (беременность и пр.), а также явления проституции, гомосексуализма и прочих проявлений противоестественных сексуальных отношений. В большинстве современных лингвокультур эксплицитное выражение данных сем провоцирует коммуникативный дискомфорт, вследствие таких отрицательных эмоций, как стыд, смущение или стеснение; использование эвфемизмов в данном случае позволяет редуцировать стигматичные семы:

der Hausfreund (досл. *друг дома, друг семьи*) вместо *ein Liebhaber der Frau* (нем. *любовник замужней женщины*);

schlafen (досл. *спать*) вместо *koitieren* (нем. *заниматься сексом*);

in andere Umstände kommen (досл. *оказаться в особых обстоятельствах*) вместо *schwanger werden* (нем. *забеременеть*);

the other (досл. *другое*) вместо *sexual intercourse* (англ. *сексуальные отношения*);

playmate (досл. *товарищ по играм*) вместо *lover* (англ. *любовник*);

working girl (досл. *работающая девушка*) вместо *a prostitute* (англ. *проститутка*).

Еще одна номинативная область, конвенциональные наименования которой содержат вышеназванные семы, обозначена в настоящем исследовании как «Физиология человека». К данной области относятся обозначения естественных физиологических выделений человека и наименования интимных частей тела:

hinten (досл. *снизу*) вместо *das Gesäß* (нем. *ягодицы*);

die Bequemlichkeit (досл. *удобство*) вместо *die Toilette* (нем. *туалет*);

die Schokolade (досл. *шоколад*) вместо *die Scheiße* (нем. *испражнения, навоз*);

waterworks (досл. *система водоснабжения*) вместо *urinary system* (англ. *мочеполовая система*);

thing (досл. *вещь*) вместо *man's penis* (англ. *половой член*);

one's nether regions (досл. *нижняя область*) вместо *one's genitals* (англ. *половые органы*).

3. Номинативные области с семой «неблагополучный»

Данная сема присутствует в наименованиях объектов или явлений, являющихся причиной или следствием низкого материального достатка, денежных затруднений, асоциального образа жизни и пр. Прежде всего, такие семантические признаки характерны для номинативной области «**Социально-экономические проблемы**», включающей в себя обозначения проблем, связанных с увольнениями, экономическими кризисами и, как результат, с финансовыми трудностями:

investment in prices (досл. *инвестирование в цены*) вместо *price reductions* (англ. *падение цен*);

to nationalize (досл. *национализировать*) вместо *to expropriate* (англ. *отчуждать, лишать права собственности*);

reduced circumstances (досл. *стесненные обстоятельства*) вместо *the state of being poor* (англ. *бедность, нищета*);

ablösen (досл. *освобождать*) вместо *entlassen* (нем. *увольнять*);

die Betriebsoptimierung (досл. *оптимизация производства*) вместо *die Entlassung* (увольнение);

die Preisanpassung (досл. *корректирование цен*) вместо *die Preiserhöhung* (нем. *повышение цен*);

Вредные привычки (прежде всего, пьянство и наркомания) традиционно негативно воспринимаются в различных лингвокультурах в связи с теми

негативными последствиями для жизни человека, которые они за собой влекут, – проблемы со здоровьем, межличностные конфликты, а также материальные проблемы. Это обуславливает эвфемизацию данных понятий в большинстве современных языков и дает основания для выделения номинативной области эвфемизации «**Вредные привычки**»:

ein gutes Gefühl haben (досл. *иметь чутье, вкус*) вместо *viel trinken können*
(нем. *употреблять большое количество алкоголя*);

der Bacchusbruder (досл. *брат Бахуса*) вместо *der Alkoholiker* (*пьяница, алкоголик*);

tired and emotional (досл. *усталый и взволнованный*) вместо *drunk*
(англ. *пьяный*);

glorious (досл. *славный*) вместо *drunk* (англ. *пьяный*).

Номинативная область «**Преступления и их последствия**» также относится к данной группе, поскольку пребывание человека в тюрьме, независимо от того, какое преступление он совершил, традиционно негативно расценивается обществом:

billig einkaufen (досл. *дешево купить*) вместо *stehlen* (нем. *воровать*);

beseitigen (досл. *устранить*) вместо *ermorden* (нем. *убить*);

black hole (досл. *черная дыра*) вместо *prison* (англ. *тюрьма*);

help yourself (досл. *берите, угощайтесь*) вместо *steal* (англ. *воровать*).

Таким образом, на основе трех групп стигматичных сем, лежащих в основе конвенциональных наименований, нами выделены 7 основных номинативных областей эвфемизации, относящихся к различным сферам человеческой жизни. Полагаем, однако, что данное деление не является строгим, поскольку ряд конвенциональных наименований характеризуется несколькими стигматичными семами, относящимися к различным группам. Например, конвенциональные наименования со значением «Нежелательная беременность» или «Занятия проституцией» имеют в своей структуре не только семы «тайный, скрытый от глаз посторонних», но и «неблагополучный».

Количественная и качественная наполняемость каждой номинативной области эвфемизации, превалирование тех или иных стигматичных сем, а также основные механизмы их редуцирования не являются константными; напротив, они варьируются в зависимости от каждой конкретной лингвокультуры, морально-этических установок и ценностей социума, особенностей национального менталитета и ключевых культурных концептов.

1.1.4. Функционально-коммуникативный анализ эвфемизмов в рамках теории речевых актов

Многими лингвистами отмечается тот факт, что для корректного описания эвфемизмов необходим их анализ в рамках теории речевой коммуникации. Так, Л. Н. Вавилова утверждает, что «четкое определение того, что эвфемизация речи – это явление речевой коммуникации, а не системной организации языка, позволяет снять многие сложные вопросы теории эвфемизмов» [Вавилова 2003, с. 43]. О. С. Сахно отмечает, что «в работах А. А. Бурова эвфемизация рассматривается в функционально-прагматическом аспекте как употребление речевых единиц, которое обусловлено специальными требованиями речевого поведения» [Сахно 2004, с. 138]. М. Л. Ковшова подчеркивает, что эвфемизм представляет собой «факт языка, ориентированный на речевую коммуникацию» [Ковшова 2007, с. 29].

Однако до последнего времени в отечественной лингвистике практически отсутствовал анализ эвфемистических единиц с точки зрения коммуникативного аспекта. Впервые мысль о том, что эвфемизм может и должен изучаться в области лингвистической прагматики, в частности, в рамках теории речевых актов, была высказана в работе исследователя М. Л. Ковшовой [Там же, с. 29].

Основы современной теории речевых актов были сформулированы английским философом и логиком Дж. Остином в середине XX в. Согласно данной теории «единицей коммуникации становится уже не предложение или высказывание, а речевой акт, связанный с выражением утверждения, вопроса,

объяснения, описания, благодарности, сожаления и т.д. и осуществляемый в соответствии с общепринятыми принципами и правилами поведения» [Глазунова 2000, с. 41]. Реализация речевого акта происходит в трех основных аспектах – *локутивном* (непосредственно произнесение звуков, их соединение в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами и соотнесение с конкретными понятиями), *иллокутивным* (совершение действия, имеющего внеязыковую цель, например, информирование, предупреждение, убеждение, вопрос и т.д.) и *перлокутивным* (достижение определенных результатов, изменения, происходящие в окружающей действительности и в сознании собеседника). Отметим, что важную роль при этом выполняют перформативы, т.е. высказывания, содержащие не утверждения, а указания на совершение определенных действий (*я рекомендую, я обещаю, я прошу прощения* и т.д.).

Опираясь на эти и другие разработки в области речевых актов, М. Л. Ковшова определяет эвфемизм одновременно и как речевой акт, и как единицу этого речевого акта, элемент языка с присущим ему лексическим значением [Ковшова 2007, с. 40]. В то же время автор отмечает отсутствие у эвфемизма как речевого акта соответствующего глагола-перформатива, что, согласно мнению Е. В. Падучевой, свидетельствует о невозможности категоризации речевого действия как иллокутивного акта [Падучева 1996, с. 226]. С другой стороны, ссылаясь на слова Дж. Лича, М. Л. Ковшова заявляет, что «отсутствие перформативного глагола не может быть аргументом при доказательстве существования речевого акта» [Ковшова 2007, с. 38].

Основное обоснование, подтверждающее возможность рассмотрения эвфемизма как речевого акта, заключается в наличии у эвфемизмов трех аспектов, выделенных Дж. Остином, – локуции, иллокуции и перлокуции. Локутивная составляющая эвфемизма – это «коммуникативно имплицированное значение, сопутствующее высказыванию» [Там же, с. 36]; иллокутивная составляющая заключается в «сознательном создании смягчающей замены тем словам или выражениям, которые, по мнению говорящего, являются неприятными или грубыми для собеседника» [Там же, с. 36]; перлокутивная составляющая

заключается в «благоприятном воздействии смягченной речи на собеседника, в эффекте эмоционального сближения собеседников и успешной коммуникации в целом» [Там же, с. 36].

Несмотря на то, что абсолютное равенство между эвфемизмом (особенно представленным в виде односложной лексической единицы) и полноценным речевым актом вряд ли возможно, ряд положений, выдвинутых Дж. Остином и его последователями, могут быть релевантны при описании эвфемизмов и их функций.

Так, М. Халлидей [Halliday 1970, p. 142] рассматривает речевой акт как выбор одной из многочисленных переплетающихся между собой альтернатив, образующих «семантический потенциал» языка; данный выбор обусловлен прагматическими условиями общения, конкретной речевой ситуацией, межличностными отношениями между коммуникантами. Выбор использования эвфемистической единицы или ее конвенционального эквивалента также определяется вышеперечисленными экстралингвистическими факторами.

По мнению М. Халлидея, речевой акт связывает между собой невербальное и вербальное поведение. Реализация эвфемизма осуществляется как вербальными, так и невербальными средствами. Под невербальными средствами реализации эвфемизмов стоит понимать внеязыковые способы эвфемизации, «к которым относятся такие присущие устной речи экстралингвистические средства, как подмигивание, необычное интонирование, пожатие руки, наступание собеседнику на ногу, а в письменной речи – такие выражения, как *скажу мягче, мягко говоря, так сказать, другими словами* и т.п., и кавычки» [Саакян 2010, с. 14].

Наибольшее значение для настоящего исследования имеет анализ иллокутивной и перлокутивной составляющих эвфемизма. Очевидно, что использование эвфемизмов способствует реализации определенных коммуникативных интенций продуцента и/или оказанию конкретного воздействия на реципиента. В этом аспекте эвфемизм по своей функциональной характеристике сближается с понятиями речевой тактики (М. Л. Ковшова определяет ее как «коммуникативно настраивающую» [Ковшова 2007, с. 39]) и

речевой стратегии. Так, под эвфемией Л. Н. Саакян понимает «стратегию, предполагающую словесное доминирование говорящего с опорой на принцип коммуникативного сотрудничества, и в некоторых случаях имплицитную противостояние слушающего оказываемому на него давлению». Отметим, что в этом аспекте эвфемия «сближается со стратегиями персуазивного дискурса» [Саакян 2010, с. 12–13].

Категоризация эвфемизма как одной из речевых тактик, способствующих реализации речевой стратегии, представляется вполне целесообразной; однако не вполне корректно ограничивать использование эвфемизмов «коммуникативно настраивающей» тактикой или «стратегией убеждения». Как показывает анализ примеров, приведенных в наиболее известных работах в области эвфемии, иллокутивные и перлокутивные возможности эвфемизмов намного шире и сложнее, нежели их описывает М. Л. Ковшова.

Привлечение ряда положений теории речевых актов для анализа эвфемизмов обозначено в настоящей работе термином **функционально-коммуникативный подход**. Он подразумевает, что установить, является ли то или иное слово эвфемизмом, становится возможным после анализа функций этой единицы в определенных коммуникативных ситуациях.

Анализ функций эвфемизма и классификация на их основе различных видов эвфемизмов широко представлены в работах зарубежных лингвистов, рассматривающих данное явление на материале немецкого языка. При этом толкование понятия «функции эвфемизма» сближается с описанием иллокутивного и перлокутивного аспектов в рамках теории речевых актов, хотя для этой цели и не используется предложенная Дж. Остином терминология.

З. Лухтенберг рассматривает функцию как «синтез интенций человека, использующего в своей речи эвфемизмы, и эффект, который они производят на слушающего» [Luchtenberg 1985, S. 167]. Схожую точку зрения разделяет и Р. Рада, понимая под функцией эвфемизма совокупность сопутствующих ему мотивов употребления и эффекта, который может произвести его использование в речи [Rada 2001, S. 64]. Р. Рада подчеркивает, что перифрастическая природа

эвфемизмов и их семантическая организация важны для определения эвфемизмов, но не являются определяющими. Эти аспекты относятся к дополнительным признакам эвфемизмов. Именно функциональная характеристика эвфемизмов (намерение говорящего + эффект от использования эвфемизма) является их первичным и определяющим признаком.

Согласно приведенному в разделе 1.1.3. настоящей работы определению, основная функция эвфемизма заключается в предотвращении коммуникативного дискомфорта. Однако данная дефиниция не уточняет, в чьих интересах (продуцента или реципиента) происходит использование эвфемистических единиц. Можно предположить, что при использовании эвфемизмов с равной степенью вероятности может превалировать как иллокутивный, так и перлокутивный аспект. Однако в зависимости от степени симметричности этих аспектов (т.е. в зависимости от того, насколько реципиент осведомлен о коммуникативных интенциях продуцента), варьируется функциональная направленность эвфемизмов. Анализ взаимодействия иллокутивного и перлокутивного аспектов, реализующихся при использовании эвфемистических наименований, приводит к выделению **социально-медиаторных** (в терминологии М. А. Корчевской) и **манипулятивных** эвфемизмов.

Социально-медиаторные эвфемизмы служат реализации коммуникативных интенций обоих коммуникантов. При использовании подобных единиц «происходит нейтрализация табуированной лексики, что обеспечивает вежливое коммуникативное взаимодействие и препятствует возникновению конфликтов» [Реброва 2013, с. 163].

Основными факторами употребления в речи социально-медиаторных эвфемизмов являются страх (например, перед смертью или тяжелым заболеванием), чувство такта, предупредительности по отношению к собеседнику, а также чувства отвращения и стыда. Эти мотивы релевантны для обоих коммуникантов: собственное чувство страха, отвращения или стыда станет для говорящего стимулом к использованию соответствующих эвфемизмов, а уважение и предупредительность по отношению к слушающему не позволят

говорящему вызвать у него отрицательные эмоции. Отрицательным стоит считать чувство смущения или стеснения, которое возникает у собеседников при обсуждении понятий, не обладающих изначально отрицательными коннотациями.

Принимая во внимание все вышесказанное о социально-медиаторных эвфемизмах, целесообразно заключить, что наименования данной группы относятся к таким номинативным областям, как «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь», «Физиология человека», «Вредные привычки», «Преступления и их последствия».

Такие номинативные области эвфемизации, как «Политические проблемы и военные действия», а также «Социально-экономические проблемы» следует считать сферами бытования **манипулятивных** эвфемизмов.

З. Лухтенберг отмечает, что задача таких эвфемизмов состоит в презентации предмета или явления окружающей действительности так, чтобы слушающий обращал внимание только на те аспекты, которые выгодны для говорящего [Luchtenberg 1985, S. 167]. При этом сообщение продуцента не является полностью эквивалентным тому, что воспринимает реципиент. Именно поэтому этот процесс часто идентифицируют как ложь или прием манипуляции. З. Лухтенберг, однако, успешно доказывает, что в данном случае мы имеем дело не с ложью, а с «нивелированной манерой подачи информации, для того чтобы свести излагаемую ситуацию к такой формулировке, которая не в полной мере соответствует действительности... Это не ложь, где информация противоречит реальности, а информация, которая не соответствует реальности» [Там же, S. 173–179]. Аналогичного мнения придерживается Е. В. Кипрская, утверждая, что при использовании «политических» эвфемизмов «меняется не суть явления, а способ его донесения до потенциального реципиента» [Кипрская 2005, с. 12]. А. Р. Дегтярева отмечает, что «неосознанная интерпретация эвфемизмов не составляет труда для носителей языка» [Дегтярева 2015]. Таким образом, задача манипулятивных эвфемизмов заключается не в искажении действительности. Скорее, они предлагают новую трактовку определенного явления, новый ракурс его рассмотрения, содержат новую морально-этическую оценку явления.

В отличие от социально-медиаторных эвфемизмов, употребление манипулятивных эвфемизмов «ориентировано в большей степени на достижение интенций говорящего – формирование у слушающего нейтрального или позитивного восприятия получаемой информации» [Реброва 2013, с. 163].

Такие единицы могут считаться эвфемизмами, поскольку они используются для передачи информации, которая может вызвать нежелательную реакцию реципиента и, таким образом, соответствуют основной цели эвфемизации – избежать коммуникативный конфликт. Негативная информация при этом либо камуфлируется с целью отвлечения внимания реципиента от истинного смысла сообщения, либо негативная составляющая полностью вытесняется положительным аргументом, т.е. происходит воздействие на реципиента с целью изменения его представлений об окружающей действительности.

1.2. Эвфемизмы и смежные языковые явления

Некоторые исследователи (А. В. Баринова, Л. П. Крысин, А. Ю. Кудрявцев, В. М. Мокиенко и пр.) значительно расширяют рамки понятия «эвфемизм», относя к данному явлению слова и выражения, которые приближаются к эвфемистическим по форме, но направлены на выполнение иных коммуникативных функций. В результате термин «эвфемизм» используется, с одной стороны, по отношению к жаргонизмам и вульгарной лексике, с другой стороны, по отношению к лексико-фразеологическим образованиям с нулевой и положительной стилистической окраской.

Ряд лингвистов, анализируя различные функции и соответствующие им классы эвфемизмов, выделяют также эвфемизмы, целью употребления которых является «придание элегантного современного звучания повседневным банальным понятиям» [Rada 2001, S. 77]. Р. Рада обозначает подобные наименования термином «эвфемизмы престижа» и отмечает, что, несмотря на периферийный характер, они имеют семантическую организацию, необходимую

для формирования у реципиента позитивных ассоциаций [Там же, S. 79]. Такие эвфемизмы могут быть разделены на три группы:

1) обозначения различных товаров в сфере рекламы, например:

нем. *das Zahnkosmetikum* (досл. косметика для зубов) вместо *das Putzmittel* (средство для чистки зубов);

нем. *die Badekultur* (досл. культура купания) вместо *das Schaumbad* (ванна с шампунем, шампунь для ванны);

нем. *die Möbelpflege* (досл. уход за мебелью) вместо *das Reinigungsmittel* (средство для чистки мебели).

2) наименования различных организаций и учреждений, например:

нем. *das Haarstudio, der Beauty-Shop* (досл. студия красоты) вместо *der Friseurladen* (парикмахерская);

нем. *der Supermarkt* (досл. супермаркет) вместо *das Lebensmittelgeschäft* (продовольственный магазин);

нем. *das Servicecenter* (досл. сервисный центр, центр обслуживания) вместо *die Tankstelle* (автозаправочная станция);

нем. *das Blütenatelier* (досл. цветочное ателье) вместо *der Blumenladen* (цветочный магазин);

нем. *die Second-Hand-Boutique* (досл. бутик секонд-хенд) вместо *der Trödellden* (лавка старых вещей, комиссионный магазин).

3) наименования непрестижных профессий, например:

нем. *die Floristin* (досл. флористка) вместо *die Blumenbinderin* (цветочница);

нем. *die Modistin* (досл. модистка) вместо *die Schneiderin* (портниха);

нем. *die ServiererIn* (досл. сервировщица) вместо *die Kellnerin* (официантка);

нем. *der Hairstylist* (досл. стилист по волосам) вместо *der Friseur* (парикмахер).

Рассмотрим целесообразность причисления подобных наименований к эвфемизмам. Как отмечалось в предыдущем разделе, обязательным условием для идентификации эвфемистического наименования является его способность

редуцировать стигматичные семы antecedентов. Факт наличия стигматичной семы должен признаваться большинством носителей данного языка. В связи с этим приведенные выше наименования не являются в полной мере эвфемизмами. Antecedентные наименования организаций и повседневных предметов (одежды, косметики и пр.), как правило, не содержат сем, расцениваемых социумом как стигматичные и, следовательно, не вызывают отрицательных эмоций (страха, стыда, отвращения, смущения).

Проанализировав ряд примеров, которые приводятся Р. Радой для иллюстрации таких эвфемизмов (*line* вместо *die Linie* (нем. линия), *der Chemise* вместо *das Hemd* (нем. рубашка), *sailor* вместо *der Matrose* (нем. матрос), логично предположить, что любое обозначение предмета или явления действительности, являющееся по своему происхождению заимствованным и существующее наряду с уже имеющимся в языке словом, можно признать эвфемистичным, что, разумеется, некорректно. Полагаем, подобные наименования корректнее было бы расценивать как проявления языковой моды, а не эвфемии.

Аналогичные причины использования (желание произвести впечатление на собеседника, проявить эрудицию) характерны для наименований, обозначенных Л. П. Крысиным как «просторечные эвфемизмы» [Крысин 1994, с. 48]. Это такие слова и формы слов, которые рассматриваются «частью говорящих (главным образом носителями просторечия) как более вежливые, смягчающие прямое отношение к адресату и потому употребляются ими в качестве эвфемистических замен «прямых» обозначений» [Там же, с. 48], например, «*подъехать* вместо *приехать*, *подойти* вместо *прийти*, *подвезти* вместо *привезти*, *кушать* вместо *есть*, *отдыхать* вместо *спать*» [Там же, с. 48]. Однако стигматичные семы не входят в семантическую структуру antecedентных наименований вышеназванных понятий и, следовательно, замещающие их единицы не являются эвфемистическими.

Для номинации такого рода лингвистических явлений считаем целесообразным использовать термин **языковой снобизм**, предложенный А. М. Кацевым. Одним из основных критериев дифференциации эвфемизмов и

случаев проявления языкового снобизма является функциональная направленность последнего. По мнению ученого, языковой снобизм «продиктован исключительно стремлением щегольнуть своей образованностью, эрудицией либо произвести впечатление без наличия соответствующих данных» [Кацев 1988, с. 52]. Кроме того, объем обозначаемых понятий у данных языковых явлений неодинаков – «эвфемией охватывается сравнительно узкий круг понятий» [Там же, с. 53], в то время как «манерные слова и сочетания могут выражать понятия и обозначать предметы не только негативного, но и вполне нейтрального свойства» [Там же, с. 53].

Наконец, такое использование «более вежливых» языковых единиц характерно для представителей просторечного типа речевой культуры, когда «привычная этому типу грубость и сниженность речи нередко «компенсируется» излишней книжностью, употреблением иностранных слов, в чем проявляется у его носителей чувство некоторой своей ущербности, стремление говорить красивее» [Гольдин 2002, с. 105].

Целесообразность причисления к эвфемизмам наименований непрестижных профессий необходимо рассматривать с учетом комплекса лингвистических и лингвокультурологических факторов.

Очевидно, что ряд подобных наименований коррелирует с некоторыми традиционными номинативными областями эвфемизации. Например, бесспорную семантическую и эмоциональную корреляцию со «стигматичным» денотатом имеет слово *могильщик*, относящееся к номинативной области «Смерть. Смертельные заболевания» благодаря входящим в структуру его значения соответствующим семам, следовательно, оно нуждается в эвфемизации.

Анализ большинства наименований непрестижных профессий (используемых, в частности, в русском языке), демонстрирует, что слова *дворник*, *мусорщик*, *уборщица*, *продащица* помимо обозначения вида деятельности обладают дополнительной семантической нагрузкой, а именно: «малопрестижная, не требующая специальной квалификации работа, свидетельствующая о низком уровне образования». Следовательно, данные наименования характеризуются

наличием стигматичной семы «неблагополучный» и относятся к номинативной области «Социально-экономические проблемы». При использовании заимствований, а также словосочетаний, структура которых в некоторой степени соответствует языковым особенностям официально-делового стиля, стигматичная сема исчезает и одновременно появляется «дополнительный смысл «уважительности», отсутствующий в их прямом наименовании» [Линевич 2001, с. 114].

Полагаем, однако, что степень стигматичности подобных наименований определяется морально-этическими установками общества и особенностями социально-политической ситуации в нем на том или ином этапе развития. Так, А. М. Кацев отмечает, что в социалистическом обществе не было необходимости эвфемизации наименований малопрестижных профессий в силу определенных идеологических установок того времени [Кацев 1988, с. 65]. Сегодня, как отмечает Е. П. Сеничкина, ряд эвфемистических наименований непрестижных профессий имеют официальный статус и закреплены в соответствующих документах, например, *уборщик территорий* вместо *дворник*, *рабочий ритуальных услуг* вместо *могильщик*, *уборщик мусоропроводов* вместо *мусорщик* [Сеничкина 2006, с. 79]. Таким образом, престиж тех или иных профессий и необходимость эвфемизации их наименований определяется под влиянием экстралингвистических (идеологических, исторических, социальных) факторов.

Кроме проблемы дифференциации эвфемизмов и слов и словосочетаний с нейтральной или положительной семантикой и стилистической окраской необходимо рассмотреть соотношение эвфемизмов и элементов нелитературных форм языка.

Сегодня под эвфемизмами нередко понимают элементы жаргона и вульгарного сленга (см. работы Л. П. Крысина, Г. Маньковской, Т. Д. Павленко, S. Luchtenberg).

Среди основных причин использования эвфемистических наименований нередко называется необходимость создания системы обозначений,

«направленных на обособление от общепринятой системы лексических значений языка» [Бердова 1981, с. 51].

Подобные наименования используются, в частности, в криминальном жаргоне, например, «*забемолеть* вместо *забеременеть*, *goneц* вместо *торговец наркотиками*, *браслеты* вместо *наручники*» [Крысин 1994, с. 48]. А. А. Реформатский полагает, что «в некоторых жаргонах наряду с «украшающими» эвфемизмами (например, *пришить* вместо *убить*) встречаются еще и «обратные» эвфемизмы, когда приличные наименования заменяются неприличными; в этих жаргонах эвфемия служит целям тайноречия» [Реформатский 2004, с. 106].

По мнению Н. Ю. Линевиц, использование эвфемизмов характерно для таких концептуальных сфер, как наркомания и преступный мир. В качестве примеров приводятся такие английские слова, как *juice* в значении *наркотики*, *turn up* в значении *заложить* и др. [Линевиц 2001, с. 116].

Аналогичное мнение высказывают А. Ю. Новиков и Т. Б. Новикова, отмечая, что сленговые эвфемизмы могут иметь разную эмоциональную окраску, а именно: могут быть шутливыми, ироничными, презрительными, для англоязычной лингвокультуры, в частности, характерно употребление эвфемизмов, имеющих оттенок черного юмора [Новиков 2001, с. 107], например:

dog meat (досл. *мертвое мясо*) вместо *dead person* (англ. *покойник*);

eternity-box (досл. *ящик вечности*) вместо *coffin* (досл. *гроб*)

Равно как и эвфемизмы, элементы жаргона служат для номинации «преступных действий, их подготовки и совершения, спиртного, наркотических веществ, понятий сексуальной тематики, физиологических отправления, а также болезней и смерти» [Ковшова 2007, с. 79].

Таким образом, номинативные области эвфемистических и жаргонных наименований во многом сближаются, однако между данными языковыми элементами существует ряд значительных различий, что обуславливает необходимость дифференциации данных явлений.

Эвфемизмы имеют семантическую организацию, позволяющую редуцировать стигматичные семы антецедентов или сдвинуть их на периферию значения; в то же время, между эвфемизмом и конвенциональным наименованием существует мотивированность, обуславливающая семантическую двуплановость эвфемизма, т.е. «одновременную реализацию признаков вторичного и первичного денотатов» [Шейгал 2000, с. 161]. При этом, как отмечает А. М. Кацев, «обязательным условием эвфемии является установление ассоциативных связей между денотатом, прямое обозначение которого табуируется, и денотатом, с которым создается ассоциация» [Кацев 1981, с. 140].

Семантическая организация жаргонизмов, напротив, не всегда позволяет соотнести их значение с конвенциональными наименованиями. М. Л. Ковшова отмечает, что наиболее продуктивным способом образования жаргонизмов является использование «уже существующего в языке общеизвестного «хорошего» слова в новом «плохом» смысле» [Ковшова 2007, с. 78]. Таким образом, в отличие от эвфемизмов, которые возникают при помощи манипуляций над уже имеющимися значениями слов, значения жаргонных слов могут появляться произвольно и не зависят от прямых значений слов, например, *мыть* в значении *воровать у спящего*, *мочить рога* вместо *отбывать наказание* и пр.

В. П. Москвин предлагает считать подобные единицы случаями проявления «корпоративной криптолалии» [Москвин 2007, с. 78], поскольку мотивы их использования связаны с желанием собеседников «скрыть предмет разговора от третьих лиц с помощью специально разработанной для этого микросистемы или даже целой системы языковых средств, то есть тайного языка» [Там же, с. 78].

Считаем целесообразным упомянуть еще один мотив использования такого рода наименований. Полагаем, что «создание и использование специфических наименований обыденных объектов в пределах социальных группировок можно рассматривать как своеобразный коммуникативный код, служащий способом дифференциации коммуникантов на основе социального статуса, рода деятельности и условий жизни» [Реброва 2013, с. 153]. Несмотря на то, что некоторые из таких лексических единиц обозначают предметы и явления,

относящиеся к понятийным сферам общественных табу, использующий их продуцент не пытается «смягчить» сообщаемую информацию, а преследует две названные выше цели, поскольку для носителей жаргонов и сленга «не существует ни лексических, ни тематических запретов» [Москвин 2007, с. 71]. Кроме того, как справедливо отмечает Н. М. Бердова, «часто криптологическому завуалированию подвергаются совершенно нейтральные денотаты» [Бердова 1981, с. 52], т.е. те денотаты, конвенциональное наименование которых не вызывает коммуникативный дискомфорт, например, *низа* вместо *карманы брюк*, *угол* вместо *чемодан*.

Таким образом, учитывая семантическую организацию и функциональную характеристику языковых элементов криминального жаргона, правильнее обозначить их не как эвфемизмы, а как «криптологические иносказания» (термин Н. М. Бердовой).

В работах Т. С. Бушуевой, А. В. Россовой и других исследователей используются такие термины как «дисфемизм» или «вульгарный эвфемизм».

А. М. Кацев, рассуждая о возможности использования сниженной лексики в эвфемистической функции, утверждает, что «стилистическая сниженность не препятствует основной функции эвфемизма – камуфлировать неприятное содержание» [Кацев 1988, с. 56].

Аналогичной позиции придерживается З. Лухтенерг, выделяя эвфемизмы высокого стиля (*Seniorenwohnheim* нем. дом престарелых, *transpirieren* нем. потеть), разговорные эвфемизмы (*die Nieren ausschlenkern* нем. мочиться) и вульгарные эвфемизмы (*aufgepumpt sein* нем. беременная) [Luchtenberg 1985, S. 154-156]. Основанием для дифференциации вульгарных эвфемизмов и эвфемизмов высокого стиля служит стилистическая коннотация: в то время как первым присуща небрежность и непринужденность, для последних характерно благородство и изысканность звучания.

Полагаем, однако, что подобный подход неоправданно расширяет содержание понятия «эвфемизм».

В основе образования вульгаризмов и эвфемизмов лежат аналогичные механизмы трансформации сем, однако у вульгарных эвфемизмов «направление оценочного варьирования меняется от нейтрально-объективной констатации факта к пейоративу или от умеренно-негативной квалификации к гиперболическому пейоративу» [Шейгал 2000, с. 162]. Иными словами, в вульгаризмах и дисфемизмах на первый план выходят именно стигматичные семы, что противоречит возникновению эвфемистического эффекта. Е. П. Сеничкина отмечает, что функции эвфемизмов и дисфемизмов в речи противоположны – смягчение, акцент на положительной семантике у первых и выражение грубой отрицательной оценки у последних [Сеничкина 2006, с. 7].

В силу своей стилистической окраски подобные «эвфемизмы» сами нуждаются в эвфемистической замене. Проанализировав состав сниженной лексики, В. Д. Девкин приходит к выводу, что в него входят единицы обценной лексики, вульгаризмы и гробианизмы, использование которых является невозможным по этико-моральным принципам, и их «принято избегать или заменять описательными, облагораживающими (эвфемистическими) выражениями» [Девкин 2005, с. 119].

Не стоит забывать, что появление и использование эвфемизмов «обусловлено нормами культуры речи и языкового этикета» [Кипрская 2005, с. 9], следовательно, «они должны быть уместны и эффективны в любой коммуникативной ситуации» [Реброва 2013, с. 154]. Вслед за Е. П. Сеничкиной считаем целесообразным использование следующего способа определения того, является ли слово или словосочетание эвфемизмом: «Нужно мысленно представить, что вы применили эту языковую единицу к собеседнику с более высоким социальным статусом. Если собеседник не возмутится, это эвфемизм» [Сеничкина 2006, с. 21]. Такие единицы, как *«дятел, параша, сыграть в ящик, замочить»* могут быть использованы только в специфичной ситуации общения, в определенной социальной группе, следовательно, не должны расцениваться как эвфемизмы» [Реброва 2013, с. 154].

В работе М. Л. Ковшовой используется также термин «полудисфемизм», соотносимый со словами и выражениями, которые, оставаясь грубыми, тем не менее, смягчают речь, так как выходят за рамки речевых норм в область речевой игры» [Ковшова 2007, с. 123]. В качестве примеров приводятся лексические единицы, в которых часть букв (преимущественно в нецензурных словах) заменена многоточием (*ж...а*) или слова, начальные буквы которых такие же, как у исходного грубого слова (*блин, ёлки-палки, прости господи*).

На наш взгляд, необходимо дифференцировать слова или выражения, выполняющие эвфемистическую функцию и закрепленные преимущественно за разговорным стилем (*abholen* вместо *verhaften* (нем. *арестовать*), *sie hat Tage* вместо *sie hat Menstruation* (нем. *у нее менструация*) и др.), и слова или выражения, относящиеся к вульгаризмам и жаргонизмам, имеющие иную семантическую организацию и стилистическую окраску и, следовательно, выполняющие иные коммуникативные задачи.

Таким образом, целесообразно отличать эвфемистические наименования от проявлений языковой моды и языкового снобизма, а также от элементов жаргона и вульгарной лексики. Основанием для дифференциации при этом служит семантическая взаимообусловленность конвенционального и нового наименований. Необходимым условием идентификации слова или выражения как эвфемистического является редукция в структуре его значения стигматичных семантических элементов, позволяющее, тем не менее, соотнести его с табуируемым понятием.

В словах и выражениях, являющихся проявлениями языковой моды, отсутствует необходимость в редукции стигматичных сем, поскольку таковые, как правило, не входят в структуру значения антецедентного наименования.

В жаргонизмах и вульгарных наименованиях не всегда присутствует имплицитно выраженная связь с конвенциональным наименованием. Более того, данные языковые знаки нередко содержат стигматичные семы, выражающие неодобрительную коннотацию, что противоречит функции эвфемистических наименований.

1.3. Основные подходы к описанию языковых средств реализации эвфемизмов

1.3.1. Формально-семантический подход к описанию способов образования эвфемизмов

В. П. Москвин [Москвин 2002, с. 127] отмечает, что обычно наиболее распространенные способы описания механизмов эвфемизации подаются в виде списка (см. работы С. Видлака, К. Джорджанели, Л. П. Крысина, К. Linfoot-Nam, J. S. Neaman, В. Warren и др.).

Схожей в работах этих и других авторов является не только форма представления материала (в виде списка механизмов эвфемизации), но и содержание: перечисляемые приемы иллюстрируются примерами, но отсутствует объяснение того, почему та или иная лексическая единица (например, термин) в определенном контексте помимо своей непосредственной функции (в случае с термином это функция дефиниции) выполняет функцию эвфемизма.

Подобный подход к описанию способов образования эвфемизмов является наиболее распространенным как среди отечественных, так и зарубежных филологов. Наиболее полные «списки» можно обнаружить в работах А. М. Кацева (1988), Л. П. Крысина (1995), М. Л. Ковшовой (2007), Е. П. Сеничкиной (2006), З. Лухтенберг (1985) и др. В основе данного подхода лежит анализ лингвистических операций, которые отличают замещаемое слово от эвфемизма и обеспечивают появление собственно эвфемистического значения.

Так, А. М. Кацев различает два основных вида лингвистических операций, которые приводят к образованию эвфемизмов – семантические сдвиги и изменение формы замещаемого слова. К семантическим сдвигам относятся такие явления, как генерализация значения, т.е. замена нежелательного слова или выражения личными и указательными местоимениями, именами существительными с диффузной семантикой, многозначными глаголами и т.д.; метафоризация, основанная на «более или менее очевидном сходстве между

предметом или понятием в сфере табу и соответствующим денотатом за пределами этой сферы» [Кацев 1988, с. 35]; метонимизация, «основанная на ассоциативных связях между денотатом в сфере табу и безобидным денотатом» [Там же, с. 35]; поляризация значения, заключающаяся в полном или частичном семантическом контрасте между замещаемым словом и эвфемизмом.

К способам изменения формы А. М. Кацев относит следующие: звуковая аналогия, при которой слово-табу замещается схожим по звучанию словом; негативная префиксация, осуществляемая по модели: «негативный префикс плюс существительное или прилагательное, антонимическое по смыслу слову-табу» [Там же, с. 36]; сокращение слов, словосочетаний или отдельных высказываний, относящихся к сфере табу.

Перечисленные выше способы эвфемизации представлены и в работах других лингвистов, занимающихся проблемами описания эвфемизмов (Л. П. Крысин, Е. П. Сеничкина, В. П. Москвин, З. Лухтенберг, Р. Рада и др.), однако существуют некоторые расхождения в терминологии. Например, способ образования эвфемизмов, обозначенный А. М. Кацевым как «негативная префиксация», носит в работах З. Лухтенберг и Р. Рады наименование «литота». Прием, аналогичный поляризации значения, в работе В. П. Москвина обозначен термином «антифразис». Отметим также, что такой способ эвфемизации, как звуковая аналогия, в исследовании этого ученого обозначается термином «фонетическая аллюзия».

Поскольку в основе данной концепции лежит анализ двух типов лингвистических операций над замещаемым словом, этот подход в настоящей работе обозначен термином **формально-семантический**.

Однако, несмотря на то, что семантические сдвиги и изменение формы являются продуктивными моделями эвфемизации, формально-семантический подход не является универсальным.

Во-первых, сам А. М. Кацев указывает, что за рамками указанной выше классификации приемов эвфемизации остается еще один способ образования эвфемизмов, который «хотя и уступает по интенсивности семантическим сдвигам,

достаточно распространен в современных языках» [Там же, с. 37]. Речь идет об использовании заимствований в функции эвфемизмов.

Во-вторых, данный подход значительно сужает круг механизмов эвфемизации, исключая из него такие весьма распространенные способы образования эвфемизмов, как использование аббревиатур, так называемых «детских слов», чисел и др. Очевидно, что с помощью формально-семантического подхода невозможно объяснить, на каком основании нежелательное слово замещается числом. Например, в немецком языке *00* используется для обозначения туалета, а слово *das Tausend* (тысяча) замещает слово *черт*, при этом никакой звуковой или понятийной взаимосвязи между замещаемым словом и эвфемизмом не наблюдается.

Узость формально-семантического подхода связана с тем, что в его рамках основным признаком эвфемизма считается вторичная или косвенная номинация (см. работы Н. М. Бердовой, А. М. Кацева, Е. П. Сеничкиной). По мнению В. Н. Телия, вторичная номинация заключается в «использовании уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия 1977, с. 129]. Кроме того, косвенная (или в терминологии В. Н. Телия, неавтономная) номинация рассматривается как частный случай вторичной номинации. Косвенная номинация опосредована предшествующим значением слова; чтобы она состоялась, обязательна поддержка вспомогательного наименования. Вторичные значения этого типа лишены способности указывать на мир автономно, например, *твердый* в значении *непоколебимый* реализуется только в сочетании со следующими словами: *характер, воля, решение* и т.д. [Телия 1990, с. 336–337].

Следует отметить, что логическим следствием данного подхода явилось то, что долгое время эвфемизмы рассматривались лишь как разновидность тропа (см. работы О. С. Ахмановой, И. Б. Голуб). Очевидно, что полностью условиям косвенной номинации могут удовлетворять лишь те способы эвфемизации, которые сопровождаются семантическими изменениями (метафоризация, метонимизация и др.). Эвфемизмы, образованные с помощью изменения формы

замещаемого слова, не нуждаются во вспомогательных наименованиях. В этом случае уместно говорить об эвфемизме как о случае не косвенной, а вторичной номинации, результаты которой «воспринимаются как производные по морфологическому составу» [Телия 1990, с. 336–337].

Отметим, что формально-семантический подход не позволяет однозначно ответить на вопрос, могут ли выполнять функцию эвфемизма термины.

С одной стороны, термин нельзя рассматривать как случай косвенной номинации, ведь, как справедливо отмечает Н. М. Бердова, «термины характеризуются прямой предметно-понятийной отнесенностью, точностью и однозначностью подкреплённых дефиниций, отсутствием эмоционально-экспрессивных элементов в значении слова» [Бердова 1981, с. 100]. Важным аргументом является и тот факт, что термины и эвфемизмы прямо противоположны по своему функциональному использованию в речевой коммуникации: «терминам свойственно максимальное раскрытие сущности «предмета», в том числе стигмы, эвфемизмам – ее максимальное сокрытие» [Там же, с. 100]. Более того, как отмечает М. Л. Ковшова, «в силу свойственной всем терминам однозначности и точности в указании на объект ...большинству людей они режут слух» [Ковшова 2007, с. 90].

Таким образом, по своей лингвистической природе термины не соответствуют требованиям формально-семантического подхода. Они являются абсолютными синонимами замещаемого слова, представляют случай прямой, а не косвенной номинации, следовательно, не являются результатом семантических сдвигов; кроме того, термины не являются коррелятами замещаемого слова с точки зрения формы.

С другой стороны, ряд лингвистов разделяет точку зрения, согласно которой использование терминов является одним из продуктивных способов эвфемизации (см., например, работы Л. П. Крысина). Е. П. Сеничкина придерживается этого же мнения, однако признает, что далеко не все термины могут выполнять функцию эвфемизмов. Анализируя возможности использования терминов в качестве эвфемизмов, она выделяет условия, при соблюдении которых

термины могут выполнять эвфемистическую функцию: «1) Этот термин должен быть иноязычным. 2) Язык должен располагать синонимичным, незаимствованным термином с прозрачной внутренней формой» [Сеничкина 2006, с. 26].

Следовательно, не всегда можно определить формальные изменения и семантические сдвиги, которые существуют между замещающим и замещаемым словами. Для более точного описания приемов эвфемизации необходимо определить вследствие чего тот или иной способ номинации характеризуется эвфемистическим эффектом. Формально-семантический подход не всегда позволяет это сделать.

Так, В. П. Москвин предлагает классифицировать все известные способы эвфемизации в зависимости от того, на основании чего возникает эвфемистический код. В результате делается вывод, что эвфемизация достигается благодаря нарочито двусмысленной речи, нарочито неясной речи, нарочито неточной речи и речи ассоциативно нейтральной [Москвин 2007, с. 167]. Однако подобные критерии не являются достаточно однозначными чтобы дифференцировать эвфемизм и другие лингвистические явления, имеющие подобные характеристики, но иную прагматическую установку. Кроме того, как отмечает Е. П. Сеничкина, возникает сложность при дифференциации самих понятий «двусмысленный», «неясный», «неточный», которые фактически являются синонимами [Сеничкина 2006, с. 84].

Е. П. Сеничкина, в свою очередь, отмечает, что эвфемистический эффект достигается благодаря семантической редукции, под которой понимается «сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа ее дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене» [Сеничкина 2008, с. 11]. Такая семантическая редукция достигается в следующих случаях:

1) при использовании языковых единиц с пониженным уровнем конкретности; прежде всего к ним относятся гиперонимы, слова с так называемой диффузной семантикой, местоимения (например, *известные результаты* вместо

отрицательные результаты; материал в значении *компрометирующие сведения о ком-либо, это* вместо *половые отношения*);

2) при использовании языковых единиц с нейтральным уровнем конкретности; в их число входят иноязычные слова и термины (например, *педикунелз* вместо *вшивость*, *канцерогенный* вместо *вызывающий рак*). Эвфемистический эффект возникает благодаря тому, что «в заимствованиях затемнена связь между денотатом и сигнификатом, вследствие чего отрицательные коннотации возникают слабо или поздно» [Там же, с. 17];

3) при использовании языковых единиц со значением неполноты признака действия, которое выражается с помощью различных аффиксов (*глуховатый* вместо *глухой*), некоторых лексических средств (*не совсем здоров* вместо *болен*); такие языковые единицы характеризуются «приуменьшением количественных характеристик предмета речи и оценочной деинтенсификацией» [Там же, с. 14];

4) при использовании аббревиатур, что позволяет «увеличить расстояние между денотатом и сигнификатом» [Там же, с. 14].

Схожие объяснения возникновения эвфемистического эффекта представлены в исследовании М. Л. Ковшовой [Ковшова 2007, с. 48–51].

Однако стоит отметить, что подобные обоснования («воспринимаются не так остро», «непрозрачное по образу заимствованное слово», «максимальная дистанция между денотатом и сигнификатом», «затемнение связи между денотатом и сигнификатом») базируются скорее на субъективных оценках, а не на научных фактах, носят несистемный характер, поскольку сопровождают лишь отдельные приемы эвфемизации. В частности, Е. П. Сеничкина не объясняет, каким образом семантическая редукция реализуется в метафоре, метонимии, антифразисе, звуковых аналогиях и т.д., т.е. ряд основных способов эвфемизации не включен в данную классификацию.

Формально-семантический подход не позволяет выделить точный лингвистический критерий, лежащий в основе процесса эвфемизации, что объясняет отсутствие однозначного мнения о механизмах лингвистической реализации эвфемизмов. Не всегда возможно установить взаимосвязь между

замещаемой языковой единицей и эвфемизмом, следовательно, несмотря на широкое распространение, данный подход нельзя считать универсальным для описания приемов образования эвфемизмов. Кроме того, в рамках формально-семантического подхода эвфемизмы рассматриваются преимущественно на лексическом уровне языковой системы, что значительно сужает круг способов образования эвфемистических наименований.

1.3.2. Структуралистский подход к описанию способов образования эвфемистического эффекта

В современной лингвистической литературе представлен ряд подходов к описанию способов образования эвфемизмов, которые рассматриваются как альтернативные формально-семантическому подходу.

Достаточно распространенным способом описания механизмов эвфемизации является подход, названный в работе Р. Рады структуралистским [Rada 2001, S. 102].

Равно как и в традиционном формально-семантическом подходе, в структуралистском подходе решающее значение имеют изменения, отличающие эвфемизм от замещаемого слова. Но если в формально-семантическом подходе основным критерием является вид лингвистической операции, осуществляемой над замещаемым словом, то при структуралистском подходе необходимо определить, на каком уровне языковой системы происходят изменения. Это позволяет рассматривать эвфемизмы более широко, с точки зрения их лингвистической реализации.

Основоположником данного подхода считается Ж. Дюбуа. В работе «Общая риторика», одним из соавторов которой он является, возникновение эвфемистического эффекта объясняется следующим образом: «...семы, которые представляются неудобными или бесполезными, элиминируются, а их место занимают другие. Инвариант, помогающий понять смысл эвфемизма,

сохраняется, но к нему добавляются случайные семы, которые не препятствуют его распознаванию, но частично деформируют его» [Дюбуа 2005, с. 248–249].

Согласно теории Ж. Дюбуа, в языке эвфемизм реализуется в виде метабола. Метабола определяется как «всевозможные изменения, касающиеся любого аспекта языка» [Там же, с. 91]. Ж. Дюбуа выделяет **четыре основных типа метабол: метафоны, метаморфы, метасемемы и металогизмы.**

В основе *метафонов* лежит удаление или добавление звуков в замещаемом слове. Возникшие в результате этих изменений эвфемизмы и непосредственно замещаемые единицы относятся к различным референтным полям, однако благодаря схожему звучанию значение таких эвфемизмов легко определить. В качестве примера метафонов можно привести слово *die Scheibe*, используемое вместо *die Scheiße* (нем. *дрянь, отстой*) [Rada 2001, S. 102].

Второй вид метабол – *метаморфы* – представляет собой всевозможные манипуляции с морфемами. К числу основных лингвистических операций такого рода можно отнести сокращения слов (*der Alki* вместо *der Alkoholiker*; нем. *алкоголик*), пропуск нежелательных слов или замена их графическими символами (многоточием, например), удвоение слогов (*der Popo* вместо *der Po*; нем. *ягодицы*), суффиксация (например, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов для образования наименований животных: *der Jungferchen* вместо *das Wiesel*; нем. *ласка*), а также заимствования [Там же, S. 102].

В *метасемемах* происходит замена одних семем другими. Это может произойти благодаря использованию слов с общей семантикой, в которых отсутствуют нежелательные семы (например, *die Aktion* вместо *der Krieg*; нем. *война*), а также использованию синекдох, метафор и метонимий, где вместо нежелательных семем на первый план выходят нейтральные. В случае с метафорой это общая денотативная сема, объединяющая замещаемое слово и эвфемизм. Например, глагол *einschlafen* (нем. *засыпать*) используется в качестве эвфемизма к глаголу *sterben* (нем. *умирать*). Оба упомянутых процесса характеризуются схожими признаками – человек находится в неподвижном

состоянии, его сознание прекращает свою работу. Это сходство и лежит в основе появления эвфемистического эффекта.

Метонимические эвфемизмы подчеркивают временную, пространственную, логическую или причинно-следственную связь с замещаемыми словами, в результате чего появляется коннотативная сема, позволяющая не акцентировать внимание на отрицательно воспринимаемых аспектах. Например, для обозначения понятия *бедный* в немецком языке используется слово *einkommensschwach* (человек, имеющий низкий уровень дохода), обладающее эвфемистической функцией благодаря коннотативной семе, основывающейся на причинно-следственной связи с замещаемой единицей.

Особый вид эвфемизмов представляют так называемые *металогизмы*, реализующиеся в речи в виде литоты и «преувеличенно-иронических выражений» [Там же, S. 103].

В литоте негативное содержание передается посредством отрицания противоположного (положительного) содержания, в результате чего нежелательные семы нивелируются, например *der Nichtabiturient* вместо *hat nur acht Klassen* (нем. человек, закончивший неполную среднюю школу и не имеющий возможности поступать в вуз) [Там же, S. 103].

Прием, обозначенный Ж. Дюбуа как «преувеличенно-иронические выражения», соответствует поляризации в терминологии А. М. Кацева и антифразису в терминологии В. П. Москвина. Суть данного приема заключается в том, что положительные семы служат для обозначения противоположного содержания, в результате чего появляется иронический оттенок, например *Das ist aber eine geniale Idee* вместо *Das ist eine grundsätzlich falsche Idee* (нем. Это гениальная идея вместо Это абсолютно абсурдная идея).

Таким образом, можем заключить, что классификация Ж. Дюбуа охватывает необходимые для получения эвфемистического эффекта изменения, относящиеся ко всем уровням языковой системы, начиная с лингвистических операций над звуками и заканчивая изменениями синтаксических структур.

Несмотря на то, что предложенная Ж. Дюбуа терминология обнаруживает ряд «неточностей и противоречий» [Там же, S. 104], структуралистский подход указывает на важнейшие свойства эвфемизмов. Основным преимуществом данного подхода является то, что эвфемизмы не рассматриваются исключительно как «номинативные единицы, эквивалентные слову и регулярно воспроизводимые в речи» [Баскова 2006, с. 10], что характерно для традиционного формально-семантического подхода, при котором эвфемизмы анализируются исключительно на лексическом уровне.

В основе классификации способов образования эвфемизмов, разработанной Ю. С. Басковой, также лежит «принцип учета языкового уровня реализации эвфемистической зашифровки» [Там же, с. 10]. В результате выделяются графические, фонетические эвфемизмы, эвфемизмы, образованные с помощью морфологических способов, эвфемизмы лексико-семантического уровня и синтаксические эвфемизмы.

Ниже представлена классификация механизмов лингвистической реализации эвфемизмов, в основе которой лежит схема анализа способов образования эвфемистического эффекта, предложенная Ю. С. Басковой.

Графические эвфемизмы

В отличие от классификации Ж. Дюбуа, в которой изменения замещаемого слова рассматриваются как частный случай лингвистических операций над морфологической формой слова (метаморф), в работе Ю. С. Басковой графические эвфемизмы выделены в отдельную группу. К ним относятся опущения середины или конца слова (синкопы и апокопы), например *нас...л*, *ж...*, а также замена слова многоточием [Там же, с. 11].

Данный способ образования эвфемистических единиц можно назвать периферийным среди остальных моделей эвфемизации. В. З. Санников отмечает, что единицы, образованные при помощи графических средств языка, являются наименее интересным видом эвфемизмов [Санников 1999, с. 465]. Ю. С. Баскова указывает на крайне низкий эвфемистический потенциал подобных единиц; это обусловлено тем, что формальная «маскировка» не вызывает нейтральных или

положительных ассоциаций, а намек на табуируемую лексическую единицу очевиден [Баскова 2006, с. 11–12]. Данный способ наиболее продуктивен для замещения нецензурных слов.

Фонетические эвфемизмы

Так же как и Ж. Дюбуа, Ю. С. Баскова выделяет фонетические эвфемизмы, в которых «происходит изменение формы слова табу» [Там же, с. 12]. Говоря об использовании этой группы эвфемизмов, Ю. С. Баскова использует термин «звуковая аналогия», введенный А. М. Кацевым.

Можно предположить, что термин «звуковая аналогия» недостаточен для описания всех способов, охваченных данной моделью эвфемизации, и включает в себя только те единицы, которые имеют сходство с уже имеющимися в языковой системе словами (например, использование слова *basket* вместо ругательства *bastard*; англ. *подонок, негодяй*).

Более корректным представляется термин, предложенный В. П. Москвиным, – фонетическая аллюзия. Данное явление заключается в «звуковом намеке, основанном на замене подразумеваемой номинативной единицы близкозвучным словом» [Москвин 2007, с. 191]. В настоящей работе данный термин является категоризирующим для двух способов образования эвфемизмов на фонетическом уровне. Это фонетическое сходство (использование уже существующего в языке слова, схожего по звучанию с нежелательной единицей, например, *sugar* вместо *shit*; англ. *дрянь*) и фонетическое искажение (изменение нежелательной единицы с целью получения нового элемента языка, например, *ferk* вместо *fuck*; англ. *черт поберу*).

Морфологические эвфемизмы

К морфологическим способам образования эвфемизмов Ю. С. Баскова относит негативную префиксацию, мейозис и аббревиацию [Баскова 2006, с. 12]. Однако данный перечень представляется не полным. Дефиниция мейозиса как одного из тропов, представляющего собой «преуменьшение интенсивности свойств (признаков) предмета, явления, процесса» [Скребнев 1979, с. 138], позволяет рассматривать в его рамках целый ряд явлений, объединенных общим

признаком – способностью создавать значение «инфериорности» (термин Е. П. Сеничкиной). К способам эвфемизации, в основе которых лежит явление мейозиса, могут быть отнесены: номинация через отрицание [Москвин 2007, с. 218], реализующаяся, прежде всего, посредством негативной префиксации (*нездоровый* вместо *больной*; *untruth* вместо *lie*; (англ. *ложь*); использование аффиксов со значением неполноты действия (*глуховат* вместо *глухой*; *älter* вместо *alt* (нем. *старый*); *undernourished* вместо *hungry* (англ. *голодный*); применение полуаффиксов, имеющих семы *мало*, *слабо* и т.д. (*слабослышащий* вместо *глухой*; *geistesarm* вместо *dumm* (нем. *глупый*)).

Эвфемистический потенциал подобных образований, по мнению Ю. С. Басковой, обусловлен тем, что «негативно воспринимаемые свойства предметов не называются точно, конкретно» [Баскова 2006, с. 13]. В то же время степень эвфемизации, достигаемая при использовании таких наименований, не очень высока: отрицание положительного денотата при негативной префиксации привносит отрицательные коннотации, а при использовании единиц с аффиксами неполноты действия «выполнению эвфемистической функции мешает наличие корня с отрицательной оценкой» [Там же, с. 14].

Вторая разновидность морфологических эвфемизмов связана с явлением аббревиации. Аббревиатуры, представляющие собой первые буквы или звуки исходных корней, могут быть незнакомы реципиенту и не вызывают негативных ассоциаций.

В настоящей работе в рамках процесса аббревиации рассматриваются также такие единицы, как *F-word*, *eff*, используемые вместо ругательства *fuck* (англ. *черт поберу*). В. П. Москвин рассматривает их как случаи апокопирования [Москвин 2007, с. 203].

Стоит отметить, что ряд лингвистов, в частности, М. Л. Ковшова, классифицируют подобные модели эвфемизации (прежде всего, аббревиацию) как лексико-семантические [Ковшова 2007, с. 51]. Очевидно, что подобная точка зрения не может считаться корректной в силу того, что при аббревиации происходит только внешнее изменение формы замещаемого слова, в то время как

лексическое значение, внутренняя форма остаются прежними, хотя и «затемненными» для восприятия.

Лексические эвфемизмы

На лексико-семантическом уровне языковой системы реализуется большая часть эвфемистических моделей языка.

В основе выделяемых Ю. С. Басковой эвфемизмов лексико-семантического уровня лежат приемы, обозначенные А. М. Кацевым как «семантические сдвиги» [Кацев 1988, с. 34]. Прежде всего, к ним относятся генерализация, метафоризация, метонимизация и поляризация.

Значительным эвфемистическим эффектом обладает генерализация значения. Это связано с тем, что «замена нежелательной номинации родовым наименованием, словом широкой семантики, позволяет снять компоненты прагматического фокуса, мотивирующие отрицательную оценку» [Баскова 2006, с. 15]. Генерализация значения реализуется в следующих основных способах: использование родовых наименований, гиперонимов нежелательной единицы (*деньги* вместо *взятка*, *заведение* вместо *туалет*); использование слов и выражений с рассеянной, диффузной семантикой (слов-«амеб» в терминологии Ю. С. Басковой), которые, будучи нейтральными, не фиксируют на себе внимание реципиента (*специфический запах* вместо *вонь*); замена нежелательной единицы местоимением (*это* вместо *половые отношения*). Для обозначения последнего приема эвфемизации в настоящей работе используется термин «прономинализация», предложенный В. П. Москвиным.

К рассматриваемой модели эвфемизации целесообразно отнести явление, обозначенное В. П. Москвиным как логическое перефразирование [Москвин 2007, с. 195]. Данный прием (В. П. Москвин именуется его как *abstractum pro concreto*) представляет собой словосочетание, состоящее из гиперонима и конкретизирующего определения, выражающего отличительный признак нежелательного понятия (*ночной сосуд* вместо *горшок*). В настоящей работе данный способ эвфемизации рассматривается как разновидность приема «использование гиперонимов».

Метафоризация значения предоставляет богатейшие возможности для образования эвфемистического значения, поскольку «семантическая двуплановость метафоры затемняет ее предметную отнесенность» [Арутюнова 1997, с. 234]. Семантический сдвиг, возникающий при метафоризации, основан на «сходстве между предметом или понятием в сфере табу и соответствующим денотатом за пределами этой сферы» [Баскова 2006, с. 15]. К метафорам относятся такие эвфемизмы, как *yūmi* вместо *умереть*, *zum alten Haufen fahren* вместо *sterben* (нем. *умереть*), *departed* вместо *dead* (англ. *умерший*). Во всех приведенных примерах процесс смерти сопоставляется с процессом ухода; на основании сходства этих явлений и осуществляется метафорический перенос.

В рамках процесса метафоризации предлагается также рассматривать перенос наименования с вида на вид, основанный «на замене одного видового понятия другим на основе ассоциаций по сходству» [Москвин 2007, с. 216] (*ошибаться* вместо *врать*).

Метонимизация как одна из моделей эвфемизации на лексико-семантическом уровне основывается на «ассоциативных связях между денотатом в сфере табу и безобидным денотатом» [Баскова 2006, с. 16]; таковым, например, является эвфемизм *to wash one's hand* (англ. *вымыть руки*), использующийся вместо словосочетания *to go to the toilet* (англ. *пойти в туалет*) и основывающийся на причинно-следственных связях между этими действиями.

К разновидностям метонимии могут быть отнесены такие приемы, как металепсис, синекдоха, антономасия и прономинация.

Металепсис определяется В. П. Москвиным как «представление ситуации через другие ситуации или явления, так или иначе с ней связанные» [Москвин 2007, с. 175]. Так, например, металепсисом может быть представлено немецкое выражение *die Kartoffeln von unten wachsen sehen*, которое дословно переводится как *снизу наблюдать, как растет картошка* и используется по отношению к умершему человеку.

Синекдоха рассматривается как частный случай метонимии, реализующийся в двух направлениях: 1) употребление наименования части для

обозначения целого (*bis zum letzten Schnaufer* вместо *bis zum Tod*; нем. *до смерти*); 2) употребление названия целого вместо наименования части (*person* вместо *man's genitals*; англ. *половые органы*).

Антономасия заключается в замене «имени существительного определением, называющим какую-либо отличительную особенность предмета» [Москвин 2007, с. 213], например, *рогатый* вместо *черт*.

Под прономинацией понимается использование имени собственного в значении имени нарицательного (*Магдалина* вместо *распутная женщина*).

К группе эвфемизмов лексико-семантического уровня Ю. С. Баскова относит также термины и заимствования, отмечая, что эти эвфемистические приемы «заклучают в себе значительные возможности для манипулирования адресатом сообщения» [Баскова 2006, с. 17]. Эвфемистический эффект от использования заимствований и терминов достигается благодаря тому, что «их внутренняя форма затемнена; они не имеют нежелательных коннотаций и воспринимаются говорящими как более приемлемые» [Там же, с. 17]. Эти признаки позволяют отнести данные языковые единицы к эвфемизмам, несмотря на прямое, а не косвенное обозначение денотата.

Полагаем, что вышеуказанные приемы уместно отнести к лексико-семантическому способу эвфемизации, который в настоящем исследовании обозначается термином «смена стиля». В качестве разновидности данного способа эвфемизации расцениваются любые отклонения от нейтрального, стандартного способа изложения мыслей: как использование книжной лексики (терминов и заимствований), так и употребление сниженной лексики, например, жаргонной. К данному приему относятся и так называемые «детские слова», используемые в эвфемистической функции.

Еще одна лексико-семантическая модель эвфемизации, выделяемая Ю. С. Басковой, заключается в использовании обозначения, противоположного по смыслу негативному обозначению денотата [Там же, с. 17]. Аналогичный прием рассматривает и В. П. Москвин, однако в его терминологии он обозначен как антифразис [Москвин 2007, с. 187]. В качестве примера приводится выражение *ну*

и аромат!, использованное в значении *ну и вонь!* Важную роль в реализации подобной эвфемистической модели играет контекст, а также фоновые знания о предмете речи, так называемые пресуппозиции [Там же, с. 189].

Синтаксические эвфемизмы

В разработанной Ю. С. Басковой классификации синтаксические эвфемизмы заслуживают особого внимания. Как справедливо подчеркивает исследователь, «...потенциал синтаксических эвфемизмов заслуживает особого тщательного изучения в силу его неразработанности в лингвистике» [Баскова 2006, с. 17]. По мнению исследователя, высокая степень эвфемистического потенциала таких наименований связана с тем, что «распознать замену, произведенную на синтаксическом уровне, для адресата гораздо сложнее, чем распознать эвфемистическую лексико-семантическую замену» [Баскова 2006, с. 17–18].

Так, к основным способам создания эвфемистического эффекта посредством изменения синтаксической структуры исходных единиц Ю. С. Баскова относит:

1) разнообразные манипуляции над структурой словосочетаний: введение компонента с позитивным значением с целью придать словосочетанию положительные или нейтральные коннотации (например, ***ограниченное использование ядерного оружия*** – компонент *ограниченное* придает высказыванию нейтральный оттенок), изъятие нежелательного компонента (например, словосочетание *замена льгот денежными выплатами* было сокращено до ***льготные выплаты***), столкновение противоречащих компонентов, или оксюморон (например, ***спад экономического роста, отрицательные темпы роста***), чрезмерное усложнение структуры словосочетания с целью затруднить для реципиента понимание сути описываемых событий (например, «***активные действия федеральных сил по наведению конституционного порядка*** вместо *военные действия*» [Там же, с. 18]);

2) эллипсис, под которым автор понимает безобъектное употребление переходных глаголов (например, ***дать*** вместо *дать взятку*), а также

использование пассивных конструкций, в которых отсутствует субъект действия (например, *исламистские движения обезглавлены и дезорганизованы, их лидеры ликвидированы*);

3) замена утвердительной конструкции, содержащую нежелательный факт, на отрицательную конструкцию с аналогичным смыслом (например, «*я не думаю, что вы правы*» вместо *я думаю, что вы не правы*» [Там же, с. 18-20]).

Считаем целесообразным дополнить разработанную Ю. С. Басковой классификацию синтаксических эвфемизмов еще несколькими эвфемистическими моделями.

Во-первых, полагаем, что предложенная Ю. С. Басковой трактовка эллипсиса как приема образования эвфемизмов является достаточно узкой и не охватывает всех аспектов этого явления. В настоящей работе под эллипсисом понимается пропуск любого нежелательного элемента вне зависимости от его частеречной характеристики, например, *Tage* вместо *Tage der Menstruation* (нем. *менструация*).

Во-вторых, вслед за В. П. Москвиным считаем справедливым выделение таких моделей эвфемизации, как фигуры интертекста и эпитроп. По своей организации их также следует классифицировать как синтаксические эвфемизмы. Фигуры интертекста представлены аппликациями (прием, заключающийся в использовании различного рода устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, элементов прецедентных текстов), текстовыми аллюзиями (ассоциативными отсылками к определенному известному для адресата тексту) и парафразами (изменение какого-либо известного адресату выражения или отрывка текста) [Москвин 2007, с. 184-185]. Эпитроп заключается в «указании таких фактов и деталей, которые дают адресату возможность самостоятельно прийти к определенному выводу относительно характеризуемого предмета, лица или события» [Там же, с. 178].

Таким образом, лингвистической основой синтаксических эвфемизмов является изменение лексического состава конструкций с целью введения позитивных или удаления негативных сем, что приводит к появлению

положительных или нейтральных коннотаций. Однако, в отличие от эвфемизмов других уровней языка, представляющих собой конкретные слова или устойчивые словосочетания, основой эвфемизмов синтаксического уровня языковой системы являются конкретные модели и шаблоны, наполняющиеся в процессе коммуникации новым содержанием, что значительно расширяет возможности эвфемизации.

Выводы по Главе 1

Проведенный анализ основных признаков эвфемистических единиц как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации позволяет сделать следующие выводы об актуальных аспектах процесса эвфемизации:

1. Эвфемизмы рассматриваются как языковые средства репрезентации лингвокультурной информации в силу своей способности аккумулировать сведения о традициях, обычаях, менталитете, системе морально-этических ценностей носителей тех или иных языков. При этом лингвокультурная информация может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Под эксплицитным выражением понимаются моральные принципы и установки социума, нашедшие свое отражение в представленных в лингвокультуре областях эвфемизации. Под имплицитным выражением подразумевается информация об архетипических представлениях нации, под воздействием которых в языке появились те или иные эвфемизмы.

2. Основным, исторически сложившимся подходом к исследованию эвфемистических наименований является субституционный подход, в рамках которого эвфемизм рассматривается как слово, замещающее нежелательную единицу. Мотивационной основой, обуславливающей необходимость использования эвфемизма, является стремление избежать употребления табуированной по тем или причинам единицы.

Основные критерии к определению понятия «эвфемизм» с точки зрения субституционного подхода не всегда позволяют с уверенностью выявить

эвфемистическую функцию и дифференцировать эвфемизмы и смежные языковые явления. Спорным является вопрос, связанный с основным признаком эвфемистических наименований – способностью замещать единицы, обозначающие негативный денотат. Обязательным признаком эвфемизма является семантическая взаимообусловленность эвфемистической номинации и антецедента.

В структуре значения конвенциональных наименований присутствуют стигматичные семы или группы сем, обуславливающие возникновение негативных эмоций (страха, смущения, отвращения) в процессе общения и, как следствие, коммуникативного дискомфорта. Эвфемизмом наименование считается лишь в том случае, если его форма и семантическая структура позволяют осуществить референциальный сдвиг, в результате которого стигматичные семы редуцируются или переходят на периферию значения, в результате чего происходит реализация эвфемистической функции – смягчение или камуфлирование негативного денотата.

Таким образом, под **эвфемизмами** понимаются **языковые средства, направленные на редукцию определенных стигматичных сем антецедентных наименований во избежание коммуникативного дискомфорта.**

В настоящем исследовании выделены три группы стигматичных сем: «страшный, неизбежный, опасный для жизни»; «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз»; «неблагополучный». Опираясь на данные семы в структуре языковых единиц, установлены следующие номинативные области эвфемизации: «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь человека», «Социально-экономические проблемы» и пр.

3. Вышеупомянутые стигматичные семы являются универсальными для большинства современных лингвокультур. Однако степень их релевантности и их непосредственная языковая интерпретация и реализация во многом определяются социально-историческими условиями развития нации, морально-этическими ценностями и установками социума, а также особенностями этнического менталитета. В связи с этим возникает необходимость выделения

общекультурных и культурно-специфических номинативных областей эвфемизации, – задача, решению которой посвящена исследовательская глава данной работы.

Кроме того, при реализации эвфемистического эффекта находят отражение ключевые концепты лингвокультуры, архетипические представления и культурные символы.

Данные обстоятельства дают возможность рассматривать эвфемизмы как объект лингвокультурологических исследований.

4. На основе коммуникативно-функционального анализа эвфемистических наименований выделены **социально-медиаторные** и **манипулятивные эвфемизмы**. Социально-медиаторные эвфемизмы, как правило, призваны предотвращать коммуникативные неудачи, потенциальное возникновение которых обусловлено упоминанием денотатов, характеризующихся социальными или индивидуальными запретами. Социально-медиаторные эвфемизмы связаны с такими номинативными сферами, как «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь», «Физиология человека», «Вредные привычки», «Преступления и их последствия».

Манипулятивные эвфемизмы направлены на достижение коммуникативных интенций продуцента и на формирование у реципиента определенного, желательного для говорящего, представления относительно сообщаемых фактов. Данные наименования релевантны для таких номинативных областей, как «Политические проблемы и военные действия» и «Социально-экономические проблемы».

5. Дифференциация эвфемизмов и смежных языковых явлений возможна благодаря анализу семантических отношений между антецедентом и новым эвфемистическим наименованием.

Так, наименования престижа (проявления языкового снобизма и языковой моды, представляющие собой использование заимствованных эквивалентов для номинации обыденных понятий) не могут быть категоризованы как эвфемизмы,

поскольку в структуре значения антецедентного наименования отсутствуют антецедентные семы.

Напротив, жаргонные элементы и вульгаризмы, хотя и сближаются с эвфемизмами с точки зрения номинативных областей, не могут выполнять эвфемистическую функцию, поскольку их семантическая структура не только не позволяет редуцировать стигматичные семы, но делает их еще более очевидными.

6. Важной особенностью эвфемистических единиц являются способы их лингвистической реализации. В научных трудах по проблемам эвфемии изложены формально-семантический и структуралистский подходы к описанию способов образования эвфемистического эффекта.

Формально-семантический подход является более распространенным в современной лингвистике. Эвфемизм рассматривается преимущественно как явление лексического уровня языковой системы, а его существенные характеристики исследуются в тесной корреляции с замещаемой единицей. Так, одним из критериев для классификации способов образования эвфемизмов в рамках формально-семантического подхода является тип операции, имеющей место в результате преобразования нежелательной единицы в эвфемизм. Эвфемистические наименования при этом расцениваются исключительно как случай косвенной номинации.

Более широкие возможности для изучения эвфемистических единиц предоставляет структуралистский подход, разработанный Ж. Дюбуа и дополненный исследованиями отечественных и зарубежных лингвистов. В рамках структуралистского подхода образование эвфемизмов рассматривается на всех уровнях языковой системы, начиная от фонетических и графических манипуляций над антецедентом и заканчивая синтаксическими конструкциями, что значительно расширяет диапазон способов реализации эвфемистического эффекта.

Глава 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

2.1. Виды эвфемистических наименований с точки зрения их лексикографической фиксации

Как уже неоднократно отмечалось выше, эвфемизмы отличаются высокой частотностью использования в современной коммуникации, однако остается открытым вопрос об их лексикографическом статусе и специфике фиксации в словарях.

Важно отметить, что на сегодняшний день в зарубежной лексикографической практике (прежде, всего американской) представлено значительное количество словарей эвфемизмов (см. работы A. Bertram, N. Klein, J. S. Neaman, H. A. Rawson, R. A. Spears). Но, как справедливо отмечает В. П. Москвин, слабой стороной этих работ является тот факт, что в них практически нет дифференциации эвфемии и смежных языковых явлений, вследствие чего «литературная эвфемия описывается «под одной крышей» с жаргоном, сленгом и грубым просторечием, а граница между данными взаимоисключающими явлениями не проведена» [Москвин 2007, с. 248].

Еще более спорным представляется вопрос о возможности адекватной лексикографической репрезентации эвфемизмов в одноязычных толковых словарях. В исследованиях, посвященных явлению эвфемии, нередко отмечается, что эвфемистические единицы представляют собой сложный для лексикографирования материал и отличаются нерегулярной степенью фиксации в академических толковых словарях (см. работы М. Л. Ковшовой, В. П. Москвина, Е. П. Сеничкиной и др.).

А. Г. Вейсбергс отмечает [Veisbergs 2000, p. 774], что в лексикографических источниках не существует единой концепции относительно дефиниции термина «эвфемизм», что неизбежно приводит к отсутствию единой стратегии их

маркирования в лексикографических источниках. В результате, фиксации подвергается лишь малая часть фактически используемых в процессе коммуникации эвфемизмов, кроме того, постановка соответствующей пометы у одних и тех же единиц является нерегулярной и варьируется в зависимости от словаря.

Проблематичность лексикографирования эвфемизмов может быть обусловлена двумя причинами. Прежде всего, для эвфемизмов характерны процессы «девальвации» эвфемистического потенциала. Вследствие этого единица, выполнявшая в прошлом функцию эвфемизма, «либо воспринимается как нейтральная, либо приобретает отрицательную оценку и переходит в разряд деэвфемизмов (термин Е. П. Сеничкиной), требуя новой эвфемизации» [Реброва 2015, с. 121]. Иллюстрацией первого процесса служит немецкий глагол *sterben* (*умирать*), в прошлом имевший значение *застывать* и использовавшийся в эвфемистической функции; в современном языке он утратил исходное значение и является т.н. «стертым» эвфемизмом. В качестве примера эвфемизма, перешедшего в разряд деэвфемизмов, стоит привести слово *любовник*, которое в XIX веке использовалось в значении *возлюбленный*; в настоящий момент оно воспринимается как достаточно грубое и замещается эвфемистическими эквивалентами *бойфренд, друг*) [Сеничкина 2006, с. 53]. По мнению М. Л. Ковшовой, в большей степени это правдиво по отношению к эвфемизмам, обозначающим физиологические особенности человеческого тела, а также относящимся к сфере интимных отношений. Данные единицы отличаются повышенной степенью воспроизводимости в речи и быстро теряют свой эвфемистический потенциал [Ковшова 2007, с. 51].

Кроме того, отметим, что возникновение эвфемистического значения нередко напрямую зависит от языкового окружения. Прежде всего, это справедливо по отношению к гиперонимам и словам с диффузной семантикой, используемым в функции эвфемизмов. Так, например, гипероним *die Frau* (нем. *женщина*) вне специфического контекста лишен потенциального эвфемистического значения *проститутка*.

Таким образом, можем заключить, что процессы закрепления эвфемизмов в парадигматике языка и их маркирования с помощью соответствующих помет осложнены двумя полярными тенденциями: с одной стороны, эвфемизмы, обладающие высоким прагматическим потенциалом, чаще всего окказиональны, а эвфемизмы, закрепившиеся в языковой системе, напротив, теряют эвфемистические признаки и сами нуждаются в эвфемизации.

Данный факт находит свое отражение в проведенном в настоящей работе количественном анализе зафиксированных в толковых словарях единиц – благодаря использованию метода сплошной выборки получено лишь 983 единицы из 4 проанализированных источников.

При этом обращают на себя внимание два фактора: 1) отсутствие унифицированного лексикографического аппарата, используемого для фиксации эвфемистических единиц; 2) разнообразие способов размещения в словарной статье информации об эвфемистическом потенциале языковых единиц. Данное обстоятельство позволяет говорить о возможности фиксации в толковом словаре эвфемизмов, имеющих разную степень закреплённости в системе, и на основании данного критерия выделить два вида эвфемизмов – **реальные и потенциальные**.

2.1.1. Способы лексикографической фиксации реальных эвфемизмов

В немецкой лексикографической культуре для маркирования эвфемистических единиц используется лексикографическая помета *verhüllend* (досл. *завуалированно*). Она входит в состав системы стилистических лексикографических помет, которые указывают на особенности употребления тех или иных единиц, а также на интенциональную направленность, сопровождающую их использование. Подобно остальным пометам данного типа помета *verhüllend* оформляется стандартным шрифтом и помещается в круглые скобки: (verhüll.).

Данная помета – *verhüllend* – располагается в различных зонах словарной статьи, что, полагаем, может указывать на неодинаковую степень проявления эвфемистического эффекта в зависимости от контекста. Под контекстом в настоящем исследовании понимаются содержащиеся в словарной статье примеры и комментарии, иллюстрирующие употребление той или иной единицы. Рассмотрим такие случаи постановки пометы, когда единственное (прямое) лексическое значение единицы является эвфемистическим вне зависимости от контекста.

1. Помета *verhüllend* располагается непосредственно после зоны грамматической информации, сопровождающей вокабулу. При этом лемма характеризуется относительно простой семантической структурой, что доказывает отсутствие в структуре словарной статьи филиации, т.е. членения заглавного слова на значения, например:

Drogenproblem, das (verhüll.): *Drogenabhängigkeit* (DU)

Embonpoint, das, auch der /ohne Pl./ (franz. geh. verhüll.) *rundlicher Bauch, Schmerbauch*: ein E. ansetzen (WdG)

Leibhaftige, der; -n, /ohne Pl./ (umg. verhüll.) *Teufel* (WdG)

В данном случае, как видим, лексическая единица имеет только одно зафиксированное значение, на что указывает структура словарной статьи и, следовательно, оно является эвфемистическим во всех возможных контекстах употребления.

2. Более распространенной в словарях, исследуемых в настоящей работе, является постановка пометы *verhüllend* у одного из нескольких лексических значений леммы после соответствующей арабской цифры, например:

freistellen (sw. V.; hat): **3.** (verhüll.) (*Arbeitskräfte*) *entlassen*. (DU)

Stoff, der; -(e)s, -e 3. **d** /übertr./ (salopp verhüll.) *Rauschgift* (WdG)

Основанием полагать, что в данном случае речь идет о константном характере эвфемистического значения слова, служит тот факт, что соответствующая помета ставится непосредственно после арабских цифр или букв, а не после конкретных примеров.

3. Часто эвфемизмы представлены устойчивыми оборотами речи (в DU они обозначены буквой *R* – *Redewendungen*), а также фразеологизмами (в DU они выделены жирным шрифтом), например:

[dem] Bacchus huldigen (geh. verhüll.; *Wein trinken*) (DU)

R das hast du nicht umsonst getan (ugs. verhüll.; *das zahle ich dir heim*) (DU)

В словаре WdG устойчивые выражения и фразеологические обороты сопровождаются специальными пометами – */bildl./* (*bildlich* – образно) и */übertr./* (*übertragen* – в переносном смысле):

abberufen */bildl./* (geh. verhüll.) *in jene Welt, in die Ewigkeit abberufen werden (sterben)* (WdG);

ausräumen */übertr./* (salopp verhüll.) *jmdm. etw. ausräumen etw. leer stehen, plündern* (WdG)

Полагаем, что перечисленные выше способы постановки исследуемой пометы свидетельствуют о том, что эвфемистическое значение присуще лексической единице (отдельному слову или словосочетанию) постоянно, вне зависимости от контекста.

В английской лексикографической культуре для фиксации эвфемизмов используются разнообразные способы. Для маркирования единиц, использующихся преимущественно только в эвфемистической функции, используется помета *euphemistic*. Данная помета относится к стилистическим пометам (*англ. register label*) и определяется составителями словаря как средство маркирования единиц, относящихся к мягкому, непрямому стилю изложения, использующемуся во избежание прямого упоминания чего-либо неприятного или табуированного.

Так же как и в немецкой лексикографии, в словарях OED и CED данная помета сопровождает как все значение лексической единицы в целом, так и отдельные ее значения в рамках гнезда полисемии, например:

back passage noun *Brit., euphemistic* the rectum (OED)

intimate verb 2. ■ *euphemistic* having sexual relationship (OED)

office noun 14. (usually plural) *British euphemistic* a lavatory (esp. in the phrase *usual offices*) (CED)

Еще один способ фиксации единиц, выполняющих только эвфемистическую функцию и не имеющих никаких других значений, заключается в использовании английской конструкции *used as a euphemism* в качестве пометы. Отметим, что данная конструкция служит преимущественно для маркирования эвфемизмов, относящихся к номинативным областям «Грубые ругательства» и «Обозначения сверхъестественных сил». В этом случае экспликация чаще всего происходит с помощью «социально некорректного выражения» [Бердова 1981, с. 57], например:

ruddy 2. *Brit., informal, dated* used as a euphemism for «bloody» (OED)

tarnation chiefly *N. Amer.* used as a euphemism for «damnation» (OED)

feck *Irish vulgar slang* used as a euphemism for «fuck» (OED)

Таким образом, можем с уверенностью утверждать, что в исследуемых словарях немецкого и английского языков представлены следующие способы маркирования эвфемистических единиц:

– постановка соответствующей пометы после номера значения слова или в зоне фразеологизмов непосредственно перед зоной толкования, что указывает на наличие эвфемистического значения лексической единицы в любых контекстах;

– использование конструкции *used as a euphemism* в английской лексикографии.

Анализ данных помет позволяет говорить о том, что они указывают на константный эвфемистический эффект и являются способом фиксации **реальных эвфемизмов**.

Под **реальными эвфемизмами** в настоящем исследовании понимаются такие единицы, которые закреплены в лексической системе языка и его узусе и которые «воспринимаются таковыми большинством носителей языка вне зависимости от контекста» [Реброва 2015, с. 123].

В целях настоящего исследования важное значение имеет «однозначность их семантики (за ними закреплено, как правило, одно эвфемистическое значение, реализующееся вне зависимости от контекста)» [Там же, с. 123]. На это

указывают как постановка соответствующей пометы непосредственно перед зоной толкования, так и сравнительно небольшое количество иллюстрирующих примеров, что подтверждает тот факт, что нет необходимости в наличии контекста для декодирования эвфемистического значения.

В случае реальных эвфемизмов можно утверждать, что они являются синонимами замещаемых ими слов. Полагаем, что именно при исследовании реальных эвфемизмов целесообразным является широко распространенный субституционный подход, на что, например, указывает используемая в английской лексикографии конструкция *euphemism for* подразумевающая, что конкретная табуированная единица обычно **замещается** другой, более приемлемой.

Таким образом, можем говорить о том, что основная характеристика реальных эвфемизмов заключается в том, что они способны вне зависимости от контекста служить средством номинации предметов или явлений, традиционные наименования которых нежелательны в силу различных причин.

Исследование корпуса зафиксированных эвфемистических единиц показывает, что с точки зрения структурной организации реальные эвфемизмы образованы посредством семантических изменений замещаемой единицы. Прежде всего, это метафоры (*der Schnee*, досл. *снег*, нем. *героин, кокаин*; *pass away*, досл. *уйти*, англ. *умереть*) и метонимии (*sein Leben aushauchen*, досл. *испустить дух*, нем. *умереть*; *to spend a penny*, досл. *потратить пенни*, англ. *идти в туалет*). К реальным эвфемизмам относятся также эвфемизмы, образованные путем искажения звуковой и графической формы замещаемого слова.

Исходя из факта их закреплённости в парадигматической системе языка, а также учитывая, что большая часть подобных эвфемизмов образована посредством процессов метафоризации и метонимизации, считаем логичным предположить, что именно эти единицы представляют особый интерес для лингвокультурологических исследований.

Особого интереса заслуживают эвфемизмы, которые находят лексикографическое отражение в исследуемых словарях, и рассматриваются в

настоящем исследовании как разновидность реальных эвфемизмов. Здесь речь идет об эвфемистических единицах, которые использовались ранее в эвфемистической функции, но сегодня уже не воспринимаются носителями языка как таковые. Это так называемые «древние» эвфемизмы, появившиеся вследствие религиозных табу. В данном случае соответствующая помета входит в состав зоны этимологической информации, которая представлена в словарной статье в квадратных скобках [], располагающихся непосредственно после леммы и зоны грамматической информации, например:

Bär, der; -en, -en [mhd. ber, ahd. bero, eigtl. = der Braune, verhüll. Bez.]

Очевидно, что функциональный статус обозначения *verhüll.* при этом отличается от статуса соответствующей пометы. В данном случае речь, скорее, идет об этимологическом комментарии, маркирующем особую разновидность реальных эвфемизмов. В настоящем исследовании подобные единицы обозначены как **древние эвфемизмы**. Они являются таковыми лишь по своему происхождению, связанному с древними суевериями и верованиями, и представляют собой источник архетипических представлений древних народов об окружающей действительности.

Итак, из всего вышеизложенного можем заключить, что основными **способами лексикографической фиксации реальных**, т.е. закрепленных в языковой системе, **эвфемизмов являются:**

- 1) постановка соответствующей пометы перед зоной толкования основного или одного из переносных значений;
- 2) постановка соответствующей пометы в зоне толкования фразеологизмов и устойчивых выражений;
- 3) использование английской конструкции *used as euphemism for*, свидетельствующей о замещающей функции эвфемизма;
- 4) указание в зоне этимологической информации на то, что изначально слово использовалось в эвфемистической функции.

2.1.2. Способы лексикографической фиксации потенциальных эвфемизмов

Помимо описанных выше способов лексикографической фиксации эвфемистических единиц, обращают на себя внимание также и средства словарной экспликации эвфемизмов, которые позволяют говорить о возникновении эвфемистического эффекта лишь в определенном контексте.

В частности, обнаружено, что используемая в словарях DU и WdG помета *verhüllend* обладает таким свойством, как **подвижность**. Под подвижностью в настоящем исследовании понимается «возможность постановки пометы в разных зонах словарной статьи» [Реброва 2019, с. 64].

Интерес представляет размещение рассматриваемой пометы – *verhüllend* – в зоне примеров или иллюстраций, а не перед зоной толкования, например:

mitnehmen 1. c) die Einbrecher haben nur Schmuck mitgenommen (*verhüll.;* *gestohlen*) (DU)

Как следует из вышеприведенного примера, глагол *mitnehmen* имеет два лексических значения, первое из которых характеризуется несколькими дополнительными оттенками, выделенными с помощью буквенных обозначений *a, b, c, d, e, f* соответственно; при этом заметим, что ни одно из приведенных толкований не связано с совершением преступных действий, в частности, воровства. Однако, значение *1c* (*von einem Ort mit fortnehmen* – *уносить что-либо откуда-либо*) сопровождается следующим примером *die Einbrecher haben nur Schmuck mitgenommen* (*грабители взяли только украшения*), в котором глагол *mitnehmen* приобретает значение *воровать, красть*, реализуя при этом свой эвфемистический потенциал.

Очевидно, подобная семантика обусловлена исключительно контекстом, прежде всего, лингвистическим. В него входят единицы, значение которых непосредственно или косвенно связано с лексико-семантическим полем «Воровство, кража», – это слова *Einbrecher* (*нем.* лица, занимающиеся

воровством) и *Schmuck* (нем. украшения, драгоценности, т.е. то, что обычно подвергается воровству).

Вне этого окружения (при замене субъекта или объекта действия) эвфемистическое значение глагола *mitnehmen* может исчезнуть. Например: *Er hat Schmuck mitgenommen.* – Он (не обязательно грабитель) взял с собой (не обязательно украл) драгоценности; или: *die Einbrecher haben ihre Dinge mitgenommen* (Грабители взяли свои вещи). Притяжательное местоимение *ihre* (свои) указывает на принадлежность данных вещей грабителям и исключает факт воровства.

Таким образом, следует подчеркнуть, что, хотя эвфемистическое значение возникает на основе одного из узуальных значений глагола *mitnehmen* – *брать с собой, забирать*, полная его реализация возможна только в соответствующем лингвистическом контексте, на что и указывает специфическая постановка пометы *verhüll.* Она маркирует как эвфемистическое не все значение в целом, а лишь его реализацию в конкретном контексте.

Аналогичные способы лексикографического маркирования эвфемизмов можно обнаружить и в словаре WdG, например:

Anstalt, die; -, -en 1. öffentliche Einrichtung. b) *Heilstätte*:.. (verhüll.) er ist in die A. (ins Irrenhaus) gebracht worden (WdG)

Как следует из приведенного выше примера, прямое значение слова **Anstalt** (*общественное заведение*), а также его дополнительный оттенок (*лечебное учреждение*) не являются эвфемистическими, что доказывает отсутствие соответствующей пометы в зоне толкования. Однако в определенном контексте значение данной единицы конкретизируется, благодаря чему появляется эвфемистическое значение *сумасшедший дом, лечебница для душевнобольных*. Данное значение становится очевидным благодаря предикату, выражающему семантику принуждения, несамостоятельного действия, в данном случае *gebracht worden sein* (*быть отправленным куда-либо*). Подобное значение не возникнет, если, например, предикат будет выражен глаголом *arbeiten*, ср.: *Er arbeitet in der Anstalt.* В данном случае необходимость в эвфемизации отсутствует, и

рассматриваемая единица может иметь свое прямое значение – *Он работает в учреждении (государственном, образовательном, лечебном).*

В результате анализа словарей английского языка можем сказать, что интерес для исследования представляют специальные метаязыковые средства, призванные описательно указывать на возможности возникновения эвфемистической функции.

В словаре OED к таким метаязыковым средствам относятся конструкции *used euphemistically to refer to smth./ to indicate smth., used in a euphemistic way to refer to smth.*, при этом обращают на себя внимание следующие особенности их использования:

1) экспликация в большинстве случаев осуществляется не с помощью синонима (как в случае с реальными эвфемизмами), а посредством развернутого комментирования, например:

reduced circumstances used euphemistically to refer to the state of being poor after being relatively wealthy (OED)

put smth. to sleep kill an animal, especially an old or badly injured one, painlessly (used euphemistically) (OED);

2) для иллюстрации реализации данного эвфемистического значения в коммуникации составители словаря приводят примеры соответствующих словосочетаний или предложений, что, как правило, отсутствует в словарных статьях, где эвфемизмы маркируются посредством пометы:

slip away ■ die peacefully (used euphemistically):

He lay there and quietly **slipped away** (OED).

Таким образом, как видим, необходимость иллюстрации эвфемистического значения конкретными примерами и постановка пометы в зоне иллюстраций и примеров обусловлена потенциальным характером зафиксированных единиц, эвфемистическая функция которых зависит от определенной дистрибуции. При этом эвфемизации подвергается не отдельная единица, а скорее определенная ситуация, содержание, о чем свидетельствует экспликация не в виде синонима, а посредством развернутого комментирования. Конструкции *used euphemistically to*

refer to smth./ to indicate smth., used in a euphemistic way to refer to smth. фиксируют не только эвфемистическую функцию отдельных слов, но и являются своеобразными маркерами эвфемистической манеры речи в целом. Это дает основания для выделения **потенциальных эвфемизмов**.

Потенциальными в настоящем исследовании обозначены такие эвфемистические единицы, которые достаточно регулярно воспроизводятся в процессе коммуникации, однако правильное их декодирование и интерпретация определяются сугубо контекстом, что и подтверждает анализ структуры словарных статей.

Отличительной особенностью потенциальных эвфемизмов является их способность одновременно соотноситься с несколькими стигматичными наименованиями. Прежде всего, это справедливо по отношению к «единицам, характеризующимся так называемой «диффузной» семантикой; это местоимения, слова с неопределенной семантикой, гиперонимы» [Реброва 2015, с. 123]. Так, глагол *treiben* (нем. *делать, заниматься чем-либо*) выполняет функцию эвфемизма лишь в конкретном контексте. Анализ словарных статей демонстрирует, что в различной дистрибуции данная лексическая единица может приобретать такие эвфемистические значения, как *умирать* и *заниматься сексом*:

treiben II 2. /bezeichnet ein bestimmtes Tun, Handeln/ (hat) a) ... (verhüll.) es geht ihm sehr schlecht, er wird es sicher nicht mehr lange t. (*wird bald sterben*) (WdG)

treiben 11. es [mit jmdm.] t. (verhüll.; [mit jmdm.] *geschlechtlich verkehren*) (DU)

Как следует из приведенных примеров, эвфемистическое значение данного глагола становится очевидным благодаря сопровождающим его словам. Так, в сочетании с конструкцией *mit jmdm.* этот глагол приобретает значение *иметь половые отношения с кем-либо*, в то время как в сочетании с единицами, имеющими семантику *плохо, не долго, болеть* у данного глагола появляется значение *умереть*. В то же время, очевидно, что глагол *treiben* не является синонимом упомянутых выше табуированных единиц.

Благодаря своей тесной обусловленности контекстом потенциальные эвфемизмы нерегулярно фиксируются в лексикографических источниках, что

подтверждает, например, отсутствие соответствующей пометы и комментария в словарях OED и CED в аналогичных словарных статьях к глаголу *do* (англ. *делать*), несмотря на то, что в полисемическом гнезде указаны значения, имеющие потенциальный эвфемистический оттенок:

do 32. (transitive) taboo , slang (of a male) to have sexual intercourse with (CED)

Итак, лексикографическими средствами маркирования потенциальных эвфемизмов являются:

1) размещение рассматриваемой пометы в зоне примеров или иллюстраций (после конкретного словосочетания или предложения, а не непосредственно перед зоной толкования одного из лексических значений вокабулы);

2) указание на эвфемистический характер словоупотребления посредством метаязыковых средств с помощью конструкций *used euphemistically to refer to smth./ to indicate smth., used in a euphemistic way to refer to smth.*

Анализ выбора средств маркирования эвфемизмов в толковых словарях позволяет сделать вывод о том, что специфическая обусловленность эвфемистических единиц контекстом требует максимально гибкого механизма их лексикографической фиксации. Многообразие способов маркирования эвфемизмов (использование различных помет; разнообразные варианты расположения пометы в рамках словарной статьи; использование соответствующих комментариев в зоне толкования вокабулы) коррелирует с дифференциацией эвфемизмов на *реальные* и *потенциальные*. Примеры единиц обоих видов представлены в Приложении А настоящей работы.

Анализ лексикографической практики описания эвфемизмов в исследуемых источниках демонстрирует, с одной стороны, возможность фиксации в толковых словарях как реальных, так и потенциальных эвфемизмов (традиционно считается, что лишь «языковые», реальные эвфемизмы подвергаются лексикографической фиксации), с другой стороны, свидетельствует о необходимости разработки более стандартизованного лексикографического аппарата для адекватного описания эвфемистических единиц.

Немаловажное значение при исследовании аспектов лексикографического описания эвфемизмов имеет анализ их словарной экспликации. Разнообразие средств семантизации эвфемизмов (использование не только стигматичных синонимов или синонимичных словосочетаний, но и развернутых комментариев) доказывает нецелесообразность понимания под эвфемизмами исключительно синонимов замещаемых слов.

2.2. Лексикографическая фиксация эвфемизмов как способ репрезентации морально-этических ценностей в англо- и немецкоязычной лингвокультурах

Статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации во многом обусловлен их способностью аккумулировать систему этических представлений нации о таких релевантных для каждого члена общества аспектах человеческой жизни, как смерть, любовные отношения, рождение ребенка, физиология и пр. Эвфемистические единицы являются средством экспликации толерантного или, напротив, нетерпимого отношения социума к таким порокам, как алкоголизм, наркомания, воровство и т.д. Набор данных представлений составляет часть системы культурных ценностей нации.

Наличие эвфемистических единиц в словарном составе всех современных языков позволяет рассматривать их как универсальный языковой феномен. Однако количественный и семантический анализ зафиксированных в лексикографических источниках эвфемизмов демонстрирует неодинаковую степень актуальности номинативных областей эвфемизации в различных лингвокультурах. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, это особенности лексикографической концепции словаря, не позволяющие фиксировать большую часть потенциальных эвфемизмов, относящихся к номинативным областям «Политические проблемы и военные действия», а также «Социально-экономические проблемы». Во-вторых, с развитием социума на определенном этапе появляются новые номинативные области эвфемизации, в то время как

другие теряют свою актуальность. Кроме того, важнейшую роль при формировании и экспликации моральных и культурных ценностей играют ментальные особенности нации.

Таким образом, как уже отмечалось выше, эвфемизмы являются языковым средством выражения системы культурных ценностей, которые могут носить как универсальный, так и специфический для каждой лингвокультуры характер. На основе данного критерия, а также количественного соотношения, все отобранные из исследуемых лексикографических источников методом сплошной выборки эвфемистические единицы в настоящей работе классифицированы на **общекультурные и культурно-специфические**.

2.2.1. Номинативные области общекультурных эвфемизмов

Под **общекультурными** в настоящем исследовании понимаются эвфемизмы, номинативные области которых представлены в обеих исследуемых англо- и немецкоязычной лингвокультурах. Это такие традиционно актуальные для человеческого сознания темы, как смерть, интимная жизнь, физиология человеческого тела и пр. Однако, несмотря на идентичную семантику данных областей, формирование каждой из них в количественном и качественном отношении обусловлено специфическими чертами национального менталитета и, как следствие, их реализацией в языковом плане. Рассмотрим репрезентацию в исследуемых лексикографических источниках каждой из данных номинативных областей эвфемистических единиц с точки зрения отражения в них системы морально-этических ценностей рассматриваемых лингвокультур.

1. Смерть. Смертельные заболевания

Понятие смерти традиционно считается табуированным и нуждается в эвфемизации. Общекультурный характер данной номинативной области обусловлен неизбежностью данного явления в жизни каждого человека. Мотивационной основой табуирования понятий данной области являются входящие в структуру лексического значения конвенциональных наименований

стигматичные семы «страшный, неизбежный, опасный для жизни». Однако способы их языковой редукции в эвфемистических единицах, отражающие восприятие смерти, появление различных эмоциональных оттенков (страх перед собственной смертью, чувство утраты, вызванное смертью близких, отрицание смерти, смирение перед ней), сопровождающих номинации данной области, объясняется особенностями национального культурного самосознания народа, являющегося основой его ментальности.

Исследование данной области эвфемизации в английской и немецкой лингвокультурах позволяет говорить о сходствах и различиях, обусловленных историческим и культурным развитием этих народов, их религиозными, социальными и нравственно-этическими установками.

Во-первых, количественный анализ репрезентации данной номинативной области позволяет говорить о неодинаковой степени фиксации соответствующих эвфемизмов в исследуемых лексикографических источниках. В словарях немецкого языка насчитывается 212 единиц эвфемистических наименований данной группы (38% от общего количества), в то время как результаты исследования словарей OED и CED позволяют говорить о менее развернутой системе эвфемизмов этой области в английском языке. Об этом свидетельствует меньшее по сравнению с немецким языком количество зафиксированных единиц – всего 55, что составляет около 13% от общего количества.

Во-вторых, обращает на себя внимание различная семантическая организация данной номинативной области в рассматриваемых языках. Основу наименований составляют единицы со значением «умирать», «смерть», «умерший». Редукция стигматичных сем в обеих исследуемых лингвокультурах чаще всего происходит посредством перемещения в центр значения нейтральных сем «уход, переход в другое состояние», что объясняется общей для европейской религии и культуры верой «в посмертное существование и концепцию загробного странствия души» [Парахневич 2005, с. 141-142], при этом подчеркивается естественный характер смерти, смерть рассматривается как продолжение жизненного пути:

go 2. ■ *die* (used euphemistically):

I'd like to see my grandchildren before I go (OED)

departed *euphemistic* a) *dead, deceased* (CED)

pass away *euphemistic die: she passed away in her sleep* (OED)

dahingehen 3. (verhüll.) *sterben: er ist früh dahingegangen* (DU)

davongehen Ü *sie ist für immer davongegangen* (geh. verhüll., *gestorben*) (DU)

hinfahren 4. (veralt. verhüll.) *sterben* (WdG)

Однако, отметим, что в английской лингвокультуре эвфемизмы описывают смерть как нейтральное, не вызывающее сильных эмоций явление, что, в частности, подтверждается отсутствием соответствующих сопутствующих помет (см. п. 2.4.). Иными словами, у англичан «отношение к смерти имеет, скорее, этический характер, чем эмоциональный» [Яшин 2009, с. 176], смерть в английской лингвокультуре рассматривается исключительно как окончательный и неизбежный процесс, разделение тела и души, переход в бесконечность:

eternity ■ *used euphemistically to refer to death: he could have crashed the car and taken them both to eternity* (OED)

Напротив, в немецкой лингвокультуре наблюдается тенденция преодоления страха смерти путем ее идеализации, которая проявляется в понимании смерти как избавлении от мирских проблем, страданий и болезней; более того, в отличие от английской лингвокультуры, в которой смерть рассматривается как абстрактный переход из одного состояния в другое, немцы считают смерть «возвращением домой»:

auskämpfen 3. ***ausgekämpft haben** (verhüll.; [nach schwerem Leiden] *gestorben sein*) (DU)

ausleiden (geh. verhüll.) */heute nur noch in der Form/ ausgelitten haben* (*gestorben sein*) (WdG)

heimholen Ü *Gott hat ihn heimgeholt* (verhüll.; *er ist gestorben*) (DU)

der Heimgang (geh. verhüll.): (*als Ausdruck christlicher Einstellung*) *Tod: der H. der Mutter* (DU)

Попытка примириться со смертью проявляется в ее персонификации, при этом отметим, что немцы отождествляют ее с другом, близким человеком, родственником:

der Freund 1. ***F. Hein** (verhüll.; *der Tod*; bes. durch M. Claudius bekannt gewordene Tabubez.; Hein = niederd. Kurzf. von Heinrich) (DU)

Gevatter, der 2. *Verwandter, Freund, Nachbar* (verhüll.) G. Tod (WdG)

Важное влияние на формирование эвфемистического состава данной номинативной области оказало историческое развитие страны, участие ее в многочисленных войнах, в том числе в качестве инициатора двух мировых войн. Это обусловило необходимость эвфемизации смерти на поле битвы:

Feld, das 4. /ohne Pl./ *Kriegsschauplatz, Schlachtfeld* (geh. verhüll.) er ist auf dem F. der Ehre (*als Soldat, im Kampf*) gefallen; den Tod auf dem F. der Ehre finden (WdG)

der Feind 2.c) ***vor dem F. bleiben** (verhüll.; *im Krieg fallen*) (DU)

Тот факт, что в немецком менталитете большее внимание уделяется «культуре» смерти, находит подтверждение в лексикографической фиксации эвфемизмов, обозначающих процессы, сопутствующие смерти, например, похороны:

das Geleit ***jmdn. das letzte G. geben** (verhüll.; *an jmds. [feierlichen] Beerdigung teilnehmen*) (DU)

die Ruhe 2. ***jmdn. zur letzten R. betten/geleiten** (verhüll.; *jmdn. beerdigen/an jmds. Beerdigung teilnehmen*) (DU)

Таким образом, приходим к заключению, что, судя по количественному и семантическому анализу, номинативная область смерти и коррелирующих с нею понятий и процессов по-разному подвергается эвфемизации в исследуемых лингвокультурах. В немецком языке наблюдается повышенное внимание к данному понятию, выражающееся в более эмоциональном отношении к смерти. Введение в структуру значения эвфемистических наименований таких сем, как «дом», «облегчение», «друг», «родственник» и пр. позволяет придать этому отрицательному явлению положительное значение на аксиологической шкале,

редуцирует стигматичные семы конвенциональных наименований и служит психологическим средством нивелирования отрицательных эмоций, что можно рассматривать как одну из особенностей немецкой лингвокультуры.

2. Личная жизнь

И английская, и немецкая лингвокультуры могут быть охарактеризованы как «индивидуалистические», т.е. такие, «в которых не принято вмешиваться в дела других, нарушать межперсональную дистанцию и коммуникативную неприкосновенность, пренебрегать автономией собеседника» [Газизов 2011, с. 441]. Исследователями неоднократно отмечается факт достаточно сдержанного отношения англичан к любым упоминаниям о личной жизни, а также к знакам демонстрации межличностных отношений в обществе (см. работу А. В. Павловской).

Это дает основания утверждать, что такие стигматичные семы, как «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз» будут особенно релевантны для рассматриваемых лингвокультур, в связи с чем номинативная область «Личная жизнь» является одной из наиболее табуированных и, следовательно, наиболее продуктивной для образования эвфемизмов в исследуемых лингвокультурах, что подтверждает корпус отобранных эвфемистических единиц с соответствующей семантикой.

Анализ данных наименований демонстрирует, что в количественном и качественном отношении эвфемистический вокабуляр с семантикой «Личная жизнь» идентичен в обеих исследуемых лингвокультурах. В немецких лексикографических источниках зафиксировано 106 подобных лексических единиц, что составляет 19% от общего количества. В словарях английского языка подобных эвфемизмов несколько меньше, – 76 единиц, что составляет 18% от общего количества.

Важно отметить, что об универсальности стереотипного представления данной номинативной области в обеих рассматриваемых лингвокультурах свидетельствуют схожие темы эвфемизации и семантические модели, лежащие в основе образования эвфемистического эффекта.

Часть эвфемистических наименований в исследуемых источниках составляют лексические и фразеологические единицы с общим значением «иметь с кем-либо половые отношения»:

der Intimverkehr (verhüll.): *Geschlechtsverkehr* (DU)

das Intimleben (verhüll.): *Sexualleben* (DU)

intimacy ■ *euphemistic sexual intercourse* (OED)

intimate 2. ■ *euphemistic having a sexual relationship: he was sickened by the thought of others having been intimate with her* (OED)

Однако большую часть наименований данной области составляют единицы с семантикой, указывающей на интимные отношения, выходящие за рамки морально-этических представлений о данной сфере человеческой жизни. На близость морально-этических установок в сфере половых отношений влияет, в частности, религиозный фактор. По сей день христианство нетерпимо относится к внебрачным интимным отношениям и их последствиям, вследствие чего эвфемизации подвергаются внебрачные и добрачные отношения и их последствия (беременность), занятия проституцией, противоестественные формы сексуального общения. Полагаем, что в этом случае к упомянутым выше стигматичным семам «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз» добавляются семы «неблагополучный, грешный».

При эвфемизации интимных отношений вне брака речь идет как о самих отношениях, так и об их участниках, при этом стигматичные семы вытесняются семами «товарищ, знакомый»:

Bekannte, der (umg. verhüll.) sie ging mit ihrem Bekannten (*Freund*) spazieren (WdG)

playmate 2. used euphemistically to refer to a person's lover (OED)

В некоторых случаях экспликация неодобрительного отношения носителей языка на секс вне брака содержится в иллюстрирующих примерах. Так в словарных статьях *der Verkehr* и *verkehren* (досл. *общение, общаться* в м. *иметь интимные отношения*) в зоне иллюстраций и примеров приводятся словосочетания со значением *внебрачные/ добрачные отношения*, а также

интимные отношения с несколькими партнерами одновременно, что еще раз доказывает неприемлемость подобного поведения как в английской, так и в немецкой лингвокультурах:

der Verkehr 2. b) (verhüll.) *Geschlechtsverkehr*: vorehelicher, außerehelicher V.; V. [mit jmdm.] haben (OED)

verkehren 2.c) (verhüll.) *Geschlechtsverkehr mit jmdm. haben*: sie hatte in dieser Zeit mit mehreren Männern verkehrt (OED)

Эвфемизации в обеих лингвокультурах также подвергаются наименования последствий сексуальных отношений, прежде всего, это беременность вне брака. Вместо стигматичных сем в эвфемистических наименованиях появляется сема «любовь», «радость», например:

love child *euphemistic* an illegitimate child; bastard (CED)

Kind, das 2. *Abkömmling, Nachkomme*: (verhüll.) ein K. der Liebe (*uneheliches Kind*) (WdG)

В то же время, отметим, что в данной номинативной области присутствуют наименования, указывающие на беременность вообще, а не только вне брака. Полагаем, это связано именно со спецификой индивидуалистической культуры, для которой нехарактерно открытое обсуждение подробностей личной жизни индивида:

der Umstand 1. * **in andere Umstände kommen** (verhüll.; *schwanger werden*) (DU)

interesting Phrases **in an interesting position** *euphemistic* (of a woman) pregnant (OED)

В немецких словарях зафиксированы также эвфемистические наименования лиц, избавляющих от нежелательной беременности (преимущественно нелегально), что в очередной раз подтверждает табуированность в немецком обществе данного понятия:

die Engelmacherin (verhüll.): *Frau, oft Hebamme, die illegale Abtreibungen vornimmt* (DU)

Следующую, достаточно масштабную подгруппу данной номинативной области составляют наименования лиц, занимающихся проституцией, что также порицается в исследуемых лингвокультурах. При этом опять обращает на себя внимание идентичность семантических механизмов, с помощью которых происходит редукция стигматичных сем в эвфемистических номинациях – на первый план выходят семы «работа», «ремесло»; вместо слова *проститутка* используются наименования других профессий, которые, как можно предположить, вызывают у большинства носителей языка логические ассоциации с проституцией:

escort ■ *euphemistic a prostitute* (OED)

working girl 2. *informal euphemistic a prostitute* (CED)

das Gewerbe 1. * **das älteste G. der Welt** (verhüll.; *die Prostitution*) (DU)

das Modell 2. d) (verhüll.) *Prostituierte* (DU)

Также эвфемизированными являются наименования лиц, способствующих занятиям проституцией и наименования мест, где происходят занятия проституцией:

der Beschützer 3. (verhüll.) *Zuhälter* (DU)

massage parlour ■ *euphemistic a brothel* (OED)

В рассмотренных лексикографических источниках зафиксированы также единицы, демонстрирующие неодобрительное отношение носителей немецкого и английского языков к противоестественным видам интимных отношений (например, гомосексуализм):

way Phrases **That way** used euphemistically to indicate that someone is homosexual: *he was a bit that way*. (OED)

andersherum 2. (verhüll.) *homosexuell* (DU)

Как видим, на то, что подобные отношения воспринимаются как чуждые, противоестественные, указывают идентичные в приведенных примерах семы «другой», «тот».

В немецких словарях зафиксированы эвфемизмы, связанные не только непосредственно с интимными отношениями, но и с номинациями платонических

отношений, симпатий и пр., что также соответствует индивидуалистической культуре и способствует тактичному обсуждению такого рода отношений:

gleichgültig 2. sie ist ihm nicht g. (verhüll.; *sie bedeutet ihm etwas, gefällt ihm*)

В последние годы в средствах массовой информации и культуре (литературе, кинематографе и пр.) все чаще затрагивается тема половых извращений (например, садомазохизм). Современные лексикографические источники реагируют на эти социокультурные изменения и вносят соответствующие языковые единицы в словник. Негативное отношение общества к подобного рода явлениям подтверждается в маркировании соответствующей пометой наименований таких отношений и лиц в них участвующих:

devot c) (verhüll.) *bereit, zur Steigerung des Lustgewinns sadistische Handlungen an sich vornehmen zu lassen* (DU)

die Herrin 3. (verhüll.): *Domina* (DU)

Таким образом, анализ лексикографических источников позволяет рассматривать сферу интимных отношений как общекультурную номинативную область эвфемизации в английском и немецком языках. Английская и немецкая лингвокультуры демонстрируют негативное отношению к внебрачным связям, проституции, нетрадиционным формам сексуальных отношений, что подтверждается схожим по семантике корпусом эвфемистических наименований и свидетельствует о единых морально-этических ценностях и стереотипах данных лингвокультур.

3. Физиология человека

Данная номинативная область включает в себя эвфемистические наименования понятий, связанных с человеческой физиологией. В нее входят 72 единицы немецкого языка, что составляет 13% от общего количества эвфемизмов, и 110 единиц английского языка, что составляет 26% соответственно.

Как следует из количественного соотношения, данную область также можно считать общекультурной. Она охватывает такие темы, как естественные выделения человеческого организма, наименования половых органов, ягодиц, женской груди. Будучи связанными с личной жизнью человека, данные понятия и

процессы подвергаются эвфемизации в таких индивидуалистических культурах, как английская и немецкая, следовательно, в данном случае речь идет о «разграничении личного и общественного, о замещении конвенциональных наименований, использование которых вызывает чувства стыда, стеснения или отвращения» [Реброва 2014, с. 178]. Общими для данной номинативной области являются стигматичные семы «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз».

Наибольшее количество зафиксированных в исследуемых словарях эвфемистических единиц данной области используется для номинации процессов отправления естественных нужд и имеет такие значения, как «хотеть в туалет», «сходить в туалет», «естественные испражнения». При этом в обеих лингвокультурах в основе некоторых эвфемистических наименований лежат семы «природа», «естественность», «облегчение», «комфорт»:

comfort station *N.Amer., euphemistic* a public toilet (OED)

relieve 5. (**relieve oneself**) used as a formal or euphemistic expression for urination or defecation (OED)

nature Phrases **the call of nature** used euphemistically to refer to a need to urinate or defecate (CED)

erleichtern 1. *etw. leichter machen* (umg. scherzh. verhüll.) sich e. *die Notdurft verrichten* (WdG)

rühren 4. ***ein menschliches Rühren verspüren** (verhüll.; *den Drang verspüren, seine Notdurft zu verrichten*) (DU)

В то же время, наблюдаются и некоторые различия в семантической организации данных наименований в рассматриваемых лингвокультурах. Так, в английском языке преобладают номинации со значением «работа», «дело», туалет при этом сравнивается с офисом, служебным помещением, гардеробом, т.е. различными местами работы:

job Phrases **big jobs** a euphemistic way of referring to defecation (OED)

office 5. ■ (**usual offices**) *euphemistic* a toilet (OED)

cloakroom 2. (British) a euphemistic word for lavatory (CED)

В немецкой лингвокультуре при эвфемистическом описании туалета на первое место выходят такие семы, как «укромный», «тихий», «спрятаться»:

Ort, der e (umg. verhüll.) der gewisse, stille, verschwiegene O. (*Toilette, Örtchen*) (WdG)

verschwinden a ich muss mal v. (verhüll.; *auf die Toilette gehen*) (DU)

verschwiegen b einen –en Ort (verhüll.; *die Toilette*) aufsuchen (DU)

В тоже время, в отличие от английской лингвокультуры, где описание данной темы осуществляется достаточно нейтрально, в немецком языке для ее экспликации нередко используются шуточные или грубоватые выражения:

Kaiser, der (umg. verhüllend scherzh.) ich gehe dorthin, wo (selbst) der K. zu Fuß hingeht (*ich gehe auf die Toilette*) (WdG)

der Haufen 1. einen [großen, kleinen] H. machen (verhüll.; *seinen Darm entleeren*) (DU)

Таким образом, в английской лингвокультуре туалет эвфемистически описывается как нечто естественное, заурядное, повседневное, ассоциирующееся с будничной работой. В немецкой же лингвокультуре данная область рассматривается как глубоко личная, интимная. В то же время, можно предположить, что характерной особенностью немецкого языка является экспликация табуированных понятий через их шуточное, а иногда и грубоватое описание.

Аналогичная закономерность наблюдается и в процессе эвфемизации интимных частей тела (половых органов, ягодиц, груди). В основе процесса эвфемизации данных понятий лежат схожие когнитивные и, следовательно, семантические модели. Например, интимные части тела описываются посредством указания на их местоположение (внизу, сзади), ассоциативные связи и эмоции, которые они вызывают (стыд, ассоциации с мужественностью, чем-то сокровенным и пр.):

manhood 4. *informal, humorous* a euphemism for man's genitalia (CED)

nether regions 2. (**one's nether regions**) *euphemistic* one's genitals and bottom (OED)

back passage *euphemistic* the rectum (OED)

hinten h. (verhüll.; *am Gesäß*) ein Geschwür haben (DU)

Rücken, der 1. *Rückseite des menschlichen Körpers zwischen Nacken und Becken* (umg. verhüll. scherzh.) der verlängerte R. (*Gesäß*) (WdG)

die Männlichkeit 2.b) (verhüll.): *männliche Geschlechtsteile* (DU)

die Scham 4. (verhüll.) *Schamgegend*: [sich] die Scham bedecken (DU)

В то же время, отметим, что в немецкой лингвокультуре имеются эвфемизмы, описывающие данные понятия путем шутливых сравнений и оборотов. Так, например, ягодицы носят ироничное наименование *самое ценное*; половой член в немецкой лингвокультуре сравнивается с *пальцем*, а женская грудь с *яблоками*:

Allerwertest (umg. verhüll. scherzh.) der Allerwerteste *Gesäß*: sich auf seinen Allerwertesten setzen (*sich hinsetzen; hinfallen*) (WdG)

der Apfel 3. (verhüll.) *Brüste* (DU)

der Finger 1. ***der elfte F.** (verhüll.; *Penis*) (DU)

В данную группу эвфемистических наименований также входят единицы, обозначающие женские менструальные выделения:

der Tag 2. d) (verhüll.) [*Tage der*] *Menstruation*: sie hat ihre –e. (DU)

Таким образом, несмотря на то, что данная номинативная область эвфемизации является общекультурной, т.е. универсальной для обеих лингвокультур, ее семантическая структура не позволяет говорить о тождественном отношении данных лингвокультур к описываемым понятиям. Так, для английской лингвокультуры характерно достаточно сдержанное, менее эмоциональное эвфемистическое описание человеческой физиологии. Немецкая же лингвокультура отличается более личностным, персонализированным и эмоциональным представлением данной номинативной области. Неприятные эмоции (стыд, смущение и др.) нейтрализуются благодаря шутливому и ироничному описанию рассматриваемых понятий.

4. Заболевания. Недостатки во внешности

К данной номинативной области в настоящем исследовании относятся единицы, обозначающие наступление старости, заболевания, недостатки в человеческой внешности (например, лишний вес).

Анализ лексикографических источников демонстрирует незначительную степень фиксации данных наименований – 26 единиц в словарях DU и WdG (3%) и 4 единицы в словарях OED и CED (1%). Полагаем, данный факт обусловлен как системами морально-этических ценностей английского и немецкого социумов, так и лексикографическими концепциями анализируемых источников.

В основе конвенциональных наименований данной номинативной области лежат различные стигматичные семы.

Табуированность понятия «старость» может быть объяснена страхом перед приближающейся смертью, немощью и утратой жизненных сил. Однако сегодня старость это не только биологическое, а в первую очередь социальное явление. Таким образом, можем сказать, что в основе конвенциональных наименований с этим значением лежат две группы стигматичных сем – «страшный, неизбежный, опасный для жизни» и «неблагополучный».

Во многом положительное или негативное отношение к данному феномену, его положение на аксиологической шкале формируется на основе уровня социальной обеспеченности пожилых людей. Так, согласно опросам в немецкой лингвокультуре, пожилой возраст рассматривается как «приятный период, когда у них появляется больше свободного времени» [Блинова 2009, с. 131]. Очевидно, что в этом случае «для немецкой лингвокультуры старость не позиционируется как что-то неприятное, страшное» [Там же, с. 131] и, следовательно, не нуждается в эвфемизации именно в силу вышеуказанных социально-экономических причин. Полагаем, подобное утверждение справедливо и в отношении английской лингвокультуры. Так, Е. В. Шляхтина, справедливо отмечает, что в русских текстах рекламного характера используется большее количество эвфемизмов, связанных с проблемами старения, нежели в аналогичных англоязычных текстах [Шляхтина 2019, с. 55].

В результате проведенного анализа выявлено только 7 единиц, объединенных интегральной семьей «зрелость», «опыт», например:

der Jahrgang a) die reiferen Jahrgänge (verhüll.; *die älteren Menschen*) (DU)

das Jahr *in die –e kommen (verhüll.; *älter, alt werden*) (DU)

golden ager *euphemistic* an old person (OED)

mature 1. ■ used euphemistically to describe someone middle-aged or old: *Miss Walker was a mature lady when she married* (OED)

Также в немецких лексикографических источниках зафиксированы единицы, обозначающие определенные недостатки во внешности (лишний вес, мелкие дефекты внешности):

beleibt b) (verhüll.) *dick* (DU)

Bauch, der a) verhüll. ein Bäuchlein] (*einen dicken Bauch*); einen B. ansetzen, kriegen (*einen dicken Bauch bekommen*) (WdG)

Embonpoint, das, auch der /ohne Pl./ (franz. geh. verhüll.) *rundlicher Bauch*, *Schmerbauch*: ein E. ansetzen (WdG)

mollig 1. sie ist m. (verhüll.; *dick*) geworden (DU)

stark c) verhüll. *beleibt*: er, sie ist s. geworden; eine s. Dame (WdG)

das Esszimmer 2.b) (verhüll.). [*künstliches*] *Gebiss* (DU)

Показательным является то, что в немецких лексикографических источниках практически отсутствуют эвфемизмы, служащие для обозначения тяжелых заболеваний и серьезных нарушений здоровья, зафиксирована лишь одна эвфемистическая единица со значением «глухота»:

der Hörfehler 2. (verhüll.): *Schwerhörigkeit*: einen H. haben (*schwerhörig sein*) (DU)

Для английского языка при обозначении подобных понятий характерно использование универсальных эвфемизмов, не называющих суть заболевания, а лишь указывающих на существующие у человека проблемы со здоровьем, вне зависимости от того, какой характер они имеют – ментальный или физический:

challenged - used euphemistically to indicate that someone suffers disability in a specified respect: *my experience of being physically challenged* (OED)

issue - use of the term is a euphemistic way of avoiding the word **problem**, seen as negative and stigmatizing (OED)

Номинативная область «Заболевания. Недостатки во внешности» рассматривается в настоящем исследовании как общекультурная, универсальная, поскольку в исследуемых лингвокультурах не принято указывать на дефекты во внешности или заболевания; кроме того, в обеих лингвокультурах наблюдается позитивная репрезентация понятия «старость», что выражается в наличии незначительного количества эвфемизмов соответствующей тематики. В то же время, эвфемизации подвергаются различные аспекты. Так, в немецкой лингвокультуре представлены эвфемизмы со значением *полный*, не зафиксированные в английских лексикографических источниках. Полагаем, это связано с проявлением таких национальных черт немецкой ментальности, как любовь к аккуратности и чистоплотности – вероятно, полнота расценивается как нечто небрежное, противоречащее стереотипным представлениям немцев и, следовательно, нуждающееся в эвфемизации.

Кроме того, отсутствие в исследуемых источниках эвфемистических наименований серьезных заболеваний (*Tumor (рак)*, *Hepatitis (гепатит)*, *Gonorrhöe (гонорея)*, *Hämorrhoiden (геморрой)* и пр.) обусловлено потенциальным характером данных наименований. Отметим, что эвфемистическая функция подобных наименований вторична и реализуется лишь при определенных экстралингвистических условиях, что затрудняет ее закрепление в парадигматической системе языка и, следовательно, лексикографическую фиксацию.

5. Грубые ругательства

Как следует из проведенного количественного анализа, понимание эвфемизма как слова или выражения, замещающего грубое ругательство, характерно для лексикографических концепций всех исследуемых словарей.

Данная номинативная область включает 16 эвфемизмов немецкого языка (3% от общего количества) и 108 эвфемистических единиц английского языка (25% от общего количества эвфемизмов).

Основанием для выделения этой группы эвфемизмов послужила не столько семантика анализируемых единиц, сколько их функциональная направленность. Несмотря на тот факт, что некоторые подвергающиеся эвфемизации единицы как английского, так и немецкого языков связаны семантически (в своем прямом значении они чаще всего являются наименованиями понятий, связанных с физиологией человека и, следовательно, в структуру их значения входят семы «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз»), прежде всего, необходимо отметить их функционально-стилистическое сходство.

Большая часть соответствующей табуированной лексики имеет сниженную функционально-стилистическую окраску и отрицательную коннотативность, в связи с чем используется с целью оскорбления и унижения собеседников или третьих лиц.

Замещающие их единицы являются эвфемистическими, поскольку в их структуре отсутствует грубая нецензурная лексика, вместо которой используются созвучные, но нейтральные по своей окраске слова:

das Armloch 2. (verhüll.) *Arschloch* (DU)

Scheibenhonig, der salopp **b**) derb verhüll. /in *Verwünschungen, Flüchen als Ausdruck starker Enttäuschung/* so ein S. (*Mist*)! (WdG)

bescheiden 3. (verhüll.) *sehr schlecht, unerfreulich*: Mensch, ist das ein –es Wetter! (DU)

basket 3. euphemism for **bastard** (OED)

blessed 6. a euphemistic word for **damned**. *I'm blessed if I know* (CED)

eff 1. Euphemism for **fuck** *eff off* (CED)

Однако в контексте определенной коммуникативной ситуации данные эвфемистические слова и выражения, хотя и служат для смягчения грубого смысла, также обладают инвективной функцией, о чем свидетельствует помета *salopp* («фам.»), *vulgar slang* («вульг. сленг») у ряда эвфемистических единиц данной области.

Обращает на себя внимание тот факт, что в основе некоторых эвфемизмов данной функционально-семантической группы лежит суеверное табу на упоминание бога и черта:

heck Origin late 19th cent. (originally northern English dialect): euphemistic alteration of **hell** (OED)

Следует обратить внимание на то, что, несмотря на свою семантическую направленность, данные единицы в настоящей работе классифицированы как заместители ругательств в силу своей функциональной характеристики, обозначенной, в частности, составителями OED:

Deuce used as a euphemism for “devil” in expressions of annoyance, impatience, surprise, etc: *How the deuce are we to make a profit?/ What the deuce are you trying to do?* (OED)

Ряд единиц английского языка, относящихся к данной функционально-семантической группе, могут использоваться для замещения не конкретной обценной лексики, а любого ругательства, т.е. функционируют как универсальные эвфемизмы:

blank 4. used euphemistically in place of an adjective regarded as obscene, profane or abusive: *show the miserable blank-blank Englishmen how to fight this war* (OED)

blankety (also **blankety-blank**) *informal* used euphemistically to replace a word considered obscene or taboo: *it's time to ditch the blankety-blank tax code* (OED)

Как отмечалось в первой главе настоящей работы, слова и выражения, замещающие обценную лексику, вряд ли могут расцениваться как эвфемизмы, в силу того что, во-первых, им свойственна сниженная стилистическая окраска, а во-вторых, вследствие ограниченности параметров общения, при которых они могут использоваться (бытовое, неформальное общение). В связи с этим, фиксирование подобных единиц как эвфемистических свидетельствует о достаточно широкой концепции исследуемых словарей относительно самого понятия «эвфемизм».

6. Наименования сверхъестественных сил. Древние эвфемизмы

Данную группу эвфемизмов образуют 28 наименований немецкого языка, что составляет 5% от общего количества и 35 наименований английского языка, что составляет 8% от общего количества.

Специфической характеристикой наименований данной номинативной области является то, что сегодня они практически не воспринимаются как эвфемистические. Это единицы со значением «бог», «черт», «ад», а также наименования некоторых животных, вызывавших страх у первобытных народов и нуждающихся в эвфемизации:

der Gehörnte 2. (verhüll.): *Teufel* (DU)

die Herrschaft 4. * **H. [noch mal]!** (Ausruf des Unwillens; verhüll. für Herrgott) (DU)

je [verhüll.; gek. aus dem Namen Jesu] drückt Bedauern od. Erschrecken aus: o je!; ach je, wie schade! (DU)

der Leibhaftige (verhüll.): *Teufel* (DU)

cripes used as a euphemism for Christ (OED)

gad Origin late 15th cent.: euphemistic alteration of **God** (OED)

gosh used as a euphemism for “God”: *a gosh-awful team* (CED)

gum Origin early 19th cent.: euphemistic alteration of *God* (CED)

der Fuchs [=der Geschwänzte, wohl verhüll. Bez.] (DU)

bear orig. euphemism for taboo name prob. seen in L. *ursus* (CED)

Несмотря на различную семантику, общая мотивационная основа появления данных наименований была обусловлена религиозными мотивами и суеверным страхом перед сверхъестественными силами и дикими животными. Исходя из этого можно предположить, что в antecedentные наименования данной области входили стигматичные семы «страшный, неизбежный, опасный для жизни».

На стертый характер эвфемистической функции подобных единиц указывает тот факт, что информация о ней, как правило, размещена в зоне этимологического комментария. Таким образом, эвфемизмы данной группы могут расцениваться как эвфемизмы «по происхождению».

Закрепленность данных эвфемистических наименований в лексических системах исследуемых языков свидетельствует о схожих религиозных верованиях и суевериях древних народов.

2.2.2. Номинативные области культурно-специфических эвфемизмов

Под культурно-специфическими эвфемизмами в настоящей работе понимаются различные группы эвфемистических единиц.

Во-первых, это эвфемизмы, представленные лишь в одной из рассматриваемых лингвокультур и, с большой долей вероятности, существующие только в ней, что обусловлено культурными, историческими и ментальными особенностями той или иной нации. Подобные единицы вносят вклад в языковую картину мира, аккумулируя в себе нравственные ценности, стереотипы и предрассудки народа. Закрепленность культурно-специфических единиц в академическом словаре в очередной раз подтверждает их релевантность для настоящего исследования.

Во-вторых, это эвфемистические единицы, представленные в обеих лингвокультурах, считающиеся таковыми большинством исследователей, однако ассиметрично представленные в исследуемых источниках. Ассиметричность может проявляться как в количественном аспекте репрезентации единиц, так и в семантической организации области, коррелирующей с морально-нравственными установками и ключевыми концептами этноса.

Наконец, под культурно-специфическими понимаются такие эвфемизмы, которые в недостаточной степени представлены в рассматриваемых источниках в силу того, что то или иное табу не релевантно для данных лингвокультур, однако представлено в других языках.

В результате проведенного семантического анализа выявлена такая специфическая исключительно для немецкой лингвокультуры номинативная область эвфемизации, как «Бытовые проблемы».

1. Бытовые проблемы

Эвфемизмы, относящиеся к номинативной области «Бытовые проблемы», с уверенностью можно считать культурно-специфическими, поскольку они практически не описаны ни в одной другой лингвокультуре. Семантика подобных единиц в какой-то степени противоречит традиционному определению эвфемизма в рамках субституционного подхода, согласно которому эвфемизм замещает табуированный знак.

Эвфемизмы данной номинативной сферы используются вместо единиц, обозначающих любые негативные характеристики каких-либо объектов или процессов окружающей действительности, а также любые ситуации, которые выходят за рамки представлений о норме (ссоры, конфликтные ситуации, мелкие дефекты во внешности и пр.).

Несмотря на то, что количество подобных эвфемизмов невелико (16 единиц, что составляет 3%), они могут рассматриваться как средства выражения одного из ключевых концептов немецкой лингвокультуры – порядка (*Ordnung*) и, соответственно, одной из основных черт немецкой ментальности – любви к дисциплине, соблюдению правил, чистоплотности. Концепт «порядок» воплощает в себе такие качества, как «пунктуальность, точность, аккуратность, доскональность, рационализм, основательность, уважительное отношение к приказам, иерархичность, целеустремленность» [Судиловская 2017, с. 43]. Данные эвфемизмы отражают, во-первых, неприязнь немцев ко всему, что не соответствует норме, стандарту, нарушает порядок, а во-вторых, стремление с помощью вербального оформления создать впечатление упорядоченного состояния, упорядоченного образа жизни. В структуре конвенциональных наименований данной области отсутствуют обозначенные ранее стигматичные семы. Полагаем, в этом случае правомерно выделение особых национально обусловленных сем «ненормальный, неопрятный, неаккуратный».

Рассмотрим наиболее наглядные примеры эвфемизмов данной номинативной области:

mittelmäßig diese Leistung war sehr m. (verhüll.; *war ziemlich schlecht*) (DU)

die Visitenkarte *seine V. hinterlassen (verhüll.; *irgendwo Spuren von Unsauberkeit, Kritzeleien o.Ä. hinterlassen*) (DU)

Meinungsverschiedenheit, die ... (verhüll.) *Streit, Auseinandersetzung*: wir hatten nur eine (kleine) M. (WdG)

besonders d) (umg. verhüll.) nicht b. */drückt Unzufriedenheit aus/ nur mittelmäßig*: das Buch gefällt mir nicht b., die Arbeit befriedigt mich nicht b.; heute war das Essen nicht b.; bist du zufrieden? (WdG)

Как следует из приведенных выше примеров словарных статей, снабженных соответствующей пометой, данные эвфемизмы имеют иную стигматичную сему, нежели большая часть общекультурных эвфемизмов – «ниже среднего уровня, отличающееся от нормы»; таковыми, например, являются сема «отличие» в эвфемизме *Meinungsverschiedenheit* (досл. *различие во мнениях*, вм. *ссора*), сема «средний» в слове *mittelmäßig* (досл. *средний, заурядный*, вм. *плохой, безобразный*).

Реализация концептов «порядок», «чистота» наблюдается и в эвфемизмах *seine Visitenkarte hinterlassen* (*оставлять после себя грязь*, досл. *оставлять визитку*) и *der Schlaf* (*грязь, гной в глазах*, досл. *сон*).

Любовь к дисциплине, трудолюбие реализуются в эвфемистическом представлении ситуаций, когда человек не выполняет работу должным образом, например, по причине лени. Таковым является эвфемизм *der Arbeit aus dem Wege gehen* (*обходить работу стороной* вм. *работать неохотно*), демонстрирующий негативное отношение немцев к безделью:

Arbeit, die 1. produktive (berufliche) Tätigkeit des Menschen (verhüll.) *der A. aus dem Wege gehen* (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

Определенный интерес в лингвокультурологическом аспекте представляет эвфемизм *feuchte Aussprache haben* (досл. *иметь влажное произношение*), использующийся, когда человек при разговоре ненамеренно брызгает слюной. Данное выражение в очередной раз подтверждает нетерпимость немецкой лингвокультуры ко всему неаккуратному:

feucht ein wenig naß umg. verhüll. scherzh. er hat eine f. Aussprache (*sprüht unbeabsichtigt beim Sprechen Speichel*) (WdG)

2. Политические проблемы и военные действия

К культурно-специфическим также относятся эвфемизмы номинативной области «Политические проблемы и военные действия». Их табуированность обусловлена наличием входящих в структуру значения конвенциональных наименований стигматичных сем «страшный, опасный для жизни». Однако их языковая интерпретация, а также описываемые посредством лексикографических комментариев и помет прагматические условия использования данных эвфемизмов неодинаковы в рассматриваемых лингвокультурах, что обусловлено различными историческими и социальными предпосылками.

Немецкоязычные эвфемизмы данной номинативной области (11 единиц, что составляет 2% от общего количества) отличаются от традиционных эвфемистических наименований в сфере политических проблем тем, что мотивы возникновения и семантика подобных эвфемизмов обусловлены исключительно историко-культурным развитием немецкого общества. Речь идет об эвфемизмах, которые активно использовались в фашистской Германии; к такому выводу можно прийти благодаря сопутствующей помете *nationalsoz.* Употребление подобных единиц служило для сокрытия преступных действий фашистов (незаконных арестов, помещения людей в концентрационные лагеря, убийств мирных граждан и т.д.):

die Endlösung (verhüll.). (*von den Nationalsozialisten geplante*) *vollständige Vernichtung der europäischen Juden* (DU)

die Sonderbehandlung 1. (verhüll.) (*zur Zeit der nationalsozialistischen Herrschaft*) *Ermordung, Tötung von Gegnern des nationalsozialistischen Regimes sowie von Angehörigen der als minderwertig erachteten Völker und anderer nicht erwünschter Personengruppen.* (DU)

Konzertlager, das naz. umg. verhüll. Konzentrationslager (WdG)

Статус данных наименований представляется достаточно спорным, поскольку, как отмечает Р. Рада, подобные единицы не могут выполнять

эвфемистическую функцию и сами нуждаются в эвфемизации, в силу того, что обозначаемые ими понятия являются стигматичными и вызывают коммуникативный дискомфорт [Rada 2001, S. 57-58]. Следовательно, приведенные единицы могут считаться эвфемизмами лишь с исторической точки зрения. В то же время на культурно-специфический характер данных наименований указывает тот факт, что единицы английского языка *final solution*, *special treatment*, являющиеся калькированным переводом немецких эвфемизмов *Endlösung* и *Sonderbehandlung* соответственно не снабжены в словарях OED и CED пометой *euphemistic*. Заметим, что в английской лингвокультуре данные словосочетания не являются ни эвфемизмами, ни стигматичными единицами, в отличие от немецкоязычного общества. Следующий, приведенный Р. Холдером пример, подтверждает тот факт, что в немецкой лингвокультуре наблюдается негативное отношение к выражениям той эпохи: использованное в 1983 г. авиакомпанией British Airlines выражение *special treatment* (нем. *Sonderbehandlung*) в значении *особое обслуживание*, было негативно воспринято немецкими клиентами [Holder 2008, p. 9].

В английской лингвокультуре отсутствуют номинации, связанные с нацистским временем, что и дает основания рассматривать данную область как культурно-специфическую. Тем не менее, в ней также представлены эвфемизмы, которые относятся к номинативной области «Политические проблемы и военные действия». Если большая часть немецких эвфемизмов данной группы имеет историческую подоплеку и обусловлена общественным табу на явления и понятия, связанные с годами фашизма в Германии, то соответствующие эвфемизмы английского языка могут эффективно использоваться по отношению к актуальным событиям.

Эвфемизмы английского языка служат для обозначения следующих понятий:

– политические действия, прежде всего военные, направленные на уничтожение определенной категории граждан, мирного населения, а также на разрушение гражданских объектов в ходе военных операций:

collateral 1. ■ *euphemistic* denoting inadvertent casualties and destruction in civilian areas in the course of military operations: *collateral damage of civilians/ collateral casualties* (OED)

neutralize ■ (in military and espionage) used euphemistically to refer to killing or destruction (OED)

– расовая дифференциация общества:

dusky ■ used in euphemistic or poetic reference to black or other dark-skinned people: *a dusky Moorish maiden*. (OED)

ethnic used in a euphemistic way to refer to non-white people as whole: *a radio station which broadcasts to the ethnic community in Birmingham*. (OED)

– ложь, искажение фактов политиками и средствами массовой информации:

Economical - Phrases: **be economical with the truth** *euphemistic* lie or deliberately withhold information. [from a statement given in evidence by Sir Robert Armstrong, British cabinet secretary, in the “Spycatcher” trial (1986), conducted to prevent publication of a book by a former M15 employee.] (OED)

terminological inexactitude A lie (used as a humorous euphemism) (OED)

untruth a lie or false statement (often used euphemistically): *they go off and tell untruths about organizations for which they worked*.

Таким образом, основными мотивами возникновения и функционирования эвфемизмов данной группы в английском языке являются:

1) стремление правительства замаскировать истинное положение дел и, тем самым, добиться одобрения своих действий обществом;

2) соблюдение принципов политкорректности, в частности, при обозначении людей различных национальностей; можно предположить, что наличие эвфемизмов такого рода в составе английского языка обусловлено многоэтническим составом большинства современных англоязычных стран и может рассматриваться как специфическая лингвокультурологическая особенность.

Эвфемизмы в сфере политики являются важным средством формирования общественного мнения. Однако, вследствие частого употребления, они

утрачивают свой эвфемистический потенциал и переходят в разряд общеупотребительной лексики. Например, такие слова, как «*conflict, confrontation, incident, operation*», появившиеся вскоре после Второй мировой войны, эвфемистически использовались в английском языке в значении *война, вооруженное противостояние* вместо слова *war*, однако сегодня их эвфемистическое значение исчезло, и данные единицы воспринимаются как нейтральные синонимы слова *война*» [Реброва 2015, с. 123]. Подобная динамика в корпусе эвфемистической лексики объясняет сравнительно низкую степень фиксации подобных эвфемизмов в толковых словарях.

3. Преступления и их последствия

Мотивационной основой данной области является наличие в структуре значения конвенциональных наименований комбинации стигматичных сем – с одной стороны, это семы «страшный, опасный для жизни», и «неблагополучный», с другой. Данная номинативная область традиционно выделяется в качестве области эвфемизации в работах большинства исследователей (см., например, работы М. Л. Ковшовой). Однако анализ словарей демонстрирует, во-первых, незначительную степень репрезентации данных эвфемизмов (39 единиц немецкого языка и 7 единиц английского языка, что составляет 8% и 2% соответственно), во-вторых, в немецком языке представлен более широкий диапазон семантических оттенков у наименований данной области. Данные обстоятельства позволяют считать исследуемую номинативную область культурно-специфической.

Зафиксированные в английских лексикографических источниках эвфемизмы данной области связаны с наименованиями только тяжких преступлений – убийства и изнасилования:

terminate 1. ■ *euphemistic murder (someone): he was terminated by persons unknown* (OED)

interfere (with) 3. *euphemistic sexually molest someone (especially a child)* (OED)

В немецкой лингвокультуре, напротив, эвфемизации подвергаются любые нарушения правопорядка:

- тяжкие преступления (убийства, изнасилования):

beseitigen 2. (verhüll.) *ermorden, umbringen*: den Kronzeugen, einen Rivalen b. (DU)

ausblasen 1. verhüll. *etw. durch Blasen löschen, auspusten* geh. verhüll. jmdm. das Lebenslicht a. (*ihn töten*) (WdG)

Liquidation, die verhüll. *Vernichtung* (WdG)

die Gewalt 2.b) * **jmdm. G. antun** (verhüll.; *jmdn. vergewaltigen*) (DU)

- воровство:

ausführen 3. (umg. scherzh. verhüll.) *jmdm. etw. entwenden*: er hat seinem Bruder das Taschenmesser ausgeführt (WdG)

ausräumen 2. /übertr./ (salopp verhüll.) *etw. leer stehen, plündern*: der Dieb räumte ihm d. Tasche, Wohnung aus (WdG)

der Griff 1.a) * **einen G. in die Kasse tun** (verhüll.; *Geld stehlen*) (DU)

mein 2. * **Mein und Dein verwechseln/nicht unterscheiden können** (verhüll.; *sich leicht an fremdem Eigentum vergreifen; im Hinblick auf das Eigentum anderer nicht ganz zuverlässig sein*) (DU)

- мелкие правонарушения (драки и пр.):

ausrutschen *wegrutschen* (umg. verhüll.) ihm ist die Hand ausgerutscht (*er hat jmdm. im Affekt einen Schlag versetzt*) (WdG)

Полагаем, что закрепленность подобных эвфемистических единиц в парадигматической системе языка является реализацией ключевого концепта немецкой лингвокультуры – порядка. Любовь к порядку отражена в таких национальных чертах немецкой ментальности, как аккуратность, точность, дисциплина. Любое отклонение от предписанного правила расценивается немцем как порицаемое явление, прежде всего, это касается нарушений правопорядка вне зависимости от тяжести преступления. Доказательством этому служат и приведенные в словарных статьях иллюстративные примеры. Так, в статье к глаголу **ausführen** (досл. *увести*, *вм. украсть*) приводится пример воровства

карманного ножа у брата – преступления, не сопоставимого с убийством. Однако для немецкого общества подобные поступки неприемлемы, сам факт отклонения от нормального поведения вызывает коммуникативный дискомфорт и нуждается в эвфемистической номинации.

То, что в немецкой лингвокультуре подвергаются эвфемизации и закрепляются в лексической системе языка любые отклонения от закона, подтверждает факт лексикографической фиксации следующих единиц, обозначающих любые преступления в целом и имеющие значение «уклоняться от закона, конфликтовать с законом»:

abweichen 1. *von etw. Abgehen* b) (verhüll.) *gegen etw. verstoßen*: vom Gesetz, von den (Dienst) vorschriften a. (WdG)

Gesetz, das 1. *gültige Norm des Rechtes, die vom zuständigen Staatsorgan, meist vom Parlament, festgesetzt oder sanktioniert worden ist* (verhüll.) er ist mit dem G. in Konflikt geraten, gekommen. (WdG)

Негативную оценку в немецком социуме получают также явления и процессы, которые опосредованно связаны с совершенными преступлениями, например, арест преступников, содержание под стражей и пр., что приводит к возникновению в языке эвфемистических наименований с соответствующей семантикой:

abholen 3. (verhüll.) *verhaften*: jmdn. nachts a. (DU)

die Schutzhaft 1. (verhüll.) (*bes. politisch motivierte*) *Vorbeugehaft*: jmdn. in S. nehmen (DU)

4. Социально-экономические проблемы

Данная номинативная область эвфемизации также может быть классифицирована как культурно-специфическая, поскольку ее релевантность для языка связана в первую очередь с социально-экономическими предпосылками (уровень благосостояния в государстве, уровень безработицы и пр.). Мотивационной основой появления эвфемизмов данной области является стигматичная сема «неблагополучный», входящая в структуру значения антецедентов.

В результате исследования выявлено 11 эвфемизмов немецкого языка (2%) и 8 эвфемизмов (2%) английского языка. Прежде всего, это единицы, связанные с обозначением процессов сокращения штата по причине экономических трудностей, а также состояния безработицы и бедности:

ablösen 2. der Vorsitzende muss abgelöst (verhüll. *aus seinem Amt entfernt*) werden. (DU)

freisetzen b) (verhüll.) (*Arbeitskräfte*) *entlassen*: Mitarbeiter (DU)

let Phrases **let someone/thing go** 1. ■ *euphemistic* dismiss an employee (OED)

rest 1. ■ (**be resting**) *Brit.* Used euphemistically by actors to indicate that they are out of work (OED)

job Phrases **between jobs** a euphemistic way of referring to a person being temporarily unemployed: *public money should be used to lend a hand to people who find themselves between jobs* (OED)

die Geldverlegenheit (verhüll.): *Verlegenheit aufgrund von Geldmangel*: in G. sein (DU)

reduce Phrases **reduced circumstances** used euphemistically to refer to the state of being poor after being relatively healthy: *a divorcee living in reduced circumstances*.(OED)

challenging used euphemistically for *difficult* or *trying* and applied to unpleasant situations: *a challenging period of slowing growth and rising unemployment* (OED)

Как видно из вышеприведенных примеров, эвфемизмы такого плана построены по схожей модели – позитивная репрезентация понятия «увольнение» создается благодаря семам «свободный», «освобождение». Понятие «бедность» в обеих лингвокультурах перефразируется путем использования выражения «стесненные обстоятельства».

Полагаем, что низкая степень лексикографической фиксации данной номинативной области обусловлена экстралингвистическими факторами.

По мнению Р. Рады, табуирование понятия «бедность» имеет место в обществе с высоким уровнем жизни, где нищета воспринимается как нечто постыдное и ставится в укор [Rada 2001, S. 55]. Напротив, в экономически

нестабильном обществе с высоким уровнем безработицы, низкими доходами, плохо развитым социальным обеспечением понятия бедности, увольнения, сокращения не являются общественно порицаемыми и, соответственно, не требуют эвфемистической номинации. Иными словами, низкое процентное соотношение эвфемизмов области «Социально-экономические проблемы» позволяет говорить об отсутствии экономической стабильности в современных англо- и немецкоговорящих странах.

На ослабление данного табу в современном обществе указывает и Р. Холдер, сопоставляя современные эвфемизмы данной семантики с эвфемизмами, существовавшими в английском языке в Викторианскую эпоху. В Англии XIX в. банкротство, наличие долгов расценивались как обстоятельства, вызывающие чувство глубокого стыда. Высокую степень стигматичности данных понятий в те времена доказывает тот факт, что «для обозначения смерти и банкротства использовались одни и те же эвфемизмы» [Holder 2008, p. 18]. Сегодня степень стигматичности понятий «бедность», «финансовая несостоятельность» значительно ниже, что сокращает количество соответствующих эвфемизмов.

5. Вредные привычки

К культурно-специфическим также относятся такие области эвфемизации, которые не представлены в достаточной степени в исследуемых английской и немецкой лингвокультурах в силу социокультурных особенностей, однако традиционно рассматриваются как одни из основных номинативных областей в других лингвокультурах.

К таковым относится номинативная область «Вредные привычки». Квантитативный анализ демонстрирует крайне незначительную степень лексикографической фиксации эвфемизмов с данной семантикой в исследуемых источниках – 22 единицы (4%) в немецких словарях и 8 единиц (2%) в английских.

Наибольшее количество эвфемизмов данной группы используются для номинации проблем, вызванных алкоголизмом и наркоманией:

tired Phrases **tired and emotional** used euphemistically to indicate that someone is drunk. (OED)

watering hole *informal humorous euphemistic* a pub or bar (CED)

das Drogenproblem a) (verhüll.) *Drogenabhängigkeit* (DU)

feuchtfröhlich (umg. scherzh. verhüll.) *fröhlich, ausgelassen durch Alkoholgenuß*: wir waren in f. Stimmung; ein f. Leben führen; das war ein f. Abend (WdG)

abhold verhüll. er war dem Wein nicht a. (*trank gern*) (WdG)

Безусловно, конвенциональные наименования данной сферы характеризуются негативными коннотациями и вызывают отрицательные ассоциации в связи с теми заболеваниями, финансовыми и межличностными проблемами, которые сопутствуют алкоголизму и наркомании. Однако, как следует из приведенных примеров, ни дефиниции, ни иллюстрации словоупотребления не содержат репрезентации алкоголизма как вредной привычки или заболевания. Напротив, ряд дефиниций содержат единицы с позитивной семантикой – *радостный, охотно*. Лишь дефиниция эвфемизма **das Drogenproblem** (*наркомания*) характеризуется отрицательной семой «зависимость».

Полагаем, что подобная репрезентация данной номинативной области в лексикографии немецкой и английской лингвокультур обусловлена совокупностью факторов.

Прежде всего, это связано с морально-этическими установками и социальными условиями жизни данных этносов. Можно предположить, что для немецкого и английского социумов вредные привычки (в частности, пьянство) не являются острой злободневной проблемой (по сравнению, например, с русской лингвокультурой), а также имеет место толерантное отношение к подобным феноменам.

Кроме того, низкая степень лексикографической фиксации подобных эвфемизмов обусловлена тем, что стигматичный характер конвенциональных

наименований пьянства и наркомании определяется не столько общественными табу, сколько отдельными, индивидуальными запретами.

Наконец, отметим, что большинство единиц с данной семантикой, зафиксированных, в частности в словаре OED, не характеризуются признаками эвфемизмов в силу своей принадлежности к общеупотребительной лексике и «стертого» эвфемистического значения, либо будучи связанными с экспрессивным, оценочным, отчасти, пренебрежительным обозначением соответствующих понятий, а также с зашифровкой данных понятий в рамках определенной социальной группы.

Такие лексические единицы, как *drink* (напиток в.м. *алкогольный напиток*), *local* (место в.м. *заведение, где подают спиртные напитки*), *public house* (общественное заведение в.м. *заведение, где подают спиртные напитки*) сегодня относятся к конвенциональным наименованиям тех или иных понятий и, следовательно, не сопровождаются пометой *euphemistic*.

С другой стороны, ряд эвфемистических слов и выражений данной номинативной области, зафиксированных в словаре Р. Холдера, скорее относится к сленгу, жаргону, либо их употребление можно рассматривать как окказиональное или устаревшее; в связи с этим данные единицы не представлены в словарях OED и CED, например, *sea food* (*морепродукты* в.м. *виски*), *scoop* (*черпак* в.м. *алкогольный напиток*).

Таким образом, проведенный анализ номинативных областей эвфемизации, выделенных на основе корпуса эвфемистических наименований из словарей немецкого и английского языков, позволяет категоризировать все эвфемистические наименования на следующие две группы – *общекультурные* и *культурно-специфические*. Критериями для приведенной классификации послужил факт наличия или отсутствия эвфемизмов той или иной номинативной области в рассматриваемых английской и немецкой лингвокультурах, а также семантическая организация каждой номинативной области с учетом лексикографической экспликации в зоне толкований и зоне иллюстраций.

Примеры общекультурных и культурно-специфических эвфемизмов представлены в Приложении Б настоящего исследования.

Общекультурные эвфемизмы, относящиеся к таким номинативным областям, как «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь», «Физиология человека», «Заболевания. Недостатки во внешности», «Грубые ругательства», характеризуются тем, что репрезентирующие их языковые единицы аккумулируют в себе как стереотипные универсальные ценности рассматриваемых – английской и немецкой – лингвокультур (страх перед неизбежной смертью, неодобрительное отношение к внебрачным/ добрачным интимным отношениям и сексуальным извращениям, стыдливое восприятие определенных частей человеческого тела, позитивная репрезентация пожилого возраста), так и дифференциальное, национально-специфическое отношение к данным понятиям (например, в немецкой лингвокультуре это попытка нивелировать отрицательные эмоции при описании смерти и человеческой физиологии посредством шутливой или ироничной презентации этих понятий; английская лингвокультура, напротив, демонстрирует, сдержанное отношение к вышеупомянутым аспектам).

Культурно-специфические эвфемизмы, относящиеся к таким номинативным областям, как «Бытовые проблемы», «Политические проблемы и военные действия», «Преступления и их последствия», «Вредные привычки» и «Социально-экономические проблемы» демонстрируют обусловленность эвфемистического словаря ментальными особенностями определенной нации, воплощенными в ключевых концептах, а также историческими и социально-культурными условиями развития социума. Так, любовь немцев к аккуратности, порядку, дисциплине, реализующаяся в ключевом концепте немецкого языка «Порядок» (нем. *Ordnung*), находит отражение в эвфемизмах номинативных областей «Бытовые проблемы» и «Преступления и их последствия». Различный социально-исторический фон, на котором происходило развитие английского и немецкого социумов, позволяет говорить о номинативной области «Политическая идеология и военные действия» как о культурно-специфической.

Подводя итог данного раздела настоящего исследования, считаем целесообразным и уместным обобщить и представить результаты проведенного анализа количественного соотношения номинативных областей эвфемизации в исследуемых англо- и немецкоязычных лексикографических источниках в табличной форме (см. Таблица 1):

Таблица 1. Количественное соотношение номинативных областей эвфемизации в исследуемых источниках

Номинативная область	Количество эвфемизмов в DU и WdG	Количество эвфемизмов в OED и CED
Смерть. Смертельные заболевания	212 (38%)	55 (13%)
Личная жизнь	106 (19%)	76 (18%)
Физиология человека	72 (13%)	110 (26%)
Заболевания. Недостатки во внешности	26 (3%)	4 (1%)
Преступления и их последствия	39 (7%)	8 (2%)
Вредные привычки	22 (4%)	8 (2%)
Социально-экономические проблемы	11 (2%)	8 (2%)
Политические проблемы и военные действия	11 (2%)	12 (3%)
Грубые ругательства	16 (3%)	108 (25%)
Наименования сверхъестественных сил. Древние эвфемизмы	28 (5%)	35 (8%)
Бытовые проблемы	16 (3%)	-

2.3. Механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения в аспекте лексикографической фиксации

На втором этапе настоящего исследования проводится анализ корпуса зафиксированных в словарях DU, WdG, CED и OED эвфемистических единиц с точки зрения способов образования эвфемистического эффекта, лежащего в их основе.

В качестве теоретического обоснования исследования используется классификация механизмов реализации эвфемистической функции, построенная в соответствии с принципами структуралистского подхода и представленная в п. 1.3.2. настоящего диссертационного исследования. Все эвфемизмы, полученные методом сплошной выборки из указанных источников, были соотнесены с тем уровнем языковой системы, на котором происходили необходимые для возникновения эвфемистического эффекта трансформации. В результате выделены фонетические, морфологические, лексические и синтаксические эвфемизмы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наиболее и наименее продуктивных для лексикографической фиксации способах образования эвфемизмов. Кроме того, данное исследование демонстрирует общие и специфические модели реализации эвфемистической функции в рассматриваемых лингвокультурах.

Фонетические эвфемизмы

Фонетические эвфемизмы достаточно регулярно фиксируются в исследуемых словарях, при этом в лексикографических источниках представлены эвфемизмы, образованные как на основе фонетического сходства, так и на основе фонетического искажения.

В английском языке наблюдается высокая частотность образования эвфемистических наименований путем фонетических изменений нежелательной единицы: 28% (118 единиц из 424) зафиксированных эвфемизмов образованы

посредством трансформаций на фонетическом уровне языковой системы, в то время как в немецком языке количество подобных эвфемизмов составляет всего 5% (27 единиц из 559).

Степень представленности разновидностей данной модели реализации эвфемистического эффекта в исследуемых языках также неодинакова: способом образования эвфемизмов немецкого языка чаще всего является фонетическое сходство; в английском языке, напротив, преобладают эвфемистические единицы, в основе которых лежит фонетическое искажение нежелательного слова.

Следует также отметить, что единицы, обладающие эвфемистическим эффектом в силу фонетических изменений замещаемого знака, преимущественно являются словами с одной базисной морфемой (т.е. корневыми) или композитами, а не словосочетаниями или предложениями.

Все относящиеся к данному способу образования эвфемизмы являются реальными по способу лексикографической фиксации. Это обусловлено тем, что для большей части подобных наименований эвфемистическое значение является основным, данные эвфемизмы входят в словарный состав языка и характеризуются определенной частотностью использования.

Кроме того, лексикографическая фиксация подобных наименований становится возможной благодаря тому, что «деривационный потенциал эвфемизмов **ограничен** в данном случае словами, в той или иной степени созвучными с табуированными единицами» [Реброва 2015, с. 150]. Начальные или конечные фонемы antecedentных и эвфемистических наименований при таком способе образования, как правило, совпадают, например: *англ.* **ruddy** – **bloody**, *англ.* **gosh** – **god**, *нем.* **Herrschaft** – **Herrgott**, *нем.* **Arm** – **Arsch** и т.д. Количество возможных эвфемистических видоизменений исходной единицы при этом значительно сокращается, что позволяет лексикографам достаточно регулярно фиксировать обозначения такого рода.

Морфологические эвфемизмы

Эвфемистические обозначения, образованные посредством морфологических манипуляций над antecedentным наименованием, практически

не представлены в анализируемых источниках – общее их количество в обоих языках насчитывает всего лишь 24 единицы, что дает основания рассматривать их как языковой материал, «оказывающий сопротивление» лексикографической фиксации.

Ниже представлены примеры зафиксированных эвфемизмов, образованных путем морфологических трансформаций над замещаемой единицей:

1) с помощью присоединения негативного префикса:

untruth A lie or false statement (often used euphemistically): *they go off and tell untruths about organizations for which they worked* (OED)

terminological inexactitude A lie (used as a humorous euphemism) (OED)

2) с помощью использования аффиксов со значением неполноты действия и уменьшительно-ласкательных суффиксов:

Älter 1. b) (verhüll.) *alt* (DU)

Bauch, der 1. (verhüll.) ein **Bäuchlein** (*einen dicken Bauch*); einen B. ansetzen, kriegen (*einen dicken Bauch bekommen*); er hat keinen B. mehr (*ist schlank geworden*) (WdG)

Örtchen, das (verhüll.) *Toilette, Klosett* (WdG)

das Geschäftchen: in den Wendungen **sein G. erledigen/machen/verrichten** (fam. verhüll.; *seine Notdurft verrichten*) (DU)

3) с помощью использования композитов, в структуру которых входят корни с семантикой «скудно», «слабо», «мало», «недостаточно»:

der Hörfehler 2. (verhüll.): *Schwerhörigkeit*: einen H. haben (*schwerhörig sein*) (DU)

lebensverkürzend 1. erkrankte (verhüll.; *an einer tödlichen Krankheit leidende*) Kinder. (DU)

Хотя на основе имеющегося материала сложно сделать однозначный вывод о наличии взаимосвязи между данной моделью эвфемизации и конкретной номинативной областью, можно предположить, что мейозис является достаточно продуктивным способом образования эвфемизмов, обозначающих физические заболевания, дефекты во внешности и пр. Данную гипотезу подтверждают и

примеры соответствующих эвфемизмов в работах некоторых лингвистов: нем. *intellektuell schwach* (досл. интеллектуально слабый), нем. *Lernbehinderte* (досл. лицо, для которого затруднен процесс обучения), нем. *sehschwach* (досл. слабовидящий), нем. *gehbehindert* (досл. человек с ограниченными способностями в ходьбе) [Rada 2001, S. 47, 55]. Примеры мейозиса в английском языке (их всего два) связаны со сферой политики и социальных отношений (на данную специфику использования указывает комментарий к словарной статье *terminological inexactitude*, согласно которому этот эвфемизм впервые был употреблен У. Черчиллем в 1906 г.).

Низкой степенью продуктивности с точки зрения возможностей лексикографической фиксации характеризуются эвфемизмы, образованные путем аббревиации – в исследуемых источниках обнаружено лишь 7 эвфемистических наименований, представляющих собой сокращения нежелательной единицы:

ImaA verhüll. für: lech mich am Arsch! (DU)

die To, Tö (verhüll.) Toilette (DU)

F-word Euphemistic way to refer to the word “fuck” because of its taboo nature (OED)

eff 1. Euphemism for **fuck** *eff off* (CED)

Как следует из приведенных примеров, подобные эвфемизмы, так же как и фонетические, прежде всего, используются для замещения грубых, ругательных слов и выражений. Возможно, это объясняется тем, что аббревиация отчасти схожа с изменениями фонетической формы замещаемого знака. В обоих случаях связь между эвфемизмом и нежелательной единицей достигается благодаря тому, что в эвфемизме частично остаются буквы, буквосочетания или звуки замещаемого слова.

К причинам, по которым морфологические эвфемизмы лишь спорадически представлены в толковых словарях, целесообразно отнести как специфические свойства самих эвфемистических наименований, так и лексикографическую концепцию исследуемых словарей.

Прежде всего, эвфемизмы морфологического уровня в силу особенностей их образования (использование негативных префиксов, аффиксов со значением неполноты действия, уменьшительно-ласкательных суффиксов) обладают крайне низким эвфемистическим потенциалом. Это связано с тем, что подобные наименования имеют в своей структуре стигматичные семы «плохой», «аномальный», «неудачный», «неблагополучный», и в результате, как отмечает Е. П. Сеничкина, выражают «сдержанное порицание» [Сеничкина 2008, с. 19].

Значительно более высоким эвфемистическим потенциалом характеризуются наименования, образованные путем аббревиации, однако они также крайне скудно представлены в лексикографической практике в силу концепции самих толковых словарей.

Кроме того, если диапазон моделей лингвистической реализации фонетических эвфемизмов ограничен, то количество вариантов образования морфологических эвфемизмов практически бесконечно. Любая единица с положительной семантикой и негативным префиксом или любая единица с отрицательной семантикой и уменьшительно-ласкательным суффиксом или аффиксом со значением неполноты действия или признака характеризуется определенным эвфемистическим потенциалом и способна выполнять эвфемистическую функцию. Очевидно, что лексикографическая фиксация и маркировка всех подобных единиц как эвфемистических невозможна.

В качестве подтверждения нерегулярной фиксации морфологических эвфемизмов может использоваться тот факт, что отсутствующие в толковых словарях эвфемистические наименования представлены в специализированных лексикографических источниках.

Например, в результате анализа эвфемизмов немецкого языка, помещенных на сайте <http://euphemismen.de>, обнаружено 13 единиц, образованных посредством негативной префиксации, среди которых такие единицы, как:

unglückliche Äußerung (неудачное высказывание *вм. лишнее, неуместное высказывание*),

unpässlich (нездоровый *вм. больной*),

unterentwickelt (слаборазвитый в м. глупый),

unvorteilhaft (непривлекательный в м. плохой) и др.

В «Словаре эвфемизмов» Р. Холдера [Holder 2008, p. 389-393] зафиксировано 46 подобных единиц английского языка, например:

unbalanced (невыдержанный в м. психически больной);

uncertain (неуверенный в м. находящийся в экономическом упадке);

underdeveloped (неразвитый в м. нищий);

unhealthy (нездоровый в м. гомосексуалист);

unnatural (неестественный в м. гомосексуалист) и др.

Практически все единицы, зафиксированные как эвфемистические в упомянутых выше источниках, входят в состав словника исследуемых словарей, однако они не снабжены соответствующей пометой или комментарием; кроме того, следует отметить, что в некоторых случаях в составе словарной статьи отсутствует указание на значение, которое потенциально может являться эвфемистическим. Полагаем, наиболее вероятной причиной отсутствия в толковых словарях морфологических эвфемизмов является их потенциальный или окказиональный характер.

Таким образом, можем утверждать, что подавляющее число используемых в коммуникации эвфемизмов, образованных посредством морфологических изменений замещаемой единицы, не фиксируется в толковых словарях. Это объясняется их низким эвфемистическим потенциалом, тесной зависимостью от контекста, а также спецификой составления толковых словарей, в основе которой лежат принципы рациональности и экономии.

Лексические эвфемизмы

Наибольшую по численности группу эвфемизмов, зафиксированных в исследуемых словарях, представляют лексические эвфемизмы. Их количество составляет 491 единицу в немецком языке и 298 единиц в английском языке, соответственно. К основным явлениям, лежащим в основе эвфемизации на лексическом уровне, относятся генерализация, метафоризация, метонимизация, металепсис, поляризация значения, смена стиля (использование заимствований,

терминов, сниженной лексики и т.д.). Рассмотрим каждый из вышеперечисленных видов эвфемизмов.

1. Генерализация значения

Данная модель лингвистической реализации эвфемизмов включает в себя такие способы, как замена нежелательной единицы общевидами наименованиями (гиперонимами), использование местоимений (прономинализация), использование единиц с «диффузной» семантикой и логическое перефразирование.

Прономинализация, как следует из проведенного анализа, прежде всего, служит для образования эвфемизмов таких номинативных областей, как «Физиология человека» и «Личная жизнь»:

wohin 3. er muss noch w. (verhüll.; *muss noch zur Toilette*) (DU)

danach 1. a) der Morgen, die Zigarette d. (verhüll.; *nach dem Geschlechtsverkehr*) (DU)

other 3. (**the other**) used euphemistically to refer to sexual intercourse: *a bit of the other* (OED)

way Phrases **That way** used euphemistically to indicate that someone is homosexual: *he was a bit that way* (OED)

Как следует из приведенных примеров, наиболее продуктивными в данном случае являются указательные и неопределенные местоимения. Это объясняется тем, что эти типы местоимений позволяют придать единице семантическую неопределенность и благодаря этому редуцировать стигматичные семы.

К явлению прономинализации можно отнести и такие эвфемизмы немецкого языка, как *es tun, es treiben* – *делать это, заниматься этим* (вм. *заниматься сексом*). Несмотря на то, что опорными словами в данных словосочетаниях являются глаголы *treiben* и *tun*, намек на наличие табуированного понятия несет именно местоимение *es*.

Многие исследователи (S. Luchtenberg, R. Rada, М. Л. Ковшова, В. П. Москвин и др.) отмечают высокий эвфемистический потенциал местоимений; тем не менее, в исследуемых источниках данные наименования

практически не имеют помет и комментариев, указывающих на эвфемистическую функцию – лишь 4 местоимения сопровождаются соответствующей пометой.

Данное обстоятельство объясняется широким диапазоном тематических сфер, с которыми коррелируют местоимения-эвфемизмы. Употребление таких единиц «окказионально, и семантическое наполнение местоимения зависит от каждой конкретной ситуации и контекста, что делает невозможным фиксацию в толковом словаре всех потенциальных эвфемистических значений того или иного местоимения» [Реброва 2015, с. 149]; в результате фиксации подвергаются не отдельные местоимения, а устойчивые сочетания с ними, имеющие относительно конкретную сферу использования и определенную степень закреплённости в узусе исследуемых языков. В то же время, даже эти относительно устойчивые единицы с точки зрения их лексикографической фиксации представляют собой потенциальные эвфемизмы, на что указывает способ постановки соответствующей пометы в DU и использование комментария *used euphemistically* в OED.

Общее количество эвфемизмов, представленных гиперонимами, словами с «диффузной» или «рассеянной» семантикой и образованных путем логического перефразирования, невелико (132 единицы).

В рамках данных моделей происходит образование эвфемизмов различных номинативных областей – «Физиология человека», «Социально-экономические проблемы», «Заболевания. Недостатки во внешности», «Вредные привычки». Ниже приведены примеры эвфемизмов, образованных данными способами:

machen 12. (verhüll.): *seine Notdurft verrichten*: das Kind hat in die Hose, ins Bett gemacht; ein Vogel hat ihr auf den Hut gemacht (DU)

das Örtchen 2. (verhüll.) *Toilette*: ein stilles, gewisses Ö.; aufs Ö. müssen (DU)

freudig b) *Freude bringend, beglückend* (verhüll.) wir gratulieren zum f. Ereignis (zur Geburt eines Kindes) (WdG)

accident . ■ *euphemistic* an accident of incontinence by a child or animal (OED)

mess 1. ■ *used euphemistically to refer to the excrement of a domestic animal: dog mess* (OED)

thing 1. ■ used euphemistically to refer to a man's penis (OED)

working girl ■ *euphemistic* a prostitute (CED)

Таким образом, можем сказать, что относительно невысокая доля лексических эвфемизмов, образованных на основе генерализации значения (136 единиц), свидетельствует о потенциальном характере использования таких эвфемистических наименований, что и подтверждают особенности их фиксации в лексикографических источниках.

2. Метафоризация и метонимизация значения

Проведенное исследование демонстрирует, что наиболее высокой частотностью лексикографической фиксации (624 единицы, что составляет более 60% от общего количества) характеризуются эвфемизмы лексико-семантического уровня языковой системы, образованные посредством метафорического и метонимического переносов.

Превалирование данных механизмов лингвистической реализации эвфемистического эффекта обусловлено совокупностью факторов. Метафоры и метонимии реализуют в себе единые для всех языков когнитивные модели вербализации объективной действительности. Данный факт упрощает закрепление метафорических и метонимических конструкций в парадигматической системе языка и, следовательно, способствует их лексикографической фиксации. Это подтверждается тем, что большая часть зафиксированных эвфемизмов, образованных данными способами, сопровождается пометами или условными обозначениями, указывающими на идиоматическую или фразеологическую природу эвфемистических единиц (использование жирного шрифта в DU, постановка пометы *übertragen* (*в переносном смысле*) в WdG и пр., например:

die Seele 2. * **die S. aushauchen** (verhüll.; *sterben*) (DU)

Bein, das /übertr./ umg. scherzh. verhüll. der Klapperstorch hat sie, ihr ins B. gebissen (*sie ist schwanger*) (WdG)

Анализ фактического материала позволил выделить как базисные модели образования метафор и метонимий, так и культурно-специфические метафоры и

метонимии, основывающиеся на ключевых культурных концептах, прецедентных культурных текстах, социокультурных реалиях и символах.

В основе базисных метафор лежат общие для рассматриваемых лингвокультур представления о таких аспектах человеческого существования, как жизнь и смерть, отношения между полами, человеческая физиология. Метафорический перенос при этом осуществляется посредством следующих универсальных понятий:

1) «движение, переход, переезд»:

passing 3. ■ *euphemistic* a person's death: *her passing will be felt deeply by many people.* (OED)

departed *euphemistic* a) dead, deceased (CED)

die Reise 1. ***jmdn. unter den R. bringen** (verhüll.; *jmds. Tod verursachen*) (DU)

gehen 4. *sich irgendwohin begeben* geh. verhüll. er ist von uns, aus der Welt gegangen (*gestorben*) (WdG)

Bühne, die geh. verhüll. von der Bühne des Lebens abtreten (*sterben*) (WdG)

2) «покой, сон»

die Ruhe 2. ***in die ewige R., zur ewigen R. eingehen** (verhüll.; *sterben*) (DU)

friedlich 2. b) f.einschlafen (verhüll.; *einen sanften Tod sterben*) (DU)

peace Phrases **at peace** 1. *euphemistic* dead and therefore free from the difficulties of life (OED)

asleep ■ used euphemistically to indicate that someone is dead (CED)

3) «работа, деятельность»

job Phrases **big jobs** a euphemistic way of referring to faeces or defecation (OED)

office 5. ■ (usual offices) *euphemistic* a toilet (OED)

das Gewerbe 1. ***das älteste G. der Welt** (verhüll.; *die Prostitution*) (DU)

das Geschäft 3. ***sein [großes od. kleines] G. erledigen/verrichten/machen** (verhüll.; *seine Notdurft verrichten; den Darm entleeren od. Wasser lassen*) (DU)

В то же время, ряд подобных наименований обнаруживает на себе влияние особенностей национальной ментальности и социокультурных факторов. В результате, данные наименования приобретают специфические культурные

коннотации. Так, помимо базового метафорического переноса, осуществляемого на основе сходства процесса смерти с путешествием или сном, немецкие эвфемистические наименования данной сферы иногда имеют дополнительные оттенки значения – «отправиться куда-л. по приказу», «быть вынужденным что-л. сделать», «своевременно отправиться куда-л.». Например, выражение *in jene Welt, in die Ewigkeit abberufen werden* (быть призванным на тот свет, в вечность *вм. умереть*) демонстрирует, что в немецкой лингвокультуре смерть понимается как долг, который должен выполнить каждый. Это подтверждает зона иллюстраций и примеров в соответствующей словарной статье в WdG:

abberufen, *jmdn. von seinem Posten zurückrufen* (geh. verhüll.) *in jene Welt, in die Ewigkeit a. werden* (*sterben*); *der Herr hat ihn zur rechten Zeit abberufen* (Fallada) (WdG)

Исходя из семантики данного глагола, очевидно, что жизнь в представлении немцев ассоциируется с должностью, постом на службе (*Post*). Смерть при этом является *необходимой и своевременной* сменой одного места работы на другое, что подчеркивается путем уточнения *zur rechten Zeit* (в нужное время). Также данный пример иллюстрирует представление немцев о Боге как о господине, хозяине (*der Herr*).

Аналогичную коннотацию можно обнаружить в иллюстрации к немецкому глаголу **abrufen**:

abrufen 1. *jmdn. von einer Beschäftigung wegrufen* (geh. verhüll.) *er wurde aus dem Leben abgerufen* (*er verstarb*); *Da müssen wir warten, bis Gott uns abrufft* (G. Hauptm.) (WdG)

Судя по толкованию вокабулы, в основе данного метафорического эвфемизма также лежит представление о жизни как о некоем виде деятельности, работе (*Beschäftigung*); человек *должен дождаться* (*warten müssen*), когда с этого *места работы* его *вызовет Бог* (Gott abrufft).

Таким образом, переход от жизни к смерти в понимании немцев представляет собой упорядоченное, происходящее в нужное время по чьей-либо воле (как правило, по воле Бога) событие. Подобные сравнения аккумулируют в

себе ключевой национальный концепт «порядок» и его основные составляющие: «дисциплина», «иерархия» (человек подчиняется тому, кто стоит *выше* него), «последовательность» (все должно происходить в *нужное* время). У эвфемизмов, зафиксированных в английских лексикографических источниках, подобных коннотаций не отмечено.

Кроме того, заметим, что ряд эвфемистических наименований данной номинативной области содержит в себе сравнение смерти с армией, полком, куда в конце жизни отправляется человек:

der Haufen 3.c) ***zum alten H. fahren** (verhüll.; *sterben*) (DU)

Armee, die 1. Heer c) (veralt. verhüll.) zur großen A. abgehen, abmarschieren, abberufen werden, versammelt werden (*sterben*) (WdG)

Происхождение подобных метафорических эвфемизмов может быть обусловлено социокультурными особенностями развития немецкого общества. Исторически сложилось так, что «самыми влиятельными классами в кайзеровском рейхе являлись военные и чиновники, ...хороший немец был хорошим солдатом» [Медведева 2010, с. 131]. Таким образом, ассоциации смерти с армией как чем-то важным и почетным способствуют редуцированию стигматичных сем антецедента.

В отдельную группу выделены немецкие метафорические эвфемизмы, относящиеся к номинативной области «Смерть», в основе которых лежит факт/цитата из прецедентных культурных текстов, прежде всего Библии. Подобные единицы обозначены в настоящем исследовании как **эвфемизмы-аллюзии**. Например, эвфемизм *über den Jordan gehen* (*перейти Иордан* в м. *умереть*) напоминает о библейской истории, согласно которой израильтяне перешли Иордан, завершив сорокалетнее скитание по пустыне:

der Jordan ***über den J. gehen** (verhüll.; *sterben; sein Leben bei etw. verlieren*) (DU)

К религиозным эвфемизмам-аллюзиям также может быть отнесен английский эвфемизм *raise Cain* (*вызывать Каина* в м. *устроить скандал*). В

данном случае *Kain* (согласно Библии, первый убийца на земле) используется в качестве эвфемизма к словам *дьявол* или *ад*:

Cain Phrases **raise Cain** *informal euphemistic* create trouble or commotion (OED)

Определенный национально-специфический компонент содержат эвфемизмы, в основе которых лежат метафоры-символы. Так, например, в немецкой лингвокультуре кукушка воплощает в себе архетипические представления немцев о демонических силах. Это могло быть связано с тем, «что крик кукушки в тихом лесу производит жуткое впечатление» [Амелина]. Данный архетип является национально-специфичным для немецкой лингвокультуры; в славянской культуре, например, данный образ не связан ни с чем злым или дьявольским. Результатом этого символического представления стало использование эвфемизма *der Kuckuck* (кукушка), замещающего в немецком языке слово *der Teufel* (черт) в таких выражениях, как *weiß der Kuckuck* (кукушка знает, в.м. черт знает), *beim Kuckuck sein* (быть у кукушки в.м. быть у черта на куличках) и пр.:

der Kuckuck *[in den Wendungen steht „Kuckuck“ verhüll. für: Teufel] (DU)

Аналогичным образом эвфемистическое выражение *der Klapperstorch hat sie ins Bein gebissen* (аист укусил ее в ногу в.м. она забеременела) воплощает в себе представления немцев об аисте как о символе мира и счастья. Происхождение данного немецкоязычного эвфемизма связано с поверьем, согласно которому «гнездо аиста на крыше дома предвещало рождение детей» [Буренкова 2008, с. 36]:

Bein, das /übertr./ umg. scherzh. verhüll. der Klapperstorch hat sie, ihr ins B. gebissen (*sie ist schwanger*) (WdG)

Что касается метонимических эвфемизмов, то универсальные когнитивные модели также лежат в основе их образования. Данный механизм лингвистической реализации эвфемистического эффекта является вторым по продуктивности после метафорического переноса.

В результате анализа выявлены общие для английской и немецкой лингвокультур виды метонимического переноса:

1) пространственный:

а) «табуированный объект» - «место, где он находится»:

hinten h. (verhüll.; *am Gesäß*) ein Geschwür haben (DU)

hintenherum 1. b) (verhüll.): *um das Gesäß herum, in der Gegend des Gesäßes*: sie ist h. fülliger geworden (DU)

nether regions 2. (**one's nether regions**) *euphemistic* one's genitals and bottom. (OED)

back passage *euphemistic* the rectum (OED)

б) «табуированное событие» - «место, где оно происходит»:

powder room *euphemistic* a women's toilet in a public building ■ *N. Amer.* A toilet in a domestic house (OED)

comfort station *N. Amer., euphemistic* a public toilet (OED)

die Erde 2. ***unter der E. liegen** (verhüll.; *tot u. begraben sein*) (DU)

das Heu 1. ***mit jmdm. ins H. gehen** (verhüll.; *mit jmdm. sexuell verkehren*) (DU)

2) причинно-следственный:

а) «табуированный объект/процесс» - «чувство, которое он/оно вызывает»:

curious 2. ■ *euphemistic* (of books) erotic or pornographic (OED)

relieve 5. (**relieve oneself**) used as a formal or euphemistic expression for urination or defecation (OED)

tired Phrases **tired and emotional** used euphemistically to indicate that someone is drunk. (OED)

erleichtern 2. Ü er ging hinaus, um sich zu e. (verhüll.; *um seine Notdurft zu verrichten*) (DU)

die Scham 4. (verhüll.) *Schamgegend*: [sich] die Scham bedecken (DU)

б) «табуированный процесс» - «процесс, который его сопровождает»:

aufstehen 1. b) ***nicht mehr, nicht wieder a.** (verhüll. *nicht mehr genesen und sterben*) (DU)

erlösen 2. Ü er ging hinaus, um sich zu e. (verhüll.; *um seine Notdurft zu verrichten*) (DU)

powder Phrases **powder one's nose** *euphemistic* (of a woman) go to the toilet (OED)

wash Phrases **wash one's hands** go to the toilet (used euphemistically) (OED)

Особый интерес при исследовании взаимосвязи языка и культуры представляют метонимии, обозначенные в настоящем исследовании термином **культурологические**. В основе метонимического переноса в этом случае лежит какой-либо (временной, бытовой) аспект исторической или социальной реалии определенной страны, ассоциирующийся с табуированным понятием. Такие метонимии можно рассматривать как национально-специфические единицы, поскольку без разъяснения их этимологии и внутренней формы они не будут понятны представителям других лингвокультур.

Например, таковым является немецкий эвфемизм **rosa** (*розовый* вм. *гомосексуальный*). В основе данного метонимического переноса лежит цветовой аспект. В нацистской Германии гомосексуалисты заключались в концлагеря, где на одежду в качестве специальной метки, демонстрирующей категорию заключенных, был помещен розовый треугольник:

rosa 2. [nach der rosa Farbe der Listen, in denen früher Homosexuelle registriert wurden] (verhüll.) *Homosexuelle betreffend* (bes. in Namen): eine r. Zeitschrift (DU)

Другим примером культурологической метонимии служит английское эвфемистическое выражение **spend a penny** (*потратить пенни* вм. *пойти в туалет*). Его происхождение, согласно предоставленному в словарной статье лингвокультурологическому комментарию, связано с первыми английскими общественными туалетами, появившимися в Лондоне в 50-х годах 18-го века. Чтобы открыть задвижку на их двери, необходимо было опустить монетку, что и легло в основу данного эвфемизма:

Spend Phrases **spend a penny** used euphemistically to refer to a need to urinate. [with reference to the coin-operated locks of public toilets]. (OED)

Культурологическую обусловленность имеет также английский метонимический эвфемизм *How is your father* (как поживает ваш папа в м. сексуальные отношения). Его происхождение восходит к временам пуританской Англии, когда отцы, беспокоясь о чести своих незамужних дочерей, тайно сопровождали их на балы и светские мероприятия, находясь под длинным подолом их платья. Кавалеры, желая убедиться, сопровождает девушку отец или нет, задавали вопрос «Как поживает ваш папа?», ответ на который служил тайным знаком того, возможно ли сегодня более близкое общение с девушкой:

Father Phrases *How's your father* used euphemistically to refer to sexual intercourse (OED)

Таким образом, можем сделать вывод о том, что метафорические и метонимические эвфемизмы закреплены в парадигматической системе обоих – английского и немецкого – языков и аккумулируют в себе как универсальные представления об окружающей действительности, так и культурно-специфические коннотации.

3. Смена стиля

Смена стиля, несмотря на продуктивность использования (на что указывает большинство исследователей) и многообразие способов реализации (использование заимствований, терминов, книжной лексики, сниженной лексики, «детских» слов), не находит достаточного отражения в исследуемых лексикографических источниках. Лишь 29 единиц зафиксированных эвфемизмов относятся к этому способу образования. Рассмотрим ряд примеров реализации данной модели эвфемизации.

20 зафиксированных эвфемистических единиц являются заимствованиями, прежде всего, из французского языка. Основой возникновения эвфемистического эффекта у заимствований и терминов является затемненная внутренняя форма, не всегда понятная носителям языка:

derriere *euphemistic* the buttocks (CED)

fille de joie *euphemistic* a prostitute (OED)

Embonpoint, das ⟨*franz.*⟩ (geh. verhüll.) *rundlicher Bauch, Schmerbauch*: ein E. ansetzen (WdG)

Liaison, die (geh. verhüll.) *Liebesverhältnis* (WdG)

der Cicisbeo [ital. *cicisbeo*, viell. lautm.] (bildungsspr. verhüll.): *Hausfreund* (DU)

Анализ специфики лексикографической фиксации данных элементов (использование пометы, а не описательного выражения в словаре OED; постановка соответствующей пометы непосредственно перед зоной толкования в словаре DU; отсутствие примеров, иллюстрирующих проявление эвфемистического эффекта в конкретном лингвистическом окружении) позволяет говорить о закреплённости этих единиц в узусе и их реальном эвфемистическом значении.

Что касается большинства других эвфемизмов, являющихся заимствованными по своему происхождению и реализующих благодаря этому свою функцию, отметим, что они не нашли отражения в анализируемых лексикографических источниках. Так, большинство заимствованных наименований серьёзных заболеваний (например, *Gonorrhöe, Hepatitis, Tumor*), обладающих по мнению исследователей высоким эвфемистическим потенциалом [Rada 2001, S. 41], не снабжены в словарях DU и WdG пометами, указывающими на возможности их функционирования в качестве эвфемизмов. Данный факт объясняется контекстуальными особенностями употребления подобных наименований.

Синтаксические эвфемизмы

Наибольшие трудности в практике лексикографирования эвфемистических наименований сопряжены с фиксацией эвфемизмов, представленных разнообразными *синтаксическими конструкциями*. Данный факт подтверждается количественными показателями проведенного исследования – в анализируемых источниках зафиксировано лишь 25 единиц подобных эвфемизмов, при этом все они обнаружены исключительно в словарях немецкого языка.

Отметим, что подобные конструкции отличаются высокой степенью эффективности реализации эвфемистической функции, поскольку каждый раз имеют новое лексико-семантическое содержание при неизменной синтаксической форме. Благодаря этому эвфемистическое значение подобных единиц не исчезает вследствие их многократного использования в речи. Иными словами, основное отличие таких единиц от эвфемизмов других уровней языковой системы заключается в том, что их содержание постоянно меняется, в то время как форма остается статичной; фонетические, морфологические и лексические эвфемизмы отличаются статичностью и формы, и содержания.

Зафиксированные синтаксические эвфемизмы образованы посредством следующих конструкций:

1) эллипсис:

können 1.c) Sie können mich mal (verhüll.; *Sie können mich mal am Arsch lecken*) (DU)

der Tag 2. d) (verhüll.) [*Tage der*] *Menstruation*: sie hat ihre –e. (DU)

müssen a) (umg. verhüll.) sie mußten heiraten (*sie heirateten, weil ein Kind unterwegs war*) (WdG)

2) замена утвердительной конструкции на отрицательную:

die Folge 1. das Verhältnis blieb **nicht** ohne Folge (verhüll.; *aus dieser Beziehung ging ein Kind hervor*) (DU)

gleichgültig 2. sie ist ihm **nicht** g. (verhüll.; *sie bedeutet ihm etwas, gefällt ihm*) (DU)

abhold (verhüll.) er war dem Wein **nicht** a. (*trank gern*) (WdG)

besonders d) (umg. verhüll.) nicht b. */drückt Unzufriedenheit aus/ nur mittelmäßig*: das Buch gefällt mir nicht b. (WdG)

3) эпитроп:

der Gashahn den G. aufdrehen (verhüll.; *Selbstmord durch Einatmen von Gas verüben*) (DU)

die Arbeit (verhüll.) der A. aus dem Wege gehen (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

4) оксюморон:

einkaufen 1.b) Ü ohne Geld, kostenlos e. (verhüll.; *Ladendiebstahl begehen; stehlen*) (DU)

Такие эвфемистические конструкции широко используются в речевой коммуникации, однако они практически не находят отражения в лексикографической практике. Это связано с тем, что количество вариантов синтаксических эвфемизмов может быть бесконечным. Так, например, конструкция «отрицание + антоним нежелательной единицы» может наполняться практически любыми положительно окрашенными лексемами и выполнять эвфемистическую функцию в соответствии с коммуникативной ситуацией, например, *er ist nicht ganz gesund* (он не совсем здоров), *sie ist nicht besonders schön* (она не особо красива), *er ist nicht sehr klug* (он не слишком умен) и т.д. Однако фиксация подобных эвфемистических конструкций не может быть регулярной и соответствующими пометами сопровождаются лишь структуры, «претендующие на статус устойчивых словосочетаний» [Реброва 2015, с. 151].

Схожая ситуация наблюдается и в отношении *эллиптических конструкций*.

Как показывает проведенное исследование, за рамками процесса лексикографической фиксации остаются эвфемизмы, образованные в результате трансформации нежелательных словосочетаний; практически не представлены в исследуемых источниках эвфемистические наименования в виде оксюморонов и фигур интертекста. Их полноценная лексикографическая фиксация вряд ли возможна в силу окказионального характера их использования, а также тесной зависимости их функционирования от коммуникативной ситуации и интенций участников общения.

Особенностью синтаксических эвфемизмов является тот факт, что в их структуре сложно выделить доминирующий компонент, обуславливающий появление эвфемистического значения. Это создает дополнительную проблему их лексикографической фиксации: помимо идентификации той или иной единицы как эвфемистической, составителям словаря необходимо выделить в ней опорное слово, т.е. тот элемент, под которым приводится эвфемистическое значение.

Рассмотрим эвфемизм немецкого языка, образованный на основе эллиптической конструкции *sie ist ihm nicht gleichgültig* (она ему не безразлична, т.е. он ее любит). Опорным словом, в заголовочной статье которого поставлена помета, является *gleichgültig*. Однако само по себе выражение *nicht gleichgültig sein* не имеет непосредственного значения «любить кого-либо». Можно предположить, что важную смысловую нагрузку в рассматриваемом эвфемизме выполняет экстралингвистический и собственно лингвистический контекст, в частности местоимения *sie* и *er*; именно они дают реципиенту информацию о возможных романтических отношениях между лицами противоположного пола. Таким образом, все элементы вышеуказанной конструкции отличаются равной степенью релевантности при реализации интенции продуцента, следовательно, выбор опорного слова в данном случае будет достаточно проблематичным.

Отметим, что ограниченный объем лингвистического материала, связанного с синтаксическими эвфемизмами, не позволяет сделать однозначный вывод о закреплённости каких-то определенных номинативных сфер за данной моделью эвфемизации, однако можно отметить, что в большей степени представлены выражения со значением «смерть», «умирать», «иметь интимные отношения с кем-либо».

Итак, процесс лексикографирования синтаксических эвфемизмов сопряжен со значительными трудностями. К основным причинам, препятствующим этому процессу, относятся следующие факторы:

- 1) широкий диапазон лексического материала, наполняющего шаблонные синтаксические модели;
- 2) окказиональный характер использования;
- 3) обусловленность контекстом и прагматическими особенностями коммуникативной ситуации;
- 4) сложность выделения опорного слова при постановке соответствующей пометы.

Лексикографический потенциал эвфемистических наименований варьируется в зависимости от того, какие механизмы лингвистической

реализации лежат в основе образования эвфемизмов. Наибольшей регулярностью фиксации в словарях отличаются эвфемистические единицы, лингвистическая форма которых ограничена определенным количеством вариантов. Это справедливо в отношении фонетических эвфемизмов, а также эвфемизмов-метафор и эвфемизмов-метонимий. В то же время, некоторые модели эвфемизации, «обладающие значительным эвфемистическим потенциалом, остаются за пределами лексикографической фиксации» [Реброва 2015, с. 153]. Такая «сопротивляемость» процессу лексикографирования морфологических, синтаксических и некоторых лексических эвфемизмов объясняется множеством вариантов их лингвистической реализации, а также окказиональными особенностями употребления.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что ряд эвфемизмов (фонетические, морфологические и эвфемизмы, образованные на основе генерализации значения) имеют универсальные для обеих лингвокультур модели лингвистической реализации в отличие от эвфемизмов-метафор и эвфемизмов-метонимий, содержащих национально-культурный компонент.

Примеры фонетических, морфологических, лексических и синтаксических эвфемизмов представлены в Приложении В. Таблица 2 демонстрирует количественное соотношение различных видов эвфемистических наименований, зафиксированных в исследуемых словарях.

Таблица 2. Количественное соотношение различных видов эвфемистических наименований в исследуемых источниках

Виды эвфемизмов	Количество эвфемизмов в DU и WdG	Количество эвфемизмов в OED и CED
Фонетические эвфемизмы	27 (5%)	118 (28%)
Морфологические эвфемизмы	16 (3%)	8 (2%)
Лексические эвфемизмы	491 (88%)	298 (70%)
Синтаксические эвфемизмы	25 (4%)	-

2.4. Характеристика эвфемизмов с точки зрения сопутствующих лексикографических помет

Особую важность при дифференциации эвфемизмов и смежных языковых явлений приобретает уточнение их стилистического статуса и сфер функционирования.

Лексикографическая концепция исследуемых словарей относительного стилистического статуса эвфемизмов может быть определена посредством анализа помет, сопутствующих соответствующим маркировкам эвфемистических единиц. Подобное исследование позволит рассмотреть основные виды помет, которые сопровождают зафиксированные в словарях эвфемизмы и на основе этого выявить дополнительные характеристики, присущие эвфемистическим наименованиям.

Количественный анализ сопутствующих лексикографических помет эвфемистических единиц дал следующие результаты: число эвфемизмов в словаре OED, снабженных дополнительными словарными пометами, составляет 110 единиц, т.е. около 50% от общего количества. В словаре CED количество эвфемизмов, сопровождаемых дополнительными пометами, составляет 79 единиц (39%). В словаре DU 164 эвфемистических единицы имеют сопутствующие лексикографические пометы и комментарии, что составляет 48%, в то время как в словаре WdG таких единиц 136 (63% соответственно). Следует также отметить, что в ряде случаев одна единица имеет более одной сопутствующей пометы, что значительно увеличивает количество последних. Таким образом, в среднем каждый второй зафиксированный эвфемизм имеет указания на различные особенности употребления, включающие в себя, прежде всего, информацию об ограничениях в сфере использования.

Каждый толковый словарь имеет свою обширную систему разнообразных помет, определяющих сферу употребления слова, что значительно усложняет систематизацию и классификацию существующих лексикографических помет и объясняет отсутствие единого терминологического аппарата в данной области. В

настоящей работе использованы классификации существующих помет, представленные в работах В. П. Беркова и В. В. Дубичинского [Берков 2004, с. 172; Дубичинский 2009, с. 59], а также авторские термины для обозначения ряда помет, не представленных в вышеуказанных работах. В результате качественного анализа выявлены следующие группы лексикографических помет, сопутствующих эвфемистическим единицам в словарях DU, WdG, CED и OED:

- 1) ареальные;
- 2) хронологические;
- 3) стилистические;
- 4) оценочные;
- 5) историко-культурологические;
- 6) социально-дифференцированные;
- 7) прагматические.

Считаем целесообразным рассмотреть каждый из видов предоставленной в словарях лексикографической информации и сделать вывод о том, какую функцию они выполняют при определении концепции рассматриваемых словарей относительно эвфемистических единиц.

1. **Ареальные пометы** (термин В. П. Беркова) указывают на территориальное распространение лексемы. В словарях OED и CED зафиксировано 68 эвфемизмов, являющихся территориальными или региональными вариантами нежелательной единицы.

В словарях DU и WdG обнаружено только 3 подобных эвфемизма. Они маркированы с помощью помет *land.* (территориально ограниченное употребление) и *norddt.* (северо-немецкое):

die Armenkasse *etw. aus der A. kriegen (verhüll. landsch. scherz. *Schläge bekommen*) (DU)

Schiet, der (norddt. umg. verhüll.) *Dreck, Scheiße*

Незначительное количество ареальных помет, сопровождающих эвфемизмы немецкого языка, с одной стороны, может свидетельствовать о том, что содержащийся в словаре корпус эвфемистических единиц распространен на всей

территории страны. С другой стороны, как отмечает В. П. Берков, «региональные дублеты в пределах одной страны обычно затруднительно привязать к какой-либо конкретной административной единице» [Берков 2004, с. 181], в связи с чем помета, маркирующая подобную лексику, ставится крайне «осторожно».

Большее количество ареальных помет в словарях OED и CED объясняется тем, что английский язык объективно используется на более обширной территории и в большем количестве стран, нежели немецкий. Основными региональными вариантами являются британский, американский и канадский, австралийский и новозеландский. В рамках этих вариантов можно обнаружить большое количество отличающихся друг от друга местных диалектов. Ниже приведены примеры эвфемизмов, сопровождающихся ареальными пометами:

cloakroom 2. *British* a euphemistic word for lavatory (CED)

comfort station *euphemistic N.Amer.* a public toilet (OED)

hang Phrases (a) **hang of (a)** *S.African & Austral./NZ informal* used to emphasize something very bad or great: *we had to walk a hang of a long way.* [*hang*, a euphemism for *hell*, apparently from New Zealand English] (OED)

2. **Хронологические пометы** (термин В. В. Дубичинского) представлены в полученном корпусе эвфемистических единиц в следующем количестве – 12 (3%) в английском языке и 22 (4%) в немецком. При этом лексика классифицируется на устаревшую, вышедшую из активного употребления (пометы *archaic* и *veraltet* соответственно) и устаревающую, все реже использующуюся в современной коммуникации (пометы *dated* и *veraltend*).

3. **Стилистические пометы** образуют наибольшую группу лексикографических помет в исследуемых источниках; наиболее высокой является частота их использования в немецких словарях.

В зависимости от того, какая стилистическая помета сопровождает эвфемизм, можно определить стилистический регистр эвфемистической единицы (низкий, нейтральный или высокий), а также сделать вывод о возможных ограничениях в плане сфер их функционирования. Данная информация

необходима для уточнения стилистических и прагматических характеристик эвфемистических наименований.

С помощью системы стилистических помет в словарях немецкого языка фиксируется лексика высокого стиля (в этих целях используется помета *gehoben*), нейтрально окрашенная лексика (для ее маркировки не используются стилистические пометы), а также стилистически сниженная лексика, на которую указывает сразу несколько помет: *umgangssprachlich* (разговорное), *familiär* (фамильярное), *salopp* (просторечное), *derb* (грубое). Ниже представлена характеристика каждого из указанных лексических пластов.

Достаточно многочисленную группу составляют возвышенные эвфемистические наименования (119 единиц). По мнению О. С. Ахмановой, к подобным словам и выражениям прибегают, «если обстановка требует возвышенных выражений» [Ахманова 2009, с. 261]. Очевидно, что последнее условие справедливо по отношению к эвфемизмам, принадлежащим к номинативной области «Смерть. Смертельные заболевания», например:

vollenden 1. Ü sein Leben v. (geh. verhüll.; *sterben*) (DU)

der Überrest * die sterblichen -e (geh. verhüll.; *der Leichnam*) (DU)

Welt, die (geh. verhüll.) aus der W. gehen, scheiden (*sterben*) (WdG)

schließen (geh. verhüll.) er hat seine Augen für immer geschlossen (*ist gestorben*) (WdG)

Функционирование возвышенной эвфемистической лексики с подобной семантикой оправдано, на наш взгляд, необходимостью «создания определенного эмоционального фона, торжественной траурной атмосферы» [Реброва 2015, с. 62].

Помета *gehoben* также сопровождает незначительное количество эвфемизмов, относящихся к номинативным областям «Личная жизнь», «Вредные привычки», «Физиология человека».

Своего рода тенденцией стоит считать одновременное использование помет *gehoben* и *veraltend* (устаревашее). Такая маркировка свидетельствует о том, что возвышенная эвфемистическая лексика носит устареваший характер и

постепенно выходит из употребления. Примерами единиц, сопровождаемых данными стилистическими пометами, служат следующие:

beiwohnen (иметь интимные отношения, сожительствовавший),

in guter Hoffnung sein (быть в положении),

ein Kind der Liebe («дитя любви», незаконнорожденный),

Feld (поле битвы),

zur großer Armee abgehen (отправиться в великую армию, умереть).

В отдельных случаях наблюдается определенная несогласованность в постановке пометы *gehoben*. Так, эвфемизм *Entschlafene* (умерший) не имеет указания на высокий стиль, в то время как глагол *entschlafen* (умирать) сопровождается соответствующей пометой. Обращает на себя внимание отсутствие пометы *gehoben* у фразеологических эвфемизмов *in das Reich des Todes/zur ewigen Ruhen gehen* (уйти в царство смерти, обрести вечный покой), объективно имеющих возвышенное звучание.

90 немецких эвфемизма, относящихся к различным номинативным областям, сопровождаются пометой *umgangssprachlich* (разговорное).

Принципы постановки данной стилистической пометы достаточно противоречивы. С одной стороны, традиционно считается, что к разговорной относится лексика «с ярко выраженной сниженной стилистической окраской, функционирующая, прежде всего в устной разговорной речи, характерной для неформального общения» [Там же, с. 63]. С другой стороны, лексикологи и лексикографы отмечают тот факт, что в современной практике составления словарей данная стилистическая помета сопровождает общеупотребительную, нейтральную лексику [Ludwig 1986, S. 186]. В. П. Берков справедливо заявляет, что лексикографы «склонны переоценивать разговорный – шире, сниженный – характер ряда лексем, снабжая их стилистическими пометами типа *разг.* и даже *прост.*, тогда как эти единицы вполне употребительны в нейтральном стиле» [Берков 2004, с. 173].

Полученный языковой материал дает основания для аналогичных выводов. Прежде всего, обращают на себя внимание случаи несовпадения в постановке

пометы *umgangssprachlich* в исследуемых источниках. Например, глагол *davonmachen* (улизнуть в. умереть) не сопровождается пометой *ugs.* в словаре WdG, однако в словаре DU у той же самой лексической единицы данная помета присутствует.

Кроме того, схожие эвфемистические единицы, зафиксированные в рамках одной словарной статьи, сопровождаются различными сопутствующими стилистическими пометами. Например, в словаре WdG эвфемизмы *wieder zur Erde werden* (снова стать землей в. умереть) и *unter der Erde liegen* (лежать под землей в. умереть) относятся к высокой лексике, на что указывает помета *geh.*, в то время как эвфемистическое выражение *unter die Erde sein* (быть в земле в. умереть) является разговорным.

Кроме того, одно и то же эвфемистическое выражение даже в рамках одного словаря может быть промаркировано по-разному. Например, эвфемизм *einen Griff in die Kasse tun* – воровать (досл. сунуть руку в кассу) дважды фиксируется в словаре DU – первый раз в словарной статье с заголовочным словом *Griff*, второй раз в словарной статье с леммой *die Kasse*. При этом помета *ugs.* сопровождает его лишь в последнем случае. В словаре WdG это выражение также не имеет никаких сопутствующих стилистических помет.

Данные примеры доказывают необходимость разработки более четких принципов постановки стилистических помет при фиксации разговорной лексики. Кроме того, стоит учитывать потенциальный переход разговорной лексики в разряд общеупотребительной.

Помета *salopp* (просторечное) сопровождает лексические единицы, свойственные для неформальной коммуникации и имеющие оттенки грубости, небрежности и бесцеремонности [DU, S. 19]. По мнению К.-Д. Людвига, подобная лексика приемлема и уместна только в устном общении между хорошо знакомыми друг с другом коммуникантами [Ludwig 1986, S. 186].

В исследуемых источниках зафиксировано 25 единиц с пометой *salopp*, большая часть из которых (16) содержится в словаре WdG. Стоит отметить, что в словаре DU данная помета сопровождает эвфемизмы номинативных областей

«Грубые ругательства и «Личная жизнь», что свидетельствует об определенной степени неформальности и коммуникативной ограниченности. Однако в словаре WdG диапазон семантических оттенков эвфемизмов значительно шире, включая единицы номинативной области «Смерть. Смертельные заболевания», что позволяет говорить о достаточно широком подходе составителей словаря WdG к стилистическому статусу эвфемизмов:

fertig 1. c) *f. **werden**(salopp verhüll.; *einen Orgasmus haben*) (DU)

der Arm 4. (salopp verhüll.) *Arsch*: setzt dich auf deinen A.!.; du A.! (DU)

Gefälle, das 2. salopp scherzh. verhüll. der hat ein gutes G. (*kann viel trinken*) (WdG)

Radieschen, das /übertr./ (salopp derb verhüll. scherzh.) sich /Dat./ die R. von unten besehen *tot, gestorben sein* (WdG)

Стоит отметить, что помета *derb* (грубо), сопровождающая последний пример, в принципе противоречит содержанию понятия эвфемизм и уместна лишь при фиксации вульгаризмов и гробианизмов.

Итак, исследование словарей немецкого языка с точки зрения стилистических помет, сопровождающих эвфемистические наименования, свидетельствует о том, что последние представлены как «стилистически диверсифицированные единицы, имеющие разнообразные стилистические оттенки и функционирующие в различных речевых жанрах и коммуникативных ситуациях общения как официального, так и неофициального, бытового» [Реброва 2015, с. 63].

Кроме того, очевидна несогласованность в постановке некоторых стилистических помет, что связано, с одной стороны, с подвижностью лексики и переходом ее из одного стилистического пласта в другой; с другой стороны, это обусловлено отсутствием единой точки зрения на стилистические свойства эвфемизмов.

В словарях английского языка для фиксации книжной, возвышенной лексики используются пометы *formal* и *literally*, а сниженные единицы фиксируются с помощью помет *informal* и *vulgar slang*.

Большая часть зафиксированных в словарях OED и CED эвфемизмов, имеющих сопутствующие стилистические пометы, относятся к разговорному стилю и снабжены пометой *informal*. По своей функционально-семантической характеристике это преимущественно единицы, относящиеся к номинативной области «Грубые ругательства» и служащие для замещения грубой обсценной лексики, например: *basket, dang, darn, deuce, Funny Adams, doggone, freaking, F-word, hang of* и др.

Лишь одна единица из зафиксированных (*asleep* – *мертвый*) сопровождается пометой *literary*; эвфемизм *feck* (используется вместо *fuck*) имеет сопутствующую помету *Irish vulgar slang*.

Можно утверждать, что эвфемизмы английского языка, согласно концепции исследуемых словарей, характеризуются значительно меньшим диапазоном стилистических оттенков и особенностей употребления, нежели эвфемистические наименования немецкого языка. Причина этого может заключаться в «достаточно противоречивой позиции относительно стилистического статуса эвфемизмов, имеющей место в лексикографии английского языка в целом» [Там же, с. 64]. По мнению Ю. С. Арсентьевой, стилистическая дифференциация эвфемизмов не представлена в английской лексикографии в силу того, большая часть эвфемистических единиц характеризуется сниженными стилистическими оттенками и составители словарей эвфемизмов, в частности Р. Холдер, намеренно отказываются от использования развернутой системы функционально-стилистических помет [Арсентьева 2010, с. 64].

Действительно, как показывает проведенное исследование, доля эвфемизмов разговорного стиля, имеющих помету *informal*, достаточно высока и составляет 26% от общего количества. С другой стороны, в корпусе эвфемистических наименований представлена такая лексика, как *challenging, collateral, differently abled, ethnic, neutralize*, сферой функционирования которой является деловое общение. Следовательно, игнорирование других помет, помимо *informal*, является неоправданным. В частности, полагаем, что частота постановки пометы *literary* при фиксации эвфемизмов могла бы быть выше, что

способствовало бы более продуктивному использованию данных лексикографических источников.

Итак, можем сказать, что исследуемые словари имеют различные лексикографические концепции относительно стилистического статуса эвфемизмов. В рамках словарей DU и WdG эвфемизмы рассматриваются как «полистилистическое явление, представленное практически во всех стилистических регистрах и функционирующее в различных коммуникативных ситуациях и речевых жанрах» [Реброва 2015, с. 63]. На разнообразие стилистических оттенков указывает и количественное соотношение стилистически маркированной эвфемистической лексики (около половины от общего количества).

Иная картина наблюдается в корпусе эвфемизмов, представленных в словарях английского языка. С точки зрения стилистического статуса эвфемизмы преимущественно рассматриваются как нейтральные или разговорные единицы.

В то же время, системы стилистических помет исследуемых словарей обнаруживают различия и нерегулярность в стилистической маркировке эвфемизмов, что дает основания для дальнейшего исследования этой проблемы.

4. Оценочные пометы (термин В. П. Беркова) служат для отражения эмоционально-экспрессивного расслоения словарного состава языка. Несмотря на свою функциональную близость со стилистическими пометами (и те, и другие сообщают не денотативную, а коннотативную информацию о той или иной лексической единице), предназначение этих лексикографических средств различно. В то время как стилистические пометы маркируют регистр, связанный с объективно ограниченной речевой областью применения языковых средств, оценочные пометы фиксируют субъективное отношение продуцента к предъявляемой информации: шутливое, ироническое, неодобрительное, презрительное и т.д.

Исследователями оценочных лексикографических помет (см. работы В. П. Беркова, О. А. Емельяновой) неоднократно подчеркивался тот факт, что большинство данных помет характеризуется отрицательной семантикой.

Исходя из функциональной характеристики эвфемизма как средства смягчения нежелательных по тем или иным причинам понятий, логично было бы предположить уместность использования наряду с эвфемистической маркировкой оценочных помет с исключительно «положительной семантикой». Анализ лексикографических источников подтверждает эту гипотезу лишь частично.

Действительно, большая часть зафиксированных в исследуемых словарях эвфемизмов снабжена «положительными» пометами.

В словарях немецкого языка это помета *scherzhaft* (шутливо), сопровождающая 27 единиц эвфемизмов (5%). Ее английским эквивалентом можно считать помету *humorous*, с помощью которой маркированы 16 единиц эвфемизмов (4%).

В то же время в постановке помет данного типа присутствуют определенные спорные моменты.

Во-первых, в словарях DU и WdG представлены и другие сопутствующие эвфемизмам оценочные пометы, имеющие «отрицательную семантику»: *ironisch* (иронически), *spöttisch* (насмешливо), *abwertend* (презрительно), *familiär* (фамильярно). Их количество мало, однако сам факт использования весьма показателен. Отметим, что в словарях OED и CED не представлено никаких других сопутствующих оценочных помет, кроме *humorous*.

Во-вторых, спорным представляется утверждение о положительной семантике пометы *шутливо*. Так, В. Д. Девкин отмечает, что шутливость часто проявляется во взаимодействии с пейоративностью, вульгаризацией и другими характерологическими сторонами слова, вследствие чего возникают сложности при отграничении шутливости от негативности оценки, стилистической сниженности и других составляющих [Девкин 2005, с. 457–460].

Таким образом, приходим к выводу о том, что в процессе коммуникации образование и функционирование эвфемистических единиц может быть обусловлено не одной, а несколькими коммуникативными интенциями говорящего, некоторые из которых могут быть прямо противоположными друг другу. Помимо традиционно выделяемых мотивов эвфемизации (смягчение,

нейтрализация негативной характеристики), ряд исследуемых единиц, снабженных сопутствующими пометами, демонстрирует выражение субъективной оценки продуцента к описываемому денотату. В результате, в одной единице сочетается интенция смягчения нежелательных аспектов отдельного явления, с одной стороны, и стремление к выражению какого-либо субъективного отношения (пренебрежительного, ироничного, насмешливого и др.) к этому же явлению, с другой.

Из этого можно сделать вывод, что сочетание эвфемистических помет с различными оценочными пометами может служить своеобразным лексикографическим маркером факультативности использования единицы в качестве эвфемизма.

Таким образом, отметим, что факт постановки оценочных помет у эвфемистической лексики демонстрирует возможность наличия у эвфемизма субъективной эмоционально-экспрессивной, оценочной характеристики, что, в свою очередь, опровергает представление об эвфемизме как об эмоционально нейтральной единице.

5. Незначительное количество эвфемизмов немецкого языка (4 единицы, 1%) снабжено пометой *nationalsozialistisch* (национал-социалистическое). Несмотря на низкое процентное соотношение, данная помета и маркированная с помощью ее лексика представляют определенный интерес при анализе лексикографического описания эвфемизмов.

Вызывает вопросы категориальный статус данной пометы. О. П. Емельянова, анализируя лексикографические средства, маркирующие расслоение лексики с точки зрения исторической перспективы, исторической эпохи, обусловившей возникновение и функционирование той или иной единицы, отмечает причисление подобных помет к разряду хронологических [Емельянова 2003, с. 42–47].

Однако, очевидно, что подобные пометы, равно как и помета *nationalsozialistisch*, описывают не только частотность употребления единицы в современной коммуникации, но и сообщают дополнительную

лингвокультурологическую информацию (например, указание на политические условия, обусловившие функционирование данной единицы), а также приносят определенную коннотацию.

Г. М. Шипицына отмечает, что слово всегда «переливается историко-культурными и социально-оценочными коннотациями своего времени» [Шипицына 2010, с. 86–87]. Так, совмещение помет *verhüll.* и *nationalsoz.*, с одной стороны, свидетельствует о том, что эвфемистический характер промаркированной единицы обусловлен конкретными политическими условиями (в частности, фашистской властью), а с другой, является маркером нежелательности употребления данной единицы в современных условиях в силу негативных ассоциаций, которые могут возникать у носителей языка при упоминании конкретной исторической эпохи.

Следовательно, анализируемые пометы предоставляют иной тип информации, нежели пометы хронологические, и могут быть вынесены в отдельную группу. Исходя из характера сообщаемой ими информации, было бы уместно обозначить подобные лексикографические средства как **историко-культурологические**.

Наличие подобных помет у эвфемистических единиц немецкого языка свидетельствует о социально-культурной обусловленности эвфемизмов на определенном этапе развития общества. В данном случае речь идет о специфическом политическом режиме, во времена которого преступные правительственные действия (массовые убийства, аресты) обозначались с помощью соответствующих эвфемизмов:

die Euthanasie 2. (nationalsoz. verhüll.) *systematische Ermordung psychisch kranker und behinderter Menschen* (DU)

die Endlösung (nationalsoz.verhüll.). *(von den Nationalsozialisten geplante) vollständige Vernichtung der europäischen Juden* (DU)

Предоставление подобной лексикографической информации позволяет рассматривать эвфемизмы не только как языковую универсалию, обусловленную схожими и существующими во всех культурах табу, находящими свое отражение

в языке, но и как сложное многоаспектное явление, содержащее в своей структуре специфичный лингвокультурологический компонент. Доказательством последнего служит отсутствие подобных эвфемизмов в словарях OED и CED.

6. **Прагматическими** пометами в настоящей работе обозначены различного рода комментарии, разъясняющие конкретные условия употребления той или иной единицы. По своей функциональной характеристике они приближаются к стилистическим пометам, однако являются более узконаправленными и соотносят лексическую единицу не только со стилистическим пластом, но указывают, в каких коммуникативных ситуациях и каких речевых жанрах должны употребляться те или иные эвфемизмы, например, *besonders im Gespräch mit Kindern* (преимущественно в разговоре с детьми), *besonders Werbesprache* (преимущественно в рекламе) и пр. В словаре DU зафиксировано 2 эвфемизма, снабженных подобными комментариями, в то время как в словаре OED – 1 (в обоих случаях менее 1% от общего количества):

der Himmel 2. a) im H. sein (verhüll.; *tot sein*) (*bes. im Gespräch mit Kindern*) (DU)

neutralize ■ (in military and espionage) used euphemistically to refer to killing or destruction (OED)

Такие пометы позволяют пользователю получить более полную информацию об особенностях употребления конкретной единицы. В то же время обращает на себя внимание отсутствие стандартизованности в постановке и оформлении этих лексикографических средств, что, вероятнее всего, связано с многообразием коммуникативных ситуаций, сведения о которых сообщают данные пометы.

7. Заключительную группу помет, сопровождающую эвфемизмы в исследуемых словарях, составляют лексикографические средства, обозначенные в настоящей работе как **социально-дифференцированные** пометы. Их функция заключается в фиксации социальных вариантов языка, лексики, бытующей в профессиональной речи, групповых или корпоративных жаргонах, а также в речи деклассированных элементов общества.

Особый интерес при описании явления эвфемизации представляют пометы, указывающие на возможность использования эвфемизмов в различных формах, выходящих за рамки литературного языка, а именно в речи людей, принадлежащих к уголовному миру, обычно отбывающих срок наказания в тюрьмах, лагерях и т.п. или занимающихся преступной деятельностью на свободе.

Проблема возможности функционирования эвфемизмов в коммуникации специфических социальных группировок является одной из наиболее острых в теории эвфемии. Подробнее данный вопрос рассматривается в разделе 1.2.

Постановка соответствующих социально-дифференцированных помет (хотя и в незначительном количестве) демонстрирует лексикографическую концепцию исследуемых словарей относительно этого аспекта эвфемизации.

Анализ словарей DU и WdG подтверждает мнение З. Лухтенберг о возможности причисления некоторых жаргонных единиц к эвфемизмам:

das Heu 3. (Jargon verhüll.): *Marihuana* (DU)

high (Jargon verhüll.): *in euphorieähnlichem Zustand nach dem Genuss von Rauschgift*: er hatte einen Joint geraucht und war h. (DU)

В словарях OED и CED отсутствуют пометы, свидетельствующие о принадлежности эвфемизмов к криминальному жаргону, однако имеется помета *vulgar slang*, фиксирующая «смягченные» эквиваленты грубых ругательств:

Feck *Irish vulgar slang* used as a euphemism for “fuck” (OED)

Frigging *Vulgar slang* Used as a euphemism for “fucking”, especially for emphasis or to express anger, annoyance, contempt or surprise (CED)

Классификация подобных единиц как эвфемизмов традиционна для английской лексикографии. Так, Ю. С. Арсентьева утверждает, что значительное количество примеров для словаря эвфемизмов английского языка было отобрано Р. Холдером из словарей английского и американского сленга, в результате чего многие включенные в словарь единицы должны расцениваться скорее как дисфемизмы [Арсентьева 2010, с. 63]. Сам лексикограф справедливо отмечает, что иногда очень сложно провести грань между эвфемизмами и вульгаризмами [Holder 2008, p. 43].

С другой стороны, объединение в одной словарной статье указаний на эвфемистическое употребление единицы и пометы *vulgar slang* представляется спорным и противоречивым. Считаю уместным отметить, что дефиниция пометы *vulgar slang* в словаре OED как средства маркировки неформального стиля речи, воспринимаемого собеседником как хамство или оскорбление, является прямо противоположной определению пометы *euphemistic*, использующейся для смягчения прямых наименований понятий, расцениваемых как табу, что в очередной раз доказывает неправомерность категоризации этих единиц как эвфемистических.

В то же время, как уже упоминалось ранее, эвфемистические единицы, замещающие грубые ругательства, образуют одну из обширных номинативных областей. В связи с этим возникает вопрос о дифференциации приведенных выше эвфемизмов с пометой *vulgar slang* от единиц с аналогичной семантикой, но снабженных пометой *informal: **freaking, basket, naff, sugar, rollicking*** и др. Данный факт свидетельствует о нерегулярной постановке отдельных лексикографических помет в анализируемом источнике, а также об отсутствии четких принципов расстановки рассматриваемых помет.

Итак, анализ сопутствующих лексикографических помет позволяет получить такую информацию об эвфемистических единицах, как территориальная и хронологическая ограниченность использования, историческая обусловленность функционирования, прагматические условия употребления. Особый интерес представляет расстановка стилистических, социально-дифференцированных и оценочных помет. Их наличие свидетельствует о достаточно своеобразной и противоречивой лексикографической концепции словарей относительно стилистического и коннотативного статуса эвфемизмов.

Согласно DU и WdG эвфемизмы могут характеризоваться различными стилистическими и эмоционально-экспрессивными оттенками.

В словарях OED и CED система сопровождающих эвфемизмы помет является не настолько распространенной как в словарях немецкого языка. Достаточно ограниченное количество стилистических помет не позволяет сделать

однозначный вывод о возможности присутствия эвфемистических единиц в нелитературных формах существования языка. Однако очевидно, что эвфемизмы могут иметь различную функционально-стилистическую и функционально-экспрессивную окраску, что опровергает представление об эвфемизме как о нейтральной единице.

Выводы по Главе 2

Анализ основных аспектов лексикографической фиксации эвфемизмов в современных толковых словарях английского и немецкого языков позволяет сделать следующие выводы:

1. Широкие возможности реализации эвфемистической функции в контексте, с одной стороны, затрудняют возможности лексикографической фиксации эвфемистических единиц, а с другой – обуславливают необходимость использования системы разнообразных способов их лексикографической экспликации.

На основании различных способов постановки соответствующей пометы (в зоне толкования, в зоне иллюстраций и примеров), а также указания на возможность реализации эвфемистического значения не только с помощью пометы, но и посредством использования лексикографического комментария, указывающего на контекстуальный характер употребления единицы в эвфемистической функции, выделяются два вида эвфемистических наименований – **реальные и потенциальные эвфемизмы**. Первые имеют постоянный эвфемистический характер, проявляющийся как в контексте, так и вне контекста. Второй вид эвфемистических единиц, напротив, реализует свою функцию только при определенном лингвистическом контексте.

Принадлежность единиц к тому или иному типу эвфемистических наименований обуславливает ряд ее семантических и структурных свойств (наличие одного или нескольких эвфемистических значений, механизмы лингвистической реализации эвфемистического эффекта).

Наличие гибкой системы способов лексикографической экспликации эвфемистического значения делает возможным представление информации о контекстуальных условиях возникновения эвфемистического эффекта.

2. Анализ зафиксированных эвфемизмов с точки зрения **представленной в них лингвокультурной информации** свидетельствует о наличии общекультурных и культурно-специфических эвфемизмов в рассматриваемых лингвокультурах. Основаниями для данной дифференциации служит количественный анализ степени закреплённости эвфемистических единиц в парадигме английского и немецкого языков, а также анализ их семантических особенностей.

Причинами, обуславливающими неодинаковую степень репрезентации эвфемистических единиц в исследуемых источниках, являются морально-этические установки общества, социально-исторические особенности развития нации, а также особенности национального менталитета, реализующиеся в ключевых культурных концептах. Так, ключевой концепт немецкой лингвокультуры «Порядок» реализуется в культурно-специфических эвфемизмах номинативной области «Бытовые проблемы», отсутствующей в английском языке. Единицы данной области аккумулируют в себе негативное отношение немцев к неаккуратности, любым отклонениям от нормы и порядка.

На формирование номинативных областей эвфемизации также влияет социально-историческое развитие общества. В результате схожие номинативные области эвфемизации в различных лингвокультурах имеют неодинаковое содержание и рассматриваются как культурно-специфические. Таковой является номинативная область «Политические проблемы и военные действия». В обеих лингвокультурах присутствуют эвфемизмы, обозначающие политические кризисы, войны и гибель в их результате мирного населения, однако в лексикографических источниках немецкого языка представлены также единицы, относящиеся исключительно к периоду фашистской власти, что делает эвфемизмы данной области культурно-специфическими.

3. Анализ механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения в аспекте лексикографической фиксации свидетельствует о том, что способ образования эвфемизмов обуславливает возможность/ невозможность их лексикографирования.

Большая часть зафиксированных в исследуемых словарях эвфемизмов относится к лексическому уровню языковой системы и реализуется посредством использования метафорического и метонимического переноса. Незначительное количество эвфемизмов, образованных посредством осуществления морфологических и синтаксических операций над нежелательной единицей, объясняется тесной зависимостью подобных наименований от контекста и, более того, окказиональным характером отдельных образований (прежде всего, синтаксических).

Также подобный анализ выявляет общие и специфические для исследуемых лингвокультур механизмы образования лингвистического эффекта. Очевидно, что большая часть зафиксированных эвфемизмов реализуется посредством универсальных семантических и структурных изменений замещаемого слова. В то же время в зафиксированном корпусе обнаружены эвфемизмы, образованные посредством метафорического и метонимического переноса, содержащего культурно-специфические коннотации.

4. Система сопутствующих лексикографических помет характеризует эвфемизмы как единицы, обладающие различной функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской, опровергая тем самым традиционное представление об эвфемизмах как эмоционально нейтральных словах и выражениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования демонстрируют многоаспектную природу эвфемистических наименований. Проведена систематизация основных семантических, структурных и лингвокультурных аспектов эвфемистических единиц, изучены традиции их лексикографического описания. Особое внимание уделено корреляции статуса эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации с особенностями их лексикографической фиксации, а также выявлены функционально-коммуникативные особенности эвфемистических единиц английского и немецкого языков.

Анализ эвфемистических наименований с точки зрения лингвокультурологического подхода доказывает их способность выступать средствами репрезентации **лингвокультурной информации**, под которой понимается совокупность воплощенных в языке сведений о национальной специфике народа, о реалиях его материальной и духовной культуры. В частности, эвфемизмы способны аккумулировать такую информацию, как система морально-нравственных ценностей нации, особенности социокультурного развития народа, его традиции, обычаи, суеверия, а также национальный характер. Так, наличие или отсутствие в языке эвфемизмов с определенной семантикой позволяет сделать вывод об отношении носителей языка к тому или иному аспекту жизни общества, а также получить информацию о социокультурном прошлом нации. Например, наличие в немецкой лингвокультуре эвфемизмов, относящихся к реалиям времен нацистской Германии, свидетельствует о негативном отношении народа к подобным историческим фактам.

Исследование эвфемизмов в рамках субституционного подхода, а также их анализ с точки зрения семантической организации замещаемых ими единиц позволили дать следующее определение ключевому для всего исследования понятию эвфемизма. **Эвфемизмы – это языковые средства, направленные на редукцию определенных стигматичных сем antecedентных наименований во**

избежание коммуникативного дискомфорта. Необходимость в редуцировании тех или иных стигматичных сем, а также их интерпретация в эвфемистических наименованиях объясняются особенностями конкретной лингвокультуры.

Предложенная дефиниция делает необходимым выделение групп стигматичных сем antecedентных наименований, порождающих необходимость эвфемистической замены. К таковым в настоящем исследовании отнесены семы «страшный, неизбежный, опасный для жизни», «личный, тайный, скрытый от посторонних глаз», а также «неблагополучный». На основе данных сем выделены следующие номинативные области эвфемизации: «Смерть. Смертельные заболевания», «Личная жизнь», «Физиология человека», «Вредные привычки», «Преступления и их последствия» и пр.

Подобный подход является не альтернативой субституционному подходу, а скорее уточняет его с точки зрения критериев выделения нуждающихся в замене antecedентных наименований и особенностей семантической взаимообусловленности между конвенциональным наименованием и эвфемистическим.

Последнее обстоятельство особенно актуально при дифференциации эвфемизмов и смежных языковых явлений – наименований «престижа», жаргонных наименований и вульгаризмов. Так, последние не могут реализовывать эвфемистическую функцию, поскольку входящие в состав таких наименований стигматичные семы не только не редуцируются, а, напротив, выходят на первый план.

Немаловажным аспектом исследования эвфемистических наименований является анализ их функционально-коммуникативных характеристик, в ходе которого становится возможным выделение различных функций эвфемизмов, коррелирующих с коммуникативными интенциями каждого из собеседников, что, в свою очередь, дает основания для дифференциации социально-медиаторных и манипулятивных эвфемизмов.

Использование структуралистского подхода при исследовании способов образования эвфемистических наименований обнаруживает широкие

возможности реализации эвфемистической функции на всех уровнях языковой системы, что не всегда возможно при применении формально-семантического подхода. В результате в работе исследованы фонетические, морфологические, лексические и синтаксические способы образования эвфемистического эффекта.

Анализ обширного языкового материала (983 словарные статьи из словарей DU, WdG, CED и OED, содержащих указание на возможности использования той или иной лексической единицы в качестве эвфемизма) позволил сделать ряд выводов касательно практики лексикографической фиксации эвфемистических наименований в англо- и немецкоязычной лингвокультурах.

Во-первых, анализ способов маркирования эвфемистических единиц (использование помет или комментариев), а также зон словарной статьи, в которых ставится соответствующая помета, демонстрирует те объективные трудности, которые сопряжены с процессом лексикографирования эвфемистических наименований, главная из которых заключается в широких возможностях реализации эвфемистической функции лишь в определенном контексте. Данное обстоятельство лежит в основе выделения двух видов эвфемистических наименований (**реальные** и **потенциальные эвфемизмы**), классификация которых осуществлялась по способу лексикографической маркировки. Данный метод может быть применен при исследовании функционального статуса прочих лексикографических помет.

Во-вторых, показательным является отбор эвфемистических единиц, сопровождаемых соответствующей пометой или комментарием в корпусе исследуемых источников. Ряд зафиксированных номинативных областей эвфемизации характеризуются различными количественными и качественными параметрами в английском и немецком языках. Данный факт подтверждает культурную обусловленность репрезентации эвфемистических наименований в рассматриваемых лингвокультурах и дает основания для выделения **общекультурных и культурно-специфических эвфемизмов**.

Например, номинативная область эвфемизации «Личная жизнь» в равной степени представлена в словарях английского и немецкого языков (18% и 19%

соответственно). Кроме того, обращает на себя внимание идентичный семантический состав данной области в рассматриваемых лингвокультурах – это обозначения интимных отношений (*intimacy, der Intimverkehr*); лиц, имеющих любовные отношения, но не состоящих в браке (*playmate, der Bekannte*); незаконнорожденных детей (*love child, ein Kind der Liebe*) и пр. Все это дает основания рассматривать данную номинативную область как общекультурную.

Напротив, номинативная область «Бытовые проблемы» представлена только в немецком языке. Несмотря на сравнительно малочисленный состав (16 единиц, 3% от общего количества), эвфемизмы данной номинативной области воплощают один из ключевых концептов немецкой лингвокультуры – порядок (*Ordnung*). Факт наличия их в лексикографических источниках свидетельствует о таких чертах немецкого национального характера, как аккуратность, трудолюбие, чистоплотность. Примерами таких эвфемизмов являются такие единицы, как *seine Visitenkarte hinterlassen, der Schlaf, der Arbeit aus dem Wege gehen*. Данная номинативная область рассматривается как культурно-специфическая.

В-третьих, проведенный анализ свидетельствует о том, что лексикографический потенциал эвфемистических наименований варьируется в зависимости от того, на каком уровне языковой системы происходит изменение нежелательной единицы. Так, фонетические и лексические эвфемизмы, доля которых составляет 16% и 80% соответственно, преобладают среди корпуса зафиксированных единиц в силу того, что они характеризуются относительной закрепленностью эвфемистического значения за конечным количеством лингвистических моделей. Напротив, морфологические и синтаксические эвфемизмы (по 2%) оказывают «сопротивляемость» в процессе лексикографирования, обусловленную неограниченным количеством вариантов лингвистического наполнения шаблонных грамматических и синтаксических конструкций.

Кроме того, на данном этапе исследования выделены общие и специфичные для двух лингвокультур модели реализации эвфемистического эффекта. Так, в обеих лингвокультурах для образования эвфемизмов номинативной области

«Смерть. Смертельные заболевания», как правило, используется метафорический перенос на основе универсальных понятий «переезд, переход, движение», например: *passing, departed, die Reise, gehen*.

В то же время, ряд эвфемистических единиц базируется на ключевых культурных концептах, социокультурных реалиях и символах, например *spend a penny, How is your father, der Klapperstorch hat sie ins Bein gebissen*.

Наконец, анализ сопутствующих лексикографических помет показал, что эвфемизмы не являются стилистически нейтральными единицами, а, напротив, относятся к различным стилистическим регистрам и имеют всевозможные эмоционально-экспрессивные оттенки. На это указывает наличие сопутствующих помет у 489 эвфемизмов, что составляет около 50% от общего количества. Кроме того, наличие у эвфемистических единиц таких сопутствующих помет, как *vulgar slang, abwertend, salopp, derb* в определенной степени противоречит традиционной дефиниции эвфемизма как универсального языкового средства, предотвращающего коммуникативные неудачи посредством более мягкого описания неприятных, табуированных понятий.

Проведенный анализ обнаруживает ряд перспективных областей исследования как в сфере теории эвфемизмов, так и в лексикографии в целом. Интерес представляет исследование эвфемизмов с точки зрения диахронической лексикографии; продуктивным является детальный анализ способов семантизации эвфемистических единиц, что позволит решить проблему синонимических отношений между эвфемизмом и замещаемым словом; также проведенное исследование может оказаться полезным при составлении одно- и двуязычных словарей эвфемизмов. Кроме того, разработанная методика анализа лексикографической фиксации эвфемизмов (анализ семантической характеристики зафиксированных единиц, моделей их лингвистической реализации, сопутствующих лексикографических помет, способов размещения помет в структуре словарных статей, а также иллюстративного материала) применима для исследования функционального статуса других лексикографических помет, маркирующих различные лингвистические явления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

CED – Collins English Dictionary

DU – Deutsches Universalwörterbuch

OED – Oxford Dictionary of English

WdG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология : Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с. – Текст : непосредственный.
2. Амелина, Л. В. Образ кукушки в русской и немецкой народной традиции / Л. В. Амелина. – Текст : электронный // Материалы II Международной научно-практической конференции «Ключевые проблемы современной науки – 2011», Пермь, 15–17 апреля 2011 г. – URL: http://www.rusnauka.com/17_AND_2011/Philologia/9_88094.doc.htm (дата обращения: 10.07.2020).
3. Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. – Текст : непосредственный // Новый большой англо-русский словарь. – Москва : Русский язык, 1993. – С. 6–17.
4. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 590.
5. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.
6. Арсентьева, Ю. С. Словари эвфемизмов: общие принципы составления и представленность в них фразеологического фонда английского и русского языков / Е. С. Арсентьева, Ю. Ф. Арсентьева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 61–69.
7. Арсентьева, Ю. С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание

- ученой степени кандидата филологических наук / Арсентьева Юлия Святославовна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2012. – 23 с. – Текст : непосредственный.
8. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / под редакцией Ю. Н. Караулова. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 233–236.
9. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с. – Текст : непосредственный.
10. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Либроком, 2009. – 296 с. – Текст : непосредственный.
11. Ахматова, Г. Х. Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ахматова Гюзель Хамзяевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2020. – 22 с. – Текст : непосредственный.
12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; [перевод с французского Е. В. и Т. В. Вентцель]. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.
13. Баранов, А. Н. Парадоксы стилистической дифференциации идиом / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог–2003». – Москва : Изд-во РГГУ, 2003. – С. 132–135.
14. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 360 с. – Текст : непосредственный.
15. Баринаова, А. В. Стилистическая оппозиция эвфемизм/дисфемизм в ракурсе функциональных стилей современного русского литературно языка (к постановке проблемы) / А. В. Баринаова. – Текст : непосредственный // Функциональные стили. Жанры. Идиолекты. – 2002. – Вып. 4 (12). – С. 44–48.

16. Баринаова, А. В. Возможно ли использование стилистически сниженной лексики в эвфемистической функции? / А. В. Баринаова. – Текст : непосредственный // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2006. – Вып. 5–6 (13–14). – С. 10–14.
17. Баринаова, А. В. Виды и способы эвфемизации в современном русском литературном языке (на материале газет 1990–2006 гг.) / А. В. Баринаова. – Текст : непосредственный // Вестник КрасГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 6. – С. 230–232.
18. Баркова, Л. А. Эвфемизмы как единицы языковой системы и социальные сферы их употребления / Л. А. Баркова. – Текст : непосредственный // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – 1986. – Вып. 262. – С.107–116.
19. Баскова, Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баскова Юлия Сергеевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 23 с. – Текст : непосредственный.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [перевод с французского Ю. Н. Караулова и др.]. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.
21. Бердова, Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бердова Неля Михайловна ; Киевский государственный педагогический институт иностранных языков. – Киев, 1981. – 230 с. – Текст : непосредственный.
22. Берков, В. П. Двужычная лексикография : учебник / В. П. Берков. – Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный.
23. Блинова, И. С. Этнокультурная специфика концепта «Старость» (на материале русского и немецкого языков) / И. С. Блинова. – Текст :

- непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 129–132.
24. Бобунова, М. А. Русская лексикография XXI века : учебное пособие / М. А. Бобунова. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 200 с. – Текст : непосредственный.
25. Бондарко, А. В. О стратификации семантики / А. В. Бондарко. – Текст непосредственный // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – С. 51–63.
26. Ботороева, Ю. С. Лингвосемиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры (на материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ботороева Юлия Сергеевна ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2010. – 172 с. – Текст : непосредственный.
27. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Брандес. – Москва : Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004. – 416 с. – Текст : непосредственный.
28. Буренкова, С. В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии / С. В. Буренкова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского университета. – 2008. – №. 6. – С. 29–40.
29. Буров, А. А. Некоторые особенности эвфемистического обозначения в русском языке / А. А. Буров. – Текст : непосредственный // Вопросы русского языка и методика его преподавания. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. лингвистического университета, 1994. – С. 3–10.
30. Бушуева, Т. С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бушуева Татьяна Сергеевна ; Смоленский государственный университет. – Москва, 2005. – 175 с. – Текст : непосредственный.

31. Вавилова, Л. Н. К вопросу об эвфемизации современной русской речи / Л. Н. Вавилова. – Текст : непосредственный // Русская и сопоставительная филология : Системно-функциональный аспект. – Казань : Унипресс, 2003. – С. 40–44.
32. Варбот, Ж. Ж. Табу / Ж. Ж. Варбот. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / под редакцией Ю. Н. Караулова. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 552–553.
33. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Вежбицкая А. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.
34. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне языкового поля / С. Видлак. – Текст : непосредственный // Этимология. – Москва : УРСС, 1967. – 480 с.
35. Винокур, Т. Г. Об узуально-стилистическом словаре русского языка / Т. Г. Винокур. – Текст : непосредственный // Теория языка и словари. – Кишинев : Штиинца, 1988. – С. 97–102.
36. Винокур, Т. Г. К вопросу о стилистическом словаре / Т. Г. Винокур. – Текст : непосредственный // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1986. – С. 12–19.
37. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
38. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – Москва : Издательство РУДН, 2006. – 330 с. – Текст : непосредственный.
39. Газизов, Р. А. Национальный характер и доминантные особенности общения немцев / Р. А. Газизов. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 16 (2). – С. 441–445.
40. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка (на английском языке) / И. Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 1977. – 336 с. – Текст : непосредственный.

41. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург : Издательство «Питер», 2000. – 190 с. – Текст : непосредственный.
42. Глиос, О. С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке: на материале англоязычных Интернет-сайтов : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Глиос Елена Степановна ; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2007. – 187 с. – Текст : непосредственный.
43. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – Москва : Айрис-пресс, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.
44. Гольдин, В. Е. Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов / под ред. О. Б. Сиротининой. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 212 с. – Текст : непосредственный.
45. Городникова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Городникова, Е. В. Розен. – Москва : Просвещение, 1967. – 166 с. – Текст : непосредственный.
46. Григорян, А. А. О сексизме, антисексизме и политкорректности / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Спец. вып. 1–2. – С. 466–474.
47. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография : учебное пособие / В. Д. Девкин. – Москва : Высшая школа, 2005. – 670 с. – Текст : непосредственный.
48. Дегтярева, А. Р. Экспериментальная верификация иллокутивной силы функциональных типов эвфемизмов современного русского языка / А. Р. Дегтярева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18041> (дата обращения: 29.07.2020).

49. Дембска, К. Языковые табу: эвфемизмы и вульгаризмы в современном русском языке / К. Дембска. – Текст : непосредственный // *Rossica*. – 1994. – № 38. – С. 235–239.
50. Денисов, К. М. Мировая лексикография в электронно-цифровую эпоху / Денисов К. М., Карпова О. М. – Текст : непосредственный // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2018. – №2. – С. 194–201.
51. Денисова, Э. С. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») / Э. С. Денисова, М. Б. Халиман. – Текст : непосредственный // *Экология языка и коммуникативная практика*. – 2016. – №2. – С. 270–280.
52. Джорджанели, К. Эвфемизмы и словесные табу / К. Джорджанели. – Тбилиси : Caucasian House, 2005. – 120 с. – Текст : непосредственный.
53. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка : учебное пособие / В. В. Дубичинский. – Москва : Наука: Флинта, 2009. – 432 с. – Текст : непосредственный.
54. Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. ; [Перевод с французского]. – Москва : Прогресс, 1986. – 392 с. – Текст : непосредственный.
55. Емельянова, О. Н. Стилистические пометы в толковых словарях / О. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный // *Русская речь*. – 2002. – №5. – С. 45–47.
56. Емельянова, О. Н. Стилистическая помета как лексикографическое средство : (На материале толковых словарей русского языка) / О. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный // *Филологические науки*. – 2002. – №1. – С. 71–75.
57. Емельянова, О. Н. О пометах с семантикой времени в толковых словарях / О. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный // *Русская речь*. – 2003. – №1. – С. 42–47.
58. Емельянова, О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания : (на материале толковых словарей современного русского языка) /

- О. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный // Русский язык сегодня. – 2004. – Вып. 3. – С. 84–90.
59. Емельянова, О. Н. Эмоционально-экспрессивная характеристика лексики в толковых словарях современного русского языка / О. Н. Емельянова. – Текст : непосредственный // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №2. – С. 49–57.
60. Жельвис, В. И. Смерть в немецких эвфемизмах / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 168–174.
61. Зверева, М. И. Территория терминологического распутья вокруг понятия «эвфемизм» / М. И. Зверева. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2017. – №2 (48). – С. 75–81.
62. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии / Д. К. Зеленин. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1929. – 151 с. – Текст : непосредственный.
63. Зиндер, Л. Р. Современный немецкий язык / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 420 с. – Текст : непосредственный.
64. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология : теория и практика / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – Санкт-Петербург : Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с. – Текст : непосредственный.
65. Искоз, А. М. Лексикология немецкого языка / А. М. Искоз, А. Ф. Ленкова. – Ленинград : Учпедгиз, 1963. – 276 с. – Текст : непосредственный.
66. Кацев, А. М. Роль ассоциативности в эвфемии / А. М. Кацев. – Текст : непосредственный // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. – Пятигорск : Пятигорский гос. педагог. ин-т иностранных языков, 1981. – С. 140–148.
67. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия : учебное пособие к спецкурсу / А. М. Кацев. – Ленинград : ЛГПИ, 1988. – 80 с. – Текст : непосредственный.

68. Кипрская, Е. В. Некоторые проблемы исследования эвфемизмов / Е. В. Кипрская. – Текст : непосредственный // Психолингвистические исследования : слово и текст. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 53–58.
69. Кипрская, Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кипрская Екатерина Викторовна ; Вятский государственный гуманитарный университет. – Ижевск, 2005. – 18 с. – Текст : непосредственный.
70. Киселева, С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе : структурно-семантический и прагматический аспекты : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Киселева Софья Александровна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.
71. Клюев, К. В. О функционировании англоязычных эвфемизмов в военно-политической сфере и основных способах их передачи на русский язык / К. В. Клюев, А. В. Лепя, В. Н. Бабаян. – Текст : электронный // Семьдесят третья всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием. 20 апреля 2020 г., Ярославль: сб. материалов конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Ярославль: Издательство ЯГТУ, 2020. – С. 819-825. – URL: <https://www.ystu.ru/files/nauka/73%20%D0%9D%D0%A2%D0%9A%201%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
72. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 320 с. – Текст : непосредственный.
73. Колесникова, М. С. Стилистические дифференциации в лингвострановедческом словаре / М. С. Колесникова. – Текст

- непосредственный // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Смоленск : СГПУ, 2002. – С. 48–52.
74. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с. – Текст : непосредственный.
75. Комлев, Н. Г. Слово в речи : Денотативные аспекты / Н. Г. Комлев. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 216 с. – Текст : непосредственный.
76. Корчевская, М. А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе (на материале англоязычных текстов) : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Корчевская Мария Александровна ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2012. – 18 с. – Текст : непосредственный.
77. Кошарная, С. А. В зеркале лексикона : введение в лингвокультурологию / С. А. Кошарная. – Белгород : Издательство Белгор. ун-та, 2009. – 141 с. – Текст : непосредственный.
78. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.
79. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 28–49.
80. Кудрявцев, А. Ю. Англо-русский словарь табуизированной лексики и эвфемизмов / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – Москва : КОМТ, 1993. – 304 с. – Текст : непосредственный.
81. Кутинова, Е. В. Текстовый потенциал эвфемизмов (на материале германских языков) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кутинова Елена Викторовна ; Московский государственный областной университет. – Мытищи, 2019. – 25 с. – Текст : непосредственный.
82. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин. – Текст : непосредственный // Проблемы языкознания. – 1961. – № 301. – С. 110–124.

83. Левковская, К. А. Лексикология современного немецкого языка / К. А. Левковская. – Москва : Высшая школа, 1968. – 319 с. – Текст : непосредственный.
84. Линеви́ч (Дмитриева), Н. Ю. Семантический аспект эвфемизмов / Н. Ю. Линеви́ч. – Текст : непосредственный // Пелевинские чтения – 2001. – Калининград : Изд-во КГУ, 2002. – С. 106–114.
85. Линеви́ч (Дмитриева), Н. Ю. Прагмалингвистический анализ эвфемизмов современного английского языка в соотнесенности с их семантикой / Н. Ю. Линеви́ч. – Текст : непосредственный // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград : Изд-во КГУ, 2001. – С. 109–121.
86. Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – Москва : Наука, 1976. – 384 с. – Текст : непосредственный.
87. Малыгин, В. Т. Стилистический словарь немецкого языка : учебное издание / В. Т. Малыгин, Г. В. Озеров, Л. Н. Хорев. – Санкт-Петербург : РГПУ. – 1993. – 74 с. – Текст : непосредственный.
88. Малыгина, Е. Н. Характеристика эвфемизмов медицинской речи в художественных текстах русской литературы XIX–XXI вв. / Е. Н. Малыгина. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. Серия: Языкознание. – 2006. – № 10/2. – С. 170–178.
89. Маньковская, Г. Русские эвфемизмы и их эквиваленты в польском языке / Г. Маньковская. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках : Сб. ст. – Москва : Диалог. – МГУ, 1997. – С. 151–157.
90. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
91. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – 208 с. – Текст : непосредственный.

92. Медведева, Т. С. Ценности немецкого народа: история и современность / Т. С. Медведева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – № 3. – С. 130–134.
93. Медникова, Э. М. Адекватность лексикографических помет стилистическим характеристикам слова / Э. М. Медникова. – Текст : непосредственный // Словарные категории. – Москва : Наука, 1988. – С. 145–150.
94. Мейриева, А. С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке : Комплексная характеристика : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мейриева Айшат Султановна ; Ингушский государственный университет. – Ставрополь, 2004. – 26 с. – Текст : непосредственный.
95. Михайлова, О. А. Содержание понятия эвфемизм. К постановке проблемы / О. А. Михайлова, Н. Е. Якименко. – Текст : непосредственный // Слово. Фраза. Текст. – Москва : Азбуковник, 2002. – С. 280–284.
96. Моисеев, М. И. Лексикография английского языка : учебно-методическое пособие для студентов специальностей 022900 «Перевод и переводоведение» и 022600 «Теория и методика преподавания иностранных языков» / М. И. Моисеев. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. – 92 с. – Текст : непосредственный.
97. Мокиенко, В. М. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями) / В. М. Мокиенко. – Берлин : Dieter Lenz, 1995. – 151 с. – Текст : непосредственный.
98. Морковкин, В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – Москва : Издательство Московского университета, 1970. – 71 с. – Текст : непосредственный.
99. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Москва : ЛЕНАНД, 2007. – 264 с. – Текст : непосредственный.

100. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–69.
101. Москвин, В. П. К типологии способов эвфемистической номинации / В. П. Москвин. – Текст : непосредственный // Кирилло-мефодиевские традиции на Нижней Волге : материалы научн. конф. г. Волгоград, 24–25 мая 2002 г. Выпуск 5. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 126–135.
102. Нестерова, О. А. К проблеме стилистически и социально маркированных языковых единиц в большом словаре национального языка / О. А. Нестерова. – Текст : непосредственный // Семантико-стилистические аспекты функционирования языковых единиц. – Барнаул : Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1986. – С. 3–12.
103. Нестерова, О. А. Стилистическое и социальное расслоение просторечия в «Словаре русского языка» (1981–1984) / О. А. Нестерова. – Текст : непосредственный // Вопросы семантики языковых единиц. – Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 1988. – С. 30–36.
104. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учебное пособие / М. В. Никитин. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с. – Текст : непосредственный.
105. Новиков, А. Ю. Прагмалингвистический аспект эвфемизации / А. Ю. Новиков, Т. Б. Новикова. Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 9 : Филологические науки. – 2001. – Вып. 1. – С.107–110.
106. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. Учеб. пособие для вузов / С. И. Ожегов. – Москва : Высшая школа, 1974. – 352 с. – Текст : непосредственный.
107. Ольшанский, И. Г. О некоторых тенденциях в современной немецкой лексикографии / И. Г. Ольшанский. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1977. – №6. – С. 14–22.
108. Ольшанский, И. Г. Лексикология. Современный немецкий язык = Lexikologie : Die deutsche Gegenwartssprache : учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб.

- заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с. – Текст : непосредственный.
109. Павленко, Т. Л. Мягко говоря... / Т. Л. Павленко. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 1996. – №5. – С. 49–54.
110. Павлова, Е. К. Эвфемизмы как существенный элемент речевой коммуникации (опыт прагмалингвистического анализа эвфемизмов в языке политики США) / Е. К. Павлова. – Текст : непосредственный // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – 2001. – № 452. – С. 76–86.
111. Павловская, А. В. Англия и англичане / А. В. Павловская. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – 263 с. – Текст : непосредственный.
112. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 480 с. – Текст : непосредственный.
113. Парахневич, О. С. Отношение человека к смерти (религиозно-культурологический аспект) / О. С. Парахневич, О. Г. Портнова. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2005. – № 2(22). – С. 140–145.
114. Пастухова, О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пастухова Оксана Дмитриевна ; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2019. – 24 с. – Текст : непосредственный.
115. Попова, Т. Г. Метафора в официально-деловом стиле / Т. Г. Попова, Е. В. Сачкова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 5. – С. 191–194.
116. Попова Т. Г. Факторы, влияющие на формирование национального характера / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева. – Текст : непосредственный // Вестник

- Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.– 2019. – Вып. 45. – С. 58–67.
117. Порохницкая, Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Порохницкая Лидия Васильевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2014. – 45 с. – Текст : непосредственный.
118. Потапова, Н. М. Краткий обзор некоторых исследований эвфемизмов / Н. М. Потапова. Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей. Вып. 34 / Отв. редактор В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс. – 2007. – С. 27–38.
119. Потапова, Н. М. Эвфемизмы в языке и речи : (на материале англоязыч. делового дискурса) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Потапова Наталья Михайловна ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – 18 с. – Текст : непосредственный.
120. Прудывус, А. Н. Эвфемизмы в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прудывус Анна Николаевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2006. – 17 с. – Текст : непосредственный.
121. Реброва, Н. Е. Дифференциация эвфемизмов от смежных языковых явлений / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом. Материалы второй заочной международной научно-практической конференции / науч. ред. К. В. Патырбаева, А. В. Попов, Е. Ю. Мазур; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь : Изд-во ПГНИУ, 2013. – С. 152–156.

122. Реброва, Н. Е. Способы описания эвфемизмов и их функциональной характеристики / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Рыбинского государственного авиационного технического университета им. П. А. Соловьева. – 2013. – №1(24). – С. 160–165.
123. Реброва, Н. Е. Функционально-семантическая характеристика эвфемизмов в аспекте лексикографического описания (на материале Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. – 2014. – № 2 (27). – С. 175–181.
124. Реброва, Н. Е. Стилистический статус эвфемизмов в аспекте лексикографического описания / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №5(66). – С. 61–65.
125. Реброва, Н. Е. Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2015. – № 4. – С. 121–124.
126. Реброва, Н. Е. Механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения в аспекте лексикографической фиксации / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 147–154.
127. Реброва, Н. Е. Подвижность пометы *verhüllend* как способ лексикографической фиксации реальных и потенциальных эвфемизмов / Н. Е. Реброва. – Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 15. – С. 60–70.
128. Реброва, Н. Е. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и

- немецкого языков) / Н. Е. Реброва, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – №3(18). – С. 171–177.
129. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учебник / А. А. Реформатский. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – 536 с. – Текст : непосредственный.
130. Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – Москва : Высшая школа, 1975. – 316 с. – Текст : непосредственный.
131. Россова, А. В. Дисфемизм / А. В. Россова. – Текст : непосредственный // Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). – 1999. – Вып. 1 (8). – С. 103–105.
132. Саакян, Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Саакян Левон Николаевич ; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – Москва, 2010. – 23 с. – Текст : непосредственный.
133. Садр, С. М. Лингвистическая сущность косвенной номинации / С. М. Садр. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2011. – № 1. – С. 86–92.
134. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 541 с. – Текст : непосредственный.
135. Сахно, О. С. Эвфемизмы как объект и предмет лингвистического описания / О. С. Сахно. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. – 2004. – № 4. – С. 136–139.
136. Сеничкина, Е. П. Тематические группы эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Текст : непосредственный // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения. Межвуз. сб. научн. трудов. – Москва : Изд-во МГОУ, 2004. – С. 94–96.

137. Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : учеб. пособие / Е. П. Сеничкина. – Москва : Высшая школа, 2006. – 151 с. – Текст : непосредственный.
138. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 464 с. – Текст : непосредственный.
139. Складаревская, Г. Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) / Г. Н. Складаревская, И. Н. Шмелева. – Текст : непосредственный // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Москва : Наука, 1974. – С. 88–94.
140. Складаревская, Г. Н. Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика / Г. Н. Складаревская. – Текст : непосредственный // Мир русского слова и русское слово в мире : материалы XI конгр. МАПРЯЛ. Т. 2. – Варна : Heron Press Sofia, 2007. – С. 525–530.
141. Скребнев, Ю. М. Мейозис / Ю. М. Скребнев. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / под редакцией Ф. П. Филина. – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – С. 138.
142. Сковрцов, Л. И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии / Л. И. Сковрцов. – Текст : непосредственный // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре : Сборник статей / ответственный редактор Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука. – 1988. – С. 39-43.
143. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше ; [Перевод с французского А. Сухотина]. Под общей редакцией М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с. – Текст : непосредственный.
144. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : Учеб. пособие для студ. линг. и пед. фак. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с. – Текст : непосредственный.

145. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с. – Текст : непосредственный.
146. Ступин, Л. П. Словари современного английского языка : справочное издание / Л. П. Ступин. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1973. – 67 с. – Текст : непосредственный.
147. Ступин, Л. П. Лексикография английского языка : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Л. П. Ступин. – Москва : Высшая школа, 1985. – 167 с. – Текст : непосредственный.
148. Судилова, В. Г. Концепт «Ordnung» в немецкой языковой картине мира (на материале лексикографических источников и СМИ) / В. Г. Судилова, К. К. Черненко. – Текст : непосредственный // Лексикографическая копилка. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С.42–58.
149. Суперанская, А. В. Общая терминология : вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. Ответственный редактор Т. Л. Канделаки. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. – Текст : непосредственный.
150. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Языковая номинация (виды наименования). – Москва : Наука, 1977. – С. 129–221.
151. Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 336–337.
152. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.
153. Темирбаева, Е. К. Эвфемизмы в языке политики и в художественной литературе / Е. К. Темирбаева. – Текст : непосредственный // Слово в словаре и в тексте. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – С. 13–21.

154. Терещенко, Н. В. Эвфемистические средства объективации концепта «страх» (На материале русского и английского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Терещенко Наталья Владимировна ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2005. – 147 с. – Текст : непосредственный.
155. Тишина, Н. В. К проблеме определения эвфемизма: эвфемизмы в свете теории прототипов / Н. В. Тишина. – Текст непосредственный // Вестник МГЛУ. – 2004. – Вып. 475. – С. 88–89.
156. Тишина, Н. В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тишина Наталья Вячеславовна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2006. – 22 с. – Текст : непосредственный.
157. Торопцева, Е. Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Торопцева Екатерина Николаевна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2003. – 193 с. – Текст : непосредственный.
158. Тюрина, Е. Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюрина Екатерина Евгеньевна ; Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 1998. – 134 с. – Текст : непосредственный.
159. Уварова, Е. А. Системная семантика английского эвфемизма : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Уварова Елена Александровна ;

- Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого. – Москва, 2012. – 28 с. – Текст : непосредственный.
160. Фрезер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер ; [Перевод с англ. М. К. Рыклина]. – Москва : Эксмо, 2006. – 784 с. – Текст : непосредственный.
161. Харитонов, В. Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Харитонов Виктория Юрьевна ; Саратовский государственный социально-экономический университет. – Воронеж, 2008. – 24 с. – Текст : непосредственный.
162. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 184 с. – Текст : непосредственный.
163. Цараева, М. Р. Семантико-функциональная характеристика эвфемизмов в современном английском языке / М. Р. Цараева, О. И. Реунова. – Текст : непосредственный // Некоторые вопросы общего и частного языкознания. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2001. – С. 224–232.
164. Цараева, М. Р. Эвфемизмы как лингвистическое явление : (на материале современного английского языка) / М. Р. Цараева, О. И. Реунова. – Текст : непосредственный // Некоторые проблемы германской филологии. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2000. – С. 31–39.
165. Цыдендамбаева, О. С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «Человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Цыдендамбаева Оюна Сергеевна ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2011. – 21 с. – Текст : непосредственный.
166. Чжан, Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках : лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологические и сопоставительное

- языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чжан Чань ; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2013. – 208 с. – Текст : непосредственный.
167. Шевелева, Л. В. Лексикология современного немецкого языка : курс лекций : учеб. пособие / Л. В. Шевелева. – Москва : Высшая школа, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.
168. Шейгал, Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал. – Текст : непосредственный // Языковая личность : проблемы креативной семантики : Сб. науч. тр. к 70-летию д. ф. н., проф. И. В. Сентенберг. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 158–171.
169. Шипицына, Г. М. Отражение в толковых словарях динамики коннотативных значений слов русского языка / Г. М. Шипицына, М. Б. Геращенко. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №24 (95). – С. 83–89.
170. Шляхтина, Е. В. Использование эвфемии при описании свойств и результатов действия антивозрастной косметической продукции в рекламном тексте на английском и русском языках (на материале журнала «Космополитен» / Е. В. Шляхтина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». – 2019. – № 3. – Т. 16. – С. 54–57.
171. Шувалов, В. И. Эвфемистическая метафоризация в языке и речи / В. И. Шувалов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики и романистики. – 2002. – Вып. 6, ч. 1. – С. 87–91.
172. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с. – Текст : непосредственный.
173. Яшин, П. Н. Национально-культурная специфика образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Яшин Павел Николаевич ; Московский

- государственный лингвистический университет. – Москва, 2009. – 214 с. – Текст : непосредственный.
174. Al-Azzam, B. Social and Cultural Euphemism in Saudi Arabic: a Semantic, a Pragmatic and a Sociolinguistic Analysis / B. Al-Azzam // *Advances in Language and Literary Studies*. – 2017. – Vol. 8, No. 2. – P. 64–69.
175. Allan, K. Euphemism, dysphemism, and cross-varietal synonymy / K. Allan, K. Burrige // *LaTrobe working papers in linguistics, Volume 1*. – 1988. – P. 1–16.
176. Beizaeaa, M. A Semantic Study of English Euphemistic Expressions and Their Persian Translations in Jane Austen’s Novel “Emma” / M. Beizaeaa, S. M. Suzani // *International Academic Journal of Humanities*. – 2016. – Vol. 3, No. 11. – P. 41–53.
177. Bertram, A. Ntc’s Dictionary of Euphemisms / A. Bertram. – NTC Pub. Group, 1999. – 320 p.
178. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Press, 1995. – 491 p.
179. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopedie in zwei Bänden. – 2-er Band. – Leipzig :VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1970. – 1174 S.
180. Faulseit, D. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache / D. Faulseit, G. Kühn. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1969. – 294 S.
181. Giezek, U. Euphemisms and euphemization from the perspective of cognitive linguistics / U. Giezek // *Acta Univ. wratislaviensis*. – 2002. – N 2400: Anglica wratislavensia, N 39. – P. 117-127.
182. Gläser, R. Euphemismen in der englischen und amerikanischen Publizistik / R. Gläser. // *Zeitschrift für Anglizistik und Amerikanistik* . – 1966. –№ 14 – S. 229–258.
183. Hai-long, J. I. Intercultural study of euphemisms in Chinese and English / J. I. Hai-long // *Sino-US English Teaching*. – Volume 5, № 8 (Serial No. 56). – 2008. – P. 54–58.

184. Halliday, M. A. Language structure and language function/ M. A. Halliday // J. Lyons ed. *New horizons in linguistics*. – Harmondsworth: Penguin, 1970. – P. 140–165.
185. Havers, W. *Neuere Literatur zum Sprachtabu* / W. Havers. – Wien, 1946. – 210 S.
186. Holder, R. W. *A dictionary of euphemisms. How not to say what you mean* / R. W. Holder. – Oxford: Oxford university press, 2008. – 416 p.
187. Klein, N. *Love and other euphemisms* / N. Klein. – New York, 1985. – 255 p.
188. Klepanski, G. A. *Towards the main highlights in the history of modern lexicography* / G. A. Klepanski, A. Włodarczyk-Stachurska // *Zeszyty naukowe uniwersytetu rzeszowskiego. Seria filologiczna*. – № 51. – 2008. – P. 85–96.
189. Leinfellner, E. *Der Euphemismus im politischen Sprachgebrauch. Beiträge zur politischen Wissenschaft* / E. Leinfellner. – Berlin, Duncker&Humblot, 1971. – 177 S.
190. Linfoot-Ham, K. *The linguistics of euphemism: a diachronic study of euphemism formation* / K. Linfoot-Ham // *Journal of Language and Linguistics*. – 2005. – Vol. 4, № 2. – P. 227–263.
191. Luchtenberg, S. *Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache* / S. Luchtenberg. – Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 834. – Frankfurt am Mein : Peter Lang, 1985. – 299 S.
192. Ludwig, K-D. *Nicht-denotative Informationen lexikalischer Einheiten als Wörterbucheinträge* / K-D. Ludwig // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. – 1986. – S. 182–194.
193. McGlone, M. S., Batchelor, J. *Looking out for number one: Euphemism and Face* / M. S. McGlone, J Batchelor // *Journal of Communication*. – 2003. – № 53. – P. 251–264.
194. McGlone, M. S. *Contamination and camouflage in euphemisms* / M. S. McGlone, G. Beck, R. A. Pfister // *Communication Monographs*. – 2006. – № 73. – H. 261–282.

195. Neaman, J. S. *Kind Words: A Thesaurus of Euphemisms* / S. Neaman, C. Silver. – New York, 1991. – 409 p.
196. Neaman, J. S. *The Wordsworth Book of Euphemism: The hilarious guide to the unmentionable* / J. S. Neaman, C. Silver. – Wordsworth : Editions Ltd, 1995. – 359 p.
197. Puschel, U. Wortstilistik im Wörterbuch: Zu „Stilfarbung“ und „Gebrauchsangaben“ / U. Puschel // *Ztschr. für germanistische Linguistik*. – 1990. – Jg. 18, № 3. – S. 273–287.
198. Rada, R. *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen* / R. Rada. – Budapest : Akad. Kiado, 2001. – 212 S.
199. Rawson, H. *A Dictionary of Euphemism & other Doublespeak* / H. Rawson. – Oxford : Oxford University Press. – 2003. – 501 p.
200. Seidler, H. *Allgemeine Stilistik* / H. Seidler. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. – 359 S.
201. Schippan, Th. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache* / Th. Schippan. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1992. – 306 S.
202. Schmidt, W. *Deutsche Sprachkunde* / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen volkseigener Verlag, 1967. – 356 S.
203. Schröder, H. *Sprachtabu und Euphemismen. Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel“* / H. Schröder // *Aspekte europäischer Phraseologie*, Baltmannsweiler: Scheider-Verlag Hohengehren. – S. 229–246.
204. Spears, R. A. *Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo and Related Matters* / R. A. Spears. – Signet, 2001. – 448 p.
205. Ungureanu, S. *Euphemisms* / S. Ungureanu // *Studia universitatis Babeş-Bolyai, Philologia*, XLIX, 1, 2004. – P. 127–138

206. Vapordziev, V. Zum Problem der stilistischen Markierungen der Idiome in einem deutschen-bulgarischen idiomatischen Wörterbuch / V. Vapordziev // *Ztschr. für Slawistik*. – B., 1986. – Bd. 31, H. 1. – S. 116–118.
207. Veisbergs, A. Euphemisms in general monolingual dictionaries / A. Veisbergs // *Lexicographica. Series Maior* 109. Niemeyer. – P. 303–312.
208. Warren, B. What euphemisms tell us about the interpretation of world / B. Warren // *Studia Linguistica*. – 1996. – V. 46, № 2. – P. 128–142.
209. Zgusta, L. *Manual of Lexicography* / L. Zgusta. – De Gruyter Mouton, 2010. – 360 p.

Список источников исследования

1. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 3.07.2020).
2. Deutsches Universalwörterbuch. – 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Dudenverlag. – Mannheim, Zürich. – 2011. – 2112.
3. Oxford Dictionary of English / Edited by Angus Stevenson, third edition. Oxford University Press. – 2010. – 2069 p.
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – In 6. Bänden / Herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag. – URL: <https://www.dwds.de/d/wdg> (дата обращения: 3.07.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

1) Реальные эвфемизмы

der Armleuchter 2.b) (salopp abwertend verhüll.) *Arschloch* (DU)

Bacchus *[dem] **B. huldigen** (geh. verhüll.; *Wein trinken*) (DU)

der Beschützer 3. (verhüll.) *Zuhälter* (DU)

die Retirade (veraltend verhüll.) *Toilette* (DU)

der Schoß 2. b) (verhüll.) *weibliche Schamgegend* (DU)

der See Ü der Hund hat einen S. gemacht (2. verhüll.; *hat uriniert*) (DU)

Konzertlager, das (naz. umg. verhüll.) *Konzentrationslager* (WdG)

Leibhaftige, der; -n, /ohne Pl./ (umg. verhüll.) *Teufel* (WdG)

Rasen, der /bildl./ (geh. verhüll.) ihn deckt schon längst der kühle R., er liegt schon lange unter dem grünen R. (*er ist schon lange tot*) (WdG);

Radieschen, das /übertr./ (salopp derb verhüll. scherzh.) sich /Dat./ die R. von unten besehen *tot, gestorben sein* (WdG)

Stoff, der; -(e)s, -e 3. **d** /übertr./ (salopp verhüll.) *Rauschgift* (WdG)

ruddy 2. *Brit., informal, dated* used as a euphemism for «bloody» (OED)

tarnation *chiefly N. Amer.* used as a euphemism for «damnation» (OED)

feck *Irish vulgar slang* used as a euphemism for «fuck» (OED)

back passage noun *Brit., euphemistic* the rectum (OED)

intimate verb 2. ■ *euphemistic* having sexual relationship (OED)

office noun 14. (usually plural) *British euphemistic* a lavatory (esp. in the phrase *usual offices*) (CED)

2) Потенциальные эвфемизмы

ablösen 2. der Vorsitzende muss abgelöst (verhüll. *aus seinem Amt entfernt*) werden. (DU)

anrühren 1. a) er rührt seine Frau nicht mehr an (verhüll. *hat keinen Geschlechtsverkehr mehr mit ihr*) (DU)

gleichgültig 2. sie ist ihm nicht g. (verhüll.; *sie bedeutet ihm etwas, gefällt ihm*) (DU)

halten 11. b) man erzählt sich, dass sie es mit ihrem Chef hält (verhüll.; *dass sie mit ihm ein Liebesverhältnis hat*) (DU)

heiraten a) sie mussten h. (verhüll.; *sie mussten heirateten, weil sie ein Kind erwarteten*) (DU)

mitnehmen 1. c) die Einbrecher haben nur Schmuck mitgenommen (verhüll.; *gestohlen*) (DU)

abhold verhüll. er war dem Wein nicht a. (*trank gern*) (WdG)

Anstalt, die; -, -en 1. öffentliche Einrichtung. b) *Heilstätte*:... (verhüll.) er ist in die A. (*ins Irrenhaus*) gebracht worden (WdG)

Arbeit, die verhüll. der A. aus dem Wege gehen (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

treiben II 2. /bezeichnet ein bestimmtes Tun, Handeln/ (hat) a) ... (verhüll.) es geht ihm sehr schlecht, er wird es sicher nicht mehr lange t. (*wird bald sterben*) (WdG)

reduced circumstances used euphemistically to refer to the state of being poor after being relatively wealthy (OED)

put smth. to sleep kill an animal, especially an old or badly injured one, painlessly (used euphemistically) (OED)

slip away ■ die peacefully (used euphemistically): He lay there and quietly slipped away (OED)

do 32. (transitive) taboo , slang (of a male) to have sexual intercourse with (CED)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Номинативные области общекультурных эвфемизмов

1. Смерть. Смертельные заболевания

auskämpfen 3. ***ausgekämpft haben** (verhüll.; [nach schwerem Leiden] *gestorben sein*) (DU)

dahingehen 3. (verhüll.) *sterben*: er ist früh dahingegangen (DU)

heimholen Ü Gott hat ihn heimgeholt (verhüll.; *er ist gestorben*) (DU)

der Freund 1. ***F. Hein** (verhüll.; *der Tod*; bes. durch M. Claudius bekannt gewordene Tabubez.; Hein = niederd. Kurzf. von Heinrich) (DU)

der Feind 2.c) ***vor dem F. bleiben** (verhüll.; *im Krieg fallen*) (DU)

das Geleit ***jmdn. das letzte G. geben** (verhüll.; *an jmds. [feierlichen] Beerdigung teilnehmen*) (DU)

ausleiden, (geh. verhüll.) /*heute nur noch in der Form*/ ausgelitten haben (*gestorben sein*) (WdG)

hinfahren 4. (veralt. verhüll.) *Sterben* (WdG)

Gevatter, der 2. *Verwandter, Freund, Nachbar* (verhüll.) G. Tod (WdG)

Feld, das 4. /ohne Pl./ *Kriegsschauplatz, Schlachtfeld* (geh. verhüll.) er ist auf dem F. der Ehre (*als Soldat, im Kampf*) gefallen; den Tod auf dem F. der Ehre finden (WdG)

eternity ■ used euphemistically to refer to death: *he could have crashed the car and taken them both to eternity* (OED)

go 2. ■ die (used euphemistically): *I'd like to see my grandchildren before I go* (OED)

departed *euphemistic* a) dead, deceased (CED)

pass 1. ■ *euphemistic* die: *I was with him the night he passed* (CED)

2. Личная жизнь

andersherum 2. (verhüll.) *homosexuell* (DU)

der Beschützer 3. (verhüll.) *Zuhälter* (DU)

gleichgültig 2. sie ist ihm nicht g. (verhüll.; *sie bedeutet ihm etwas, gefällt ihm*) (DU)

devot c) (verhüll.) *bereit, zur Steigerung des Lustgewinns sadistische Handlungen an sich vornehmen zu lassen* (DU)

das Gewerbe 1. * **das älteste G. der Welt** (verhüll.; *die Prostitution*) (DU)

der Verkehr 2. b) (verhüll.) *Geschlechtsverkehr: vorehelicher, außerehelicher V.; V. [mit jmdm.] haben* (DU)

Bekannte, der (umg. verhüll.) sie ging mit ihrem Bekannten (*Freund*) spazieren (WdG)

Kind, das 2. *Abkömmling, Nachkomme*: (verhüll.) ein K. der Liebe (*uneheliches Kind*) (WdG)

intimacy ■ *euphemistic sexual intercourse* (OED)

playmate 2. used euphemistically to refer to a person's lover (OED)

interesting Phrases **in an interesting position** *euphemistic* (of a woman) pregnant (OED)

escort ■ *euphemistic a prostitute* (OED)

massage parlour ■ *euphemistic a brothel* (OED)

way Phrases **That way** used euphemistically to indicate that someone is homosexual: *he was a bit that way*. (OED)

love child *euphemistic* an illegitimate child; bastard (CED)

working girl 2. *informal euphemistic* a prostitute (CED)

3. Физиология человека

der Apfel 3. (verhüll.) *Brüste* (DU)

der Finger 1. ***der elfte F.** (verhüll.; *Penis*) (DU)

der Haufen 1. einen [großen, kleinen] H. machen (verhüll.; *seinen Darm entleeren*) (DU)

hinten h. (verhüll.; *am Gesäß*) ein Geschwür haben (DU)

rühren 4. ***ein menschliches Rühren verspüren** (verhüll.; *den Drang verspüren, seine Notdurft zu verrichten*) (DU)

verschwinden a) ich muss mal v. (verhüll.; *auf die Toilette gehen*) (DU)

verschwiegen b) einen –en Ort (verhüll.; *die Toilette*) aufsuchen (DU)

Allerwertest (umg. verhüll. scherzh.) der Allerwerteste *Gesäß*: sich auf seinen Allerwertesten setzen (*sich hinsetzen; hinfallen*) (WdG)

erleichtern 1. *etw. leichter machen* (umg. scherzh. verhüll.) sich e. *die Notdurft verrichten* (WdG)

Kaiser, der (umg. verhüllend scherzh.) ich gehe dorthin, wo (selbst) der K. zu Fuß hingeht (*ich gehe auf die Toilette*) (WdG)

Rücken, der 1. *Rückseite des menschlichen Körpers zwischen Nacken und Becken* (umg. verhüll. scherzh.) der verlängerte R. (*Gesäß*) (WdG)

relieve 5. (**relieve oneself**) used as a formal or euphemistic expression for urination or defecation (OED)

office 5. ■ (**usual offices**) *euphemistic* a toilet (OED)

nether regions 2. (**one's nether regions**) *euphemistic* one's genitals and bottom (OED)

back passage *euphemistic* the rectum (OED)

cloakroom 2. (British) a euphemistic word for lavatory (CED)

the call of nature used euphemistically to refer to a need to urinate or defecate (CED)

manhood 4. *informal, humorous* a euphemism for man's genitalia (CED)

4. Заболевания. Недостатки внешности

beleibt b) (verhüll.) *dick* (DU)

das Esszimmer 2.b) (verhüll.). [*künstliches*] *Gebiss* (DU)

der Hörfehler 2. (verhüll.): *Schwerhörigkeit*: einen H. haben (*schwerhörig sein*) (DU)

der Jahrgang a) die reiferen Jahrgänge (verhüll.; *die älteren Menschen*) (DU)

mollig 1. sie ist m. (verhüll.; *dick*) geworden (DU)

Bauch, der a) verhüll. ein Bäuchlein] (*einen dicken Bauch*); einen B. ansetzen, kriegen (*einen dicken Bauch bekommen*) (WdG)

stark c) verhüll. *beleibt*: er, sie ist s. geworden; eine s. Dame (WdG)

challenged - used euphemistically to indicate that someone suffers disability in a specified respect: *my experience of being physically challenged* (OED)

golden ager *euphemistic* an old person (OED)

issue - use of the term is a euphemistic way of avoiding the word **problem**, seen as negative and stigmatizing (OED)

mature 1. ■ used euphemistically to describe someone middle-aged or old: *Miss Walker was a mature lady when she married* (OED)

5. Грубые ругательства

das Armloch 2. (verhüll.) *Arschloch* (DU)

der Ärmel ***leck mich am Ä.!** (verhüll. *leck mich am Arsch!*) (DU)

bescheiden 3. (verhüll.) *sehr schlecht, unerfreulich*: Mensch, ist das ein –es Wetter! (DU)

Götz G. von Berlichingen (verhüll.; *lass mich in Ruhe*; nach dem Götzzeit) (DU)

ImaA verhüll. für: **lech mich am Arsch!** (DU)

Scheibenhonig, der salopp b) derb verhüll. /in Verwünschungen, Flüchen als Ausdruck starker Enttäuschung/ so ein S. (*Mist*)! (WdG)

Deuce used as a euphemism for “devil” in expressions of annoyance, impatience, surprise, etc: *How the deuce are we to make a profit?* / *What the deuce are you trying to do?* (OED)

basket 3. euphemism for **bastard** (OED)

bally old-fashioned euphemism for **bloody** (OED)

heck Origin late 19th cent. (originally northern English dialect): euphemistic alteration of **hell** (OED)

blessed 6. a euphemistic word for **damned**. *I'm blessed if I know* (CED)

eff 1. Euphemism for **fuck** *eff off* (CED)

dang euphemism for **Damn**: *just get the dang car started!* (OED)

6. Сверхъестественные силы

der Gehörnte 2. (verhüll.): *Teufel* (DU)

die Herrschaft 4. * **H. [noch mal]!** (Ausruf des Unwillens; verhüll. für Herrgott) (DU)

je [verhüll.; gek. aus dem Namen Jesu] drückt Bedauern od. Erschrecken aus: o je!; ach je, wie schade! (DU)

der Kuckuck *[in den Wendungen steht „Kuckuck“ verhüll. für: Teufel] (DU)

der Leibhaftige (verhüll.): *Teufel* (DU)

cripes used as a euphemism for Christ (OED)

gad Origin late 15th cent.: euphemistic alteration of **God** (OED)

gosh used as a euphemism for “God”: *a gosh-awful team* CED

gum Origin early 19th cent.: euphemistic alteration of *God*

Номинативные области культурно-специфических эвфемизмов

1. Бытовые проблемы

bescheiden 3. (verhüll.) *sehr schlecht, unerfreulich*: Mensch, ist das ein –es Wetter! (DU)

mittelmäßig diese Leistung war sehr m. (verhüll.; *war ziemlich schlecht*) (DU)

die Visitenkarte ***seine V. hinterlassen** (verhüll.; *irgendwo Spuren von Unsauberkeit, Kritzeleien o.Ä. hinterlassen*) (DU)

Arbeit, die **1. produktive (berufliche) Tätigkeit des Menschen** (verhüll.) der A. aus dem Wege gehen (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

Meinungsverschiedenheit, die ... (verhüll.) *Streit, Auseinandersetzung*: wir hatten nur eine (kleine) M. (WdG)

besonders d) (umg. verhüll.) nicht b. */drückt Unzufriedenheit aus/ nur mittelmäßig*: das Buch gefällt mir nicht b., die Arbeit befriedigt mich nicht b.; heute war das Essen nicht b.; bist du zufrieden? (WdG)

Arbeit, die 1. *produktive (berufliche) Tätigkeit des Menschen* (verhüll.) der A. aus dem Wege gehen (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

2. Политические проблемы и военные действия

die Endlösung (verhüll.). (*von den Nationalsozialisten geplante*) *vollständige Vernichtung der europäischen Juden* (DU)

das Feld 2.c) *vor dem F. bleiben (verhüll.; *im Krieg fallen*) (DU)

die Säuberung 2. ethnische S. (verhüll.; *planmäßige Eliminierung einer od. mehrerer ethnischer Gruppen durch Vertreibung, verbrecherische Militäraktionen, Mord u.Ä.*) (DU)

die Sonderbehandlung 1. (verhüll.) (*zur Zeit der nationalsozialistischen Herrschaft*) *Ermordung, Tötung von Gegnern des nationalsozialistischen Regimes sowie von Angehörigen der als minderwertig erachteten Völker und anderer nicht erwünschter Personengruppen.* (DU)

Konzertlager, das naz. umg. verhüll. Konzentrationslager (WdG)

collateral 1. ■ *euphemistic denoting inadvertent casualties and destruction in civilian areas in the course of military operations: collateral damage of civilians/ collateral casualties* (OED)

neutralize ■ (in military and espionage) used euphemistically to refer to killing or destruction (OED)

dusky ■ used in euphemistic or poetic reference to black or other dark-skinned people: *a dusky Moorish maiden.* (OED)

ethnic used in a euphemistic way to refer to non-white people as whole: *a radio station which broadcasts to the ethnic community in Birmingham.* (OED)

Economical - Phrases: **be economical with the truth** *euphemistic* lie or deliberately withhold information. [from a statement given in evidence by Sir Robert Armstrong, British cabinet secretary, in the “Spycatcher” trial (1986), conducted to prevent publication of a book by a former M15 employee.] (OED)

terminological inexactitude A lie (used as a humorous euphemism) (OED)

3. Преступления и их последствия

abholen 3. (verhüll.) *verhaften*: jmdn. nachts a. (DU)

beseitigen 2. (verhüll.) *ermorden, umbringen*: den Kronzeugen, einen Rivalen b. (DU)

die Gewalt 2.b) * **jmdm. G. antun** (verhüll.; *jmdn. vergewaltigen*) (DU)

der Griff 1.a) * **einen G. in die Kasse tun** (verhüll.; *Geld stehlen*) (DU)

mein 2. * **Mein und Dein verwechseln/nicht unterscheiden können** (verhüll.; *sich leicht an fremdem Eigentum vergreifen; im Hinblick auf das Eigentum anderer nicht ganz zuverlässig sein*) (DU)

die Schutzhaft 1. (verhüll.) (*bes. politisch motivierte*) *Vorbeugehaft*: jmdn. in S. nehmen (DU)

die Schutzgebühr 2. (verhüll.) *Schutzgeld* (DU)

ausführen 3. (umg. scherzh. verhüll.) *jmdm. etw. entwenden*: er hat seinem Bruder das Taschenmesser ausgeführt (WdG)

ausblasen 1. *etw. durch Blasen löschen, auspusten* geh. verhüll. jmdm. das Lebenslicht a. (*ihn töten*) (WdG)

ausräumen 2. /übertr./ (salopp verhüll.) *etw. leer stehen, plündern*: der Dieb räumte ihm d. Tasche, Wohnung aus (WdG)

ausrutschen *wegrutschen* (umg. verhüll.) ihm ist die Hand ausgerutscht (*er hat jmdm. im Affekt einen Schlag versetzt*) (WdG)

Gesetz, das 1. *gültige Norm des Rechtes, die vom zuständigen Staatsorgan, meist vom Parlament, festgesetzt oder sanktioniert worden ist* (verhüll.) er ist mit dem G. in Konflikt geraten, gekommen. (WdG)

terminate 1. ■ *euphemistic* murder (someone): *he was terminated by persons unknown* (OED)

interfere (with) 3. *euphemistic* sexually molest someone (especially a child) (OED)

4. Социальные проблемы

ablösen 2. der Vorsitzende muss abgelöst (verhüll. *aus seinem Amt entfernt*) werden. (DU)

freisetzen b) (verhüll.) (*Arbeitskräfte*) *entlassen*: Mitarbeiter (DU)

freistellen 3. (verhüll.) (*Arbeitskräfte*) *entlassen* (DU)

die Geldverlegenheit (verhüll.): *Verlegenheit aufgrund von Geldmangel*: in G. sein (DU)

let Phrases let someone/thing go 1. ■ *euphemistic* dismiss an employee (OED)

reduce Phrases reduced circumstances used euphemistically to refer to the state of being poor after being relatively healthy: *a divorcee living in reduced circumstances.*(OED)

5. Вредные привычки

Bacchus *[dem] **B. huldigen** (verhüll.; *Wein trinken*) (DU)

das Drogenproblem a) (verhüll.) *Drogenabhängigkeit* (DU)

das Heu 3. (verhüll.): *Marihuana*

feuchtfröhlich (umg. scherzh. verhüll.) *fröhlich, ausgelassen durch Alkoholgenuß*: wir waren in f. Stimmung; ein f. Leben führen; das war ein f. Abend (WdG)

abhold verhüll. er war dem Wein nicht a. (*trank gern*) (WdG)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

1. Фонетические эвфемизмы

der Arm 4. (verhüll.) *Arsch*: setzt dich auf deinen A.!.; du A.! (DU)

die Herrschaft 4. * **H. [noch mal]!** (Ausruf des Unwillens; verhüll. für Herrgott)
(DU)

der Kakao 4. ***jmdn., etw. durch den K. ziehen** (*jmdn., etw. [auf gutmütige, lustige Weise] verspotten, lächerlich machen*; „Kakao“ steht hier warsch. verhüll. für „Kacke“) (DU)

der Scheibenhonig 2. (verhüll.) *Scheiße* (DU)

der Scheibenkleister (verhüll.) *Scheiße* (DU)

ruddy 2. used as a euphemism for “bloody” (OED)

gosh used as a euphemism for “God”: *a gosh-awful team* (OED)

Fanny Adams a euphemism for *fuck all* (CED)

Sam Hill used in exclamations as a euphemism for “hell”: *What in Sam Hill is that?* (OED)

shedload Origin 1990s: from **shed** + **load**; perhaps euphemistic after **shitload** (OED)

Shinola ■ used as a euphemism for “shit”: *there'll be the same old Shinola on television.* (OED)

Tee Phrasal verbs **tee someone off** make someone angry or annoyed: *Tommy was really teed off at Ernie.* [probably a euphemistic alteration of **peed off** (OED)]

ruddy 2. used as a euphemism for “bloody” (CED)

shoot used as a euphemism for “shit”: *shoot, it was a great day to be alive.*
(CED)

sugar 4. used as a euphemism for “shit” (CED)

tarnation used as a euphemism for “damnation” (CED)

2. Морфологические эвфемизмы

Älter 1. b) (verhüll.) *alt* (DU)

der Hörfehler 2. (verhüll.): *Schwerhörigkeit*: einen H. haben (*schwerhörig sein*) (DU)

lebensverkürzend 1. erkrankte (verhüll.; *an einer tödlichen Krankheit leidende*) Kinder. (DU)

ImaA verhüll. für: **lech mich am Arsch!** (DU)

die To, Tö (verhüll.) *Toilette* (DU)

Bauch, der 1. (verhüll.) ein **Bäuchlein** (*einen dicken Bauch*); einen B. ansetzen, kriegen (*einen dicken Bauch bekommen*); er hat keinen B. mehr (*ist schlank geworden*) (WdG)

F-word Euphemistic way to refer to the word “fuck” because of its taboo nature (OED)

terminological inexactitude A lie (used as a humorous euphemism) (OED)

untruth A lie or false statement (often used euphemistically): *they go off and tell untruths about organizations for which they worked* (OED)

eff 1. Euphemism for **fuck** *eff off* (CED)

pee Origin late 18th cent.: euphemistic use of the initial letter of **piss** (CED)

3. Лексические эвфемизмы

A) Генерализация значения

danach 1. a) der Morgen, die Zigarette d. (verhüll.; *nach dem Geschlechtsverkehr*) (DU)

machen 12. (verhüll.): *seine Notdurft verrichten*: das Kind hat in die Hose, ins Bett gemacht; ein Vogel hat ihr auf den Hut gemacht (DU)

wohin 3. er muss noch w. (verhüll.; *muss noch zur Toilette*) (DU)

Anstalt, die 1. b) *Heilstätte*: (verhüll.) er ist in die A. (*ins Irrenhaus*) gekommen, gebracht worden (WdG)

freudig b) *Freude bringend, beglückend* (verhüll.) wir gratulieren zum f. Ereignis (*zur Geburt eines Kindes*) (WdG)

accident ■ *euphemistic* an accident of incontinence by a child or animal (OED)

mess 1. ■ used euphemistically to refer to the excrement of a domestic animal:
dog mess (OED)

other 3. (**the other**) used euphemistically to refer to sexual intercourse: *a bit of the other* (OED)

thing 1. ■ used euphemistically to refer to a man's penis (OED)

way Phrases **That way** used euphemistically to indicate that someone is homosexual: *he was a bit that way* (OED)

working girl ■ *euphemistic* a prostitute (CED)

Б) Метафоризация и метонимизация значения

erleichtern 2. Ü er ging hinaus, um sich zu e. (verhüll.; *um seine Notdurft zu verrichten*) (DU)

friedlich 2. b) f.einschlafen (verhüll.; *einen sanften Tod sterben*) (DU)

das Gewerbe 1. ***das älteste G. der Welt** (verhüll.; *die Prostitution*) (DU)

das Geschäft 3. ***sein [großes od. kleines] G. erledigen/verrichten/machen** (verhüll.; *seine Notdurft verrichten; den Darm entleeren od. Wasser lassen*) (DU)

der Haufen 3.c) ***zum alten H. fahren** (verhüll.; *sterben*) (DU)

hinten h. (verhüll.; *am Gesäß*) ein Geschwür haben (DU)

hintenherum 1.b) (verhüll.): *um das Gesäß herum, in der Gegend des Gesäßes*: sie ist h. fülliger geworden (DU)

das Heu 1. ***mit jmdm. ins H. gehen** (verhüll.; *mit jmdm. sexuell verkehren*) (DU)

der Jordan ***über den J. gehen** (verhüll.; *sterben; sein Leben bei etw. verlieren*) (DU)

der Kuckuck *[in den Wendungen steht „Kuckuck“ verhüll. für: Teufel] (DU)

rosa 2. [nach der rosa Farbe der Listen, in denen früher Homosexuelle registriert wurden] (verhüll.) *Homosexuelle betreffend* (bes. in Namen): eine r. Zeitschrift (DU)

die Reise 1. * **jmdn. unter den R. bringen** (verhüll.; *jmds. Tod verursachen*) (DU)

die Ruhe 2. * **in die ewige R., zur ewigen R. eingehen** (verhüll.; *sterben*) (DU)

die Scham 4. (verhüll.) *Schamgegend*: [sich] die Scham bedecken (DU)

die Seele 2. * **die S. aushauchen** (verhüll.; *sterben*) (DU)

Armee, die **1. Heer c)** (veralt. verhüll.) zur großen A. abgehen, abmarschieren, abberufen werden, versammelt werden (*sterben*) (WdG)

abberufen, *jmdn. von seinem Posten zurückrufen* (geh. verhüll.) in jene Welt, in die Ewigkeit a. werden (*sterben*); der Herr hat ihn zur rechten Zeit abberufen (Fallada) (WdG)

Bein, das /übertr./ umg. scherzh. verhüll. der Klapperstorch hat sie, ihr ins B. gebissen (*sie ist schwanger*) (WdG)

gehen 4. *sich irgendwohin begeben* geh. verhüll. er ist von uns, aus der Welt gegangen (*gestorben*) (WdG)

back passage *euphemistic* the rectum (OED)

curious 2. ■ *euphemistic* (of books) erotic or pornographic (OED)

Father Phrases **How's your father** used euphemistically to refer to sexual intercourse (OED)

job Phrases **big jobs** a euphemistic way of referring to faeces or defecation (OED)

office 5. ■ (usual offices) *euphemistic* a toilet (OED)

passing 3. ■ *euphemistic* a person's death: *her passing will be felt deeply by many people.* (OED)

peace Phrases **at peace** 1. *euphemistic* dead and therefore free from the difficulties of life (OED)

relieve 5. (**relieve oneself**) used as a formal or euphemistic expression for urination or defecation (OED)

tired Phrases **tired and emotional** used euphemistically to indicate that someone is drunk. (OED)

wash Phrases **wash one's hands** go to the toilet (used euphemistically) (OED)

asleep ■ used euphemistically to indicate that someone is dead (CED)

departed *euphemistic* a) dead, deceased (CED)

nether regions 2. (one's nether regions) *euphemistic* one's genitals and bottom.
(CED)

B) Смена стиля

die Liveshow 2.a) (verhüll.): *Vorführung sexueller Handlungen (in Nachtlokalen)*
(DU)

die Retirade (verhüll.) *Toilette* (DU)

Swingen 2. (Jargon verhüll.) *Gruppensex betreiben* (DU)

Embonpoint, das <franz.> (geh. verhüll.) *rundlicher Bauch, Schmerbauch*: ein E.
ansetzen (WdG)

doo-doo a child's word for excrement, used euphemistically in other contexts:
when our fax machine isn't working, we're in deep doo-doo. (OED)

fille de joie *euphemistic* a prostitute (OED)

whoopsie Used euphemistically to refer to a piece of excrement. (OED)

derriere *euphemistic* the buttocks (CED)

4. Синтаксические эвфемизмы

die Folge 1. das Verhältnis blieb **nicht** ohne Folge (verhüll.; *aus dieser Beziehung ging ein Kind hervor*) (DU)

gleichgültig 2. sie ist ihm **nicht** g. (verhüll.; *sie bedeutet ihm etwas, gefällt ihm*)
(DU)

einkaufen 1.b) Ü ohne Geld, kostenlos e. (verhüll.; *Ladendiebstahl begehen; stehlen*) (DU)

können 1.c) Sie können mich mal (verhüll.; *Sie können mich mal am Arsch lecken*) (DU)

mehr 3. * nicht m. werden (verhüll.; *nicht mehr gesund werden*) (DU)

der Tag 2. d) (verhüll.) [*Tage der*] *Menstruation*: sie hat ihre –e. (DU)

umsonst 2. a) R das hast du nicht u. getan (verhüll.; *das zahle ich dir heim*) (DU)

weilen nicht mehr unter den Lebenden w. (verhüll.; *schon gestorben sein*) (DU)

die Zahlung 1. die Firma hat die –en eingestellt (verhüll.; *hat Konkurs gemacht*)
(DU)

die Zeit 2.a) seine Z. war gekommen (verhüll.; *sein Tod stand bevor*) (DU)

abhold (verhüll.) er war dem Wein **nicht** a. (*trank gern*) (WdG)

die Arbeit (verhüll.) der A. aus dem Wege gehen (*nicht gern arbeiten*) (WdG)

besonders d) (umg. verhüll.) nicht b. */drückt Unzufriedenheit aus/ nur
mittelmäßig: das Buch gefällt mir nicht b. (WdG)*